

ВСЕЛЕННАЯ МАЙЛЗА ФОРКОСИГАНА

ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

ПАМЯТЬ

Барраярский цикл

Лоис Макмастер Буджолд

Память

«Издательство АСТ»

1989, 1994, 1996

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Буджолд Л.

Память / Л. Буджолд — «Издательство АСТ», 1989, 1994,
1996 — (Барраярский цикл)

ISBN 978-5-17-120905-6

Лоис Макмастер Буджолд – ярчайшая звезда современной американской фантастики. Цикл романов о Майлзе Форкосигане, сыне высокопоставленного сановника с планеты Барраяр, и его родственниках, друзьях и врагах принес ей мировую известность. За произведения этой «космической саги» Буджолд удостоена пяти премий «Хьюго» и трех «Небьюла». В сборник вошли романы «Братья по оружию», «Танец отражений», «Память».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-120905-6

© Буджолд Л., 1989, 1994, 1996
© Издательство АСТ, 1989, 1994, 1996

Содержание

Братья по оружию	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	81
Глава 9	90
Глава 10	102
Глава 11	111
Глава 12	121
Глава 13	132
Глава 14	144
Глава 15	157
Глава 16	166
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Лоис Макмастер Буджолд

Память

Lois McMaster Bujold

VOLUME 3: BROTHERS IN ARMS; MIRROR DANCE; MEMORY

© Lois McMaster Bujold, 1989, 1994, 1996

© Перевод. Т. Черезова, 2020

© Перевод. О. Косова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Братья по оружию

Посвящается Марте и Энди

Глава 1

Его боевой катер неподвижно застыл в доке ремонтной станции. Майлзу показалось, что у машины какой-то злобный вид. Металл обшивки был помят, обожжен и выщерблен. Совсем недавно этот катер сверкал как новенький – юный гордец и забияка. Наверное, раны испортили его характер...

Майлз устало потер подбородок и тяжело вздохнул. Если тут у кого и портится характер, то уж никак не у механизмов. Вот уж действительно – по милу хорош. Он поднялся со скамьи и постарался выпрямиться – насколько позволял искривленный позвоночник. Элли Куин, ловившая каждое его движение, тут же вскочила.

Проковыляв вдоль фюзеляжа, Майлз подозвал представителя «Орбитальных доков Кэй-мера» и указал на задний люк:

– Вот здесь имеет место конструкционный недочет, который меня очень беспокоит. Трап от этого люка выпускается и втягивается как автоматически, так и вручную. Но место, куда он втягивается, находится внутри шлюза, так что, если по какой-то причине трап останется висеть, люк не закроется. Я полагаю, вы можете представить себе последствия.

Самому же Майлзу не требовалось напрягать воображение: результат запечатлелся в его памяти и неотступно преследовал уже три месяца. Стоило закрыть глаза...

– Вы это обнаружили на собственном опыте, адмирал Нейсмит? – с искренним интересом спросил инженер.

– Да. Мы потеряли... личный состав. Я сам чуть было не стал одной из потерь.

– Понимаю, – уважительно отозвался инженер. Но брови у него поползли вверх.

«Да как ты смеешь...»

К счастью для себя, инженер – худощавый мужчина довольно высокого роста – не улыбнулся. Он провел рукой по пазу для трапа, потом подтянулся вверх, заглянул туда и начал что-то бормотать в диктофон. Майлз с трудом подавил желание подпрыгнуть, чтобы увидеть то, что видит он. Несolidно. Сам Майлз приходился инженеру по грудь, так что даже с помощью метровой лестницы с трудом дотянулся бы до паза. А сейчас он слишком устал для физкультуры и не собирался просить Элли Куин, чтобы она его посадила. Он поднял голову и заложил руки за спину, как и подобает адмиралу.

Инженер гулко спрыгнул на палубу дока.

– Да, адмирал, думаю, «Кэймер» сможет для вас это сделать. Сколько у вас катеров?

– Двенадцать.

Четырнадцать минус два равняется двенадцати. Но только не для дендарийских наемников: у них четырнадцать минус два катера равнялось двумстам семи погибшим.

«Прекрати, – мысленно приказал Майлз насмешливому счетоводу, засевшему у него в голове. – Теперь это уже никому не поможет».

– Двенадцать, – сделал пометку инженер. – Что еще?

– Мои собственные инженеры займутся мелким ремонтом, поскольку мы, похоже, прождем здесь достаточно долго. Мой заместитель и главный инженер флота коммодор Джезек хотел поговорить с вашими специалистами по нуль-переходу относительно калибровки стержней Неклина. Кроме того, у меня есть один нуль-пилот с ранением головы, но, насколько я

понимаю, микрохирургическая имплантация в услуги «Кэймера» не входит. И системы вооружений тоже?

– Да, действительно не входят, – поспешно согласился инженер. Он прикоснулся к оплавленному участку обшивки катера, видимо, представляя бои, в которых тот побывал, и прибавил: – Наши орбитальные доки обслуживают главным образом торговые корабли. Наемники в этих краях редкость. Почему вы обратились сюда?

– Вы предложили самые низкие расценки.

– О-о... Нет, я не о корпорации «Кэймер». Я спрашиваю, почему вы прилетели на Землю. Мы находимся в стороне от главных торговых путей, у нас в основном бывают туристы и историки. Э-э... люди мирных интересов.

«Он спрашивает, нет ли у нас здесь контракта, – понял Майлз. – Здесь, на планете с девятимиллиардным населением, вооруженные силы которой даже сравнивать нельзя с пятью тысячами дендарийцев... Понятно. Он боится, что я потревожу старушку Землю. Или думает, что я нарушу секретность и скажу ему, если это действительно так...»

– Вот именно, мирных, – убедительно ответил он. – Дендарийцам необходимы отдых и переоснащение. Мирная планета в стороне от главных пространственно-временных туннелей – как раз то, что доктор прописал.

Он внутренне вздрогнул, вспомнив, какой счет от докторов его дожидается.

Дело было не в Дагуле. Операция по освобождению пленных была тактической победой, почти чудом военного искусства. Его собственные штабисты постоянно твердили об этом, так что, наверное, пора им поверить.

Операция на Дагуле оказалась третьим по численности побегом военнопленных во всей истории человечества, сказал ему коммодор Танг. Поскольку военная история – его конек, скорее всего, он не ошибся. Дендарийцы освободили больше десяти тысяч захваченных в плен солдат – целый лагерь военнопленных – под самым носом Цетагандийской империи. Эти люди стали ядром новой партизанской армии на планете, которую цетагандийцы думали завоевать в два счета. Стоимость операции оказалась удивительно небольшой в сравнении с ее впечатляющими результатами... Если не считать тех людей, которые заплатили за этот триумф своей жизнью: для них цена оказалась бесконечностью, деленной на ноль.

Но того, что последовало за Дагулой, никто не ожидал: разъяренные цетагандийцы начали мстительно преследовать дендарийцев, пока те не добрались до мест, куда военные корабли цетагандийцев не имели доступа. Тогда на смену военным пришли наемные убийцы и диверсанты. Майлз надеялся, что теперь они наконец находятся в относительной безопасности.

– Все на Дагуле IV? – продолжал расспрашивать заинтригованный инженер.

– Операция на Дагуле была секретной, – сдержанно ответил Майлз. – Мы ее не обсуждаем.

– Несколько месяцев назад здесь только о ней и говорили, – заверил его землянин.

«Голова болит...» Майлз прижал ладонь ко лбу, потом скрестил руки.

– Прекрасно... – пробормотал он. Элли Куин поморщилась.

– Это правда, что цетагандийцы назначили награду за вашу голову? – жизнерадостно спросил инженер.

Майлз вздохнул:

– Да.

– О! – изумился инженер. – А я думал, это байки. – Он чуть отодвинулся от Майлза, как будто гнетущая атмосфера насилия, окружающая наемника, это зараза, которая может пристать к нему, если он будет стоять слишком близко. – Как вы планируете расплатиться за изменение конструкции? – откашлявшись, спросил он.

– Оплата наличными по завершении работ, – мгновенно отозвался Майлз. – Приемку работы проводят мои инженеры. Насколько я понимаю, именно такие условия стояли в вашем предложении.

– О... да. Гм-м... – Землянин оторвался от созерцания механизмов и буквально на глазах превратился в бухгалтера. – Именно такие условия мы обычно предлагаем нашим традиционным клиентам, представляющим устоявшиеся корпорации.

– Свободный флот дендарийских наемников – устоявшаяся корпорация. Зарегистрирована на Архипелаге Джексона.

– Гм, да... Но... Как бы получше выразиться... Самый большой риск наших обычных клиентов – это банкротство, от которого мы хорошо защищены юридически. Ваш флот... гм-м... его деятельность...

«Он не знает, как получить деньги с покойника», – понял Майлз.

– ...сопряжена с повышенным риском, – откровенно договорил инженер, виновато пожимая плечами.

«Что ж, по крайней мере, он честен...»

– Мы не станем поднимать цены по сравнению с заявленными. Но боюсь, что мы потребуем оплату вперед.

«Ну, раз уж дело дошло до оскорблений...»

– Но таким образом мы не защищены от недобросовестной работы, – заметил Майлз.

– Вы сможете подать на нас в суд, – ответил инженер, – как и все другие.

– Я могу разнести вашу... – Пальцы Майлза потянулись к ремню, на котором – увы! – не было кобуры.

Земля, старушка Земля, цивилизованная старушка Земля. Стоявшая рядом Элли Куин предупреждающе коснулась его плеча. Он быстро улыбнулся, успокаивая ее: нет, он не воспользуется... экзотическими... возможностями, открытыми перед адмиралом Майлзом Нейсмитом, командующим Свободным флотом дендарийских наемников. Он просто устал. Чуть расширившиеся блестящие карие глаза без слов ответили ему: «Глупости, сэр». Но это был совсем другой спор, который они не станут продолжать здесь, на людях.

– Если хотите, можете поискать лучшие условия, – равнодушно предложил инженер.

– Мы искали, – отрывисто бросил Майлз («И вы это прекрасно знаете»). – Ладно... Э-э... А как насчет такого варианта: половину вперед, половину – по окончании работ?

Землянин нахмурился и покачал головой:

– «Кэймер» не завышает свои предварительные расценки, адмирал Нейсмит. И наши сверхсметные расходы – самые низкие в отрасли. Это – вопрос престижа.

Термин «сверхсметные расходы» после Дагулы вызывал у Майлза мигрень. И вообще... что им на самом деле известно о Дагуле?

– Если вас действительно беспокоит качество работ, деньги можно было бы поместить на депозит в каком-нибудь нейтральном банке, чтобы он оставался закрытым до того момента, как вы примете работу. С точки зрения «Кэймера» это не слишком удачный компромисс, но... на большее я пойти не могу.

«В нейтральном земном банке», – отметил про себя Майлз. Если бы он не проверил качество работ «Кэймера», его бы вообще здесь не было. Майлза беспокоили их собственные финансы. Что, конечно же, «Кэймера» не касалось.

– У вас финансовые затруднения, адмирал? – с интересом осведомился землянин.

Майлзу показалось, что цена работ растет прямо у него на глазах.

– Нисколько, – равнодушно соврал Майлз. Если только начнут расползаться слухи относительно денежных затруднений у дендарийцев, под угрозой может оказаться не только этот договор о ремонте. – Хорошо. Предоплата будет переведена на депозит.

Уж если он не будет иметь права распоряжаться своими деньгами, то и «Кэймер» такой возможности не получит. Элли Куин втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Инженер-землянин и командующий наемниками торжественно пожали друг другу руки.

Шагая следом за инженером к его конторе, Майлз на минуту задержался у иллюминатора, из которого открывался великолепный вид на Землю. Инженер улыбнулся и вежливо остановился, с гордостью наблюдая, как гость любуется его планетой.

Земля. Романтическая старушка Земля, тот самый голубой шарик. Майлз всегда знал, что когда-нибудь сюда прилетит, – но никогда не думал, что при таких обстоятельствах.

Земля была самой крупной и богатой населенной планетой среди всех поселений человечества, разбросанных по освоенной части галактики. Малое число п-в-туннелей вблизи Солнечной системы и разобщенность правительств привели к тому, что с военной и стратегической точки зрения она играла очень малую роль в жизни галактики. Но Земля по-прежнему царила (хоть и не правила), оставаясь непревзойденной с культурной точки зрения. Еще более израненная войнами, чем Барраяр, технически равная Колонии Бета, Земля оставалась целью многочисленных паломничеств, как религиозных, так и светских, и поэтому тут собрались посольства всех планет, которые только могли себе это позволить. Включая, напомнил себе Майлз, покусывая указательный палец, и посольство Цетаганды. Адмиралу Нейсмицу надо всячески их избегать.

– Сэр? – прервала его размышления Элли Куин. Он мгновенно повернулся к ее божественному лицу – самому прекрасному, какое только можно было купить за деньги после того плазменного ожога, и в то же время благодаря гениальности хирургов по-прежнему узнаваемому. Эх, если бы можно было так вылечить все его раны! – Вас вызывает коммодор Танг.

Улыбка Майлза померкла. Что там еще? Он оторвался от захватывающего зрелища и зашагал за ней следом, на ходу бросив инженеру вежливо, но безжалостно:

– Извините нас, пожалуйста.

Над пластиной комм-устройства возникло невозмутимое широкое лицо его заместителя.

– Да, Ки?

Ки Танг, уже успевший сменить мундир на гражданское платье, вместо положенного салюта только коротко кивнул.

– Я только что закончил переговоры с центром реабилитации относительно наших девяти тяжелораненых. Прогноз в основном благоприятный. И они считают, что им удастся восстановить четырех из девяти замороженных убитых, может, даже пятерых, если повезет. Хирурги даже надеются, что им удастся починить имплантат Демми, когда закончится заживление нервной ткани. Конечно, за плату...

Танг назвал цену в федеральных кредитках. Майлз мысленно перевел ее в имперские марки Барраяра и невольно присвистнул. Танг ответил сухой улыбкой:

– Угу. Но вы можете отказаться. Ремонт имплантата действительно стоит слишком дорого.

Поморщившись, Майлз отрицательно покачал головой.

– Во вселенной найдется немало людей, которых я готов надуть, но мои собственные раненые к их числу не относятся.

– Спасибо, – сказал Танг. – Я с вами согласен. А теперь я практически готов уйти. Мне только осталось подписать бланк, где я беру личную ответственность за уплату по счету. Вы совершенно уверены, что сможете получить деньги, которые причитаются нам за дагульскую операцию... здесь?

– Я собираюсь сейчас этим заняться, – пообещал Майлз. – Подписывайте. Я позабочусь, чтобы все было оплачено.

– Хорошо, сэр, – согласился Танг. – И после этого я могу ехать домой в увольнение?

Танг был родом с Земли – единственным землянином, с которым приходилось встречаться Майлзу. Наверное, этим и объясняется подсознательная симпатия, которую он испытывает к этой планете, решил Майлз.

– Сколько времени мы вам должны, Ки? Года полтора? («И, увы, это должен быть оплаченный отпуск», – произнес внутренний голос, который Майлз мгновенно осудил.) Можете отдыхать столько, сколько захотите.

– Спасибо. – Голос Танга смягчился. – Я только что говорил с дочерью. У меня внук!

– Поздравляю! – откликнулся Майлз. – Ваш первый?

– Да.

– Ну так отправляйтесь. Если что-нибудь произойдет, мы этим сами займемся. Вы ведь незаменимы только в бою. Э-э... Где вы будете?

– В доме моей сестры. В Бразилии. У меня там около четырехсот всяких родственников.

– В Бразилии, так. Хорошо. – «Где она, к черту, эта Бразилия?» – Желаю хорошо отдохнуть.

– Непременно. – Прощальный салют Танга был явно бодрее приветствия. Лицо над комм-устройством исчезло.

– Черт побери, – вздохнул Майлз. – Мне не хочется отпускать его даже в отпуск. Но он это заслужил.

Элли перегнулась через спинку стула, и ее дыхание коснулось его темных волос – его темных мыслей.

– Смею ли я напомнить, Майлз, что он не единственный старший офицер, которому требуется отдых? Даже тебе иногда нужно избавляться от стресса. И ты тоже был ранен.

– Ранен? – У Майлза свело скулы от напряжения. – А, ты имеешь в виду переломы. Переломы не в счет. Я борюсь с ними всю жизнь. Мне просто надо научиться не уступать соблазну сыграть роль боевого офицера. Место моей задницы – в славном мягком штабном кресле, а не на передовой. Если бы я заранее знал, что на Дагуле будет такое, то послал бы в качестве фальшивого военнопленного кого-нибудь другого. И вообще – я уже отдохнул на больничной койке.

– И целый месяц бродил по кораблю, как криотруп, подогретый в микроволновке. Когда ты входил в комнату, всем казалось, что их посетил неуспокоившийся мертвец.

– Я провел всю дагульскую операцию на одних нервах. Нельзя столько времени находиться на взводе и не отплатить потом за это небольшой депрессией. По крайней мере у меня это не получается.

– У меня сложилось впечатление, что здесь нечто большее.

Майлз резко повернул к ней кресло и огрызнулся:

– Отстанешь ты от меня? Да, мы потеряли нескольких хороших бойцов. Я не люблю терять хороших бойцов. Я плачу по-настоящему – но не на людях, ясно?

Она отшатнулась, и Майлз сразу же смягчил тон, устыдившись своей несдержанности:

– Извини, Элли. В последнее время я легко срываюсь. Смерть этой несчастной, которая выпала из катера, потрясла меня сильнее, чем... сильнее, чем допустимо. Я никак не могу...

– Это вы меня должны извинить, сэр.

Это ее «сэр» словно иглой прокололо какое-то магическое изображение Майлза, которое находилось в руках у Элли. Майлз поморщился.

– Ничуть.

Ну почему, почему, почему адмирал Нейсмит принял это идиотское решение: избегать физической близости со своими подчиненными? В тот момент идея показалась ему удачной. Танг ее приветствовал. Господи, да ведь Танг уже дедушка, у него, наверное, уже давно отмерло его мужское начало! Майлз не мог забыть, как отклонил первые ухаживания Элли. «Хороший работник не делает покупок в магазине, принадлежащем компании», – мягко объяснил он.

Почему она не дала ему по физиономии за эту самодовольную глупость? Она молча проглотила оскорбление и новых попыток не делала. Элли потом поняла, что он имел в виду не ее, а себя.

Когда он долгое время находился с флотом, то старался отправить ее на какие-нибудь задания, с которых она неизменно возвращалась с превосходными результатами. Она возглавляла разведывательную команду, высадившуюся на Землю, и к тому времени, когда дендарийский флот вышел на околоземную орбиту, уже подыскала «Кэймер» и других подрядчиков. Хороший офицер: после Танга она, наверное, лучшая. Чего бы он только не дал за то, чтобы сжать это ловкое тело в своих объятиях и забыться! Слишком поздно, он упустил свой шанс.

Ее бархатные губы иронически скривились. Элли пожала плечами – кажется, по-сестрински:

– Я больше не стану к тебе с этим приставать. Но по крайней мере подумай об этом. Я еще не видела мужчины, которому так нужно было бы с кем-нибудь переспать.

О Господи! И что же на самом деле означают эти слова? У Майлза перехватило дыхание. Дружеский совет или приглашение? Если это всего лишь совет, а он примет его за приглашение, то не решит ли она, что он злоупотребляет своим положением, чтобы добиться ее внимания? А если все наоборот, то не будет ли снова оскорблена и не отвернется ли от него еще на несколько лет? Запаниковав, он ухмыльнулся.

– Содрать деньги! – выпалил он. – Что мне сейчас нужно, это не переспать, а денег содрать. Потом... потом, гм-м... может быть, мы могли бы посмотреть какие-нибудь достопримечательности. Кажется просто преступлением так далеко залететь и не увидеть Старую Землю – пусть даже мы попали сюда случайно. Все равно считается, что со мной на планете всегда должна быть охрана, так что мы могли бы объединиться.

Вздохнув, она решительно выпрямилась:

– Да, конечно, долг превыше всего.

Да, долг превыше всего. И теперь его долг требует, чтобы он явился с докладом к нанимателям адмирала Нейсмита. После этого его трудности значительно уменьшатся.

Майлз жалел, что не переоделся в штатское, прежде чем отправиться в эту экспедицию. Его аккуратная форма адмирала дендарийцев чертовски бросалась в глаза в торговом центре. Или по крайней мере Элли надо было переодеться: они могли бы притвориться военным в увольнении и его подружкой. Но его штатская одежда была уложена в контейнер, оставшийся на какой-то планете в нескольких нуль-переходах от Земли, – получит ли он ее когда-нибудь обратно? Одежда была сшита специально на него и стоила немалых денег: не столько для того, чтобы отметить его высокое положение, сколько в силу необходимости.

Обычно Майлзу удавалось забыть об особенностях своего телосложения: слишком крупной голове, особенно заметной из-за короткой шеи, и кривом позвоночнике – и все это при росте метр сорок пять, – но ничто не заставляло его так остро чувствовать свои недостатки, как необходимость одолжить одежду у человека нормального роста и телосложения.

«Ты уверен, что именно мундир привлекает к тебе внимание окружающих? – спросил он себя. – Или ты опять пытаешься обдурить сам себя? Прекрати!»

Он снова стал смотреть по сторонам. Город-космопорт Лондон – почти двухтысячелетняя мозаика несовместимых архитектурных стилей – просто завораживал. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь витраж в застекленной арке, был настолько богат красками, что дух захватывало. Одного этого было бы достаточно, чтобы догадаться: его глаза вернулись на планету, являющуюся их родиной. Может быть, потом ему удастся посетить и другие исторические места: например, проплыть на подводной лодке по озеру Лос-Анджелес или увидеть Нью-Йорк с его огромными дамбами...

Элли еще раз нервно обошла вокруг скамейки под часами, осматривая толпы покупателей. Конечно, крайне маловероятно, чтобы здесь появилась группа цетагандийских убийц,

но все равно Майлзу была приятна ее бдительность, позволявшая ему немного расслабиться. «Можешь когда угодно приходить искать убийц у меня под кроватью, любовь моя...»

– В некотором смысле я даже рад, что мы здесь оказались, – заметил он. – Здесь может представиться прекрасная возможность для того, чтобы адмирал Нейсмит скрылся. Дендариийцы получают роздых. В самом деле, цетагандийцы очень похожи на барраярцев: у них очень личностное отношение к командованию.

– Ты к этому чертовски легкомысленно относишься.

– С детства привык. Когда абсолютно незнакомые люди пытаются меня прикончить, я чувствую себя в своей тарелке. – Ему в голову пришла мысль, заставившая его мрачно ухмыльнуться. – Знаешь, меня впервые пытаются убить из-за того, что я собой представляю, а не из-за моих родственников! Я тебе когда-нибудь рассказывал, что сделал мой дед, когда мне было...

Она прервала его болтовню, резко подняв голову:

– По-моему, это за нами...

Майлз проследил за направлением ее взгляда. Он действительно не в форме: она заметила того, кто пришел с ними встретиться, раньше его. На приближавшемся к ним с вопрошающим выражением лица мужчине был модный земной костюм, но волосы были подстрижены барраярским военным ежиком. Наверное, рядовой. Офицеры стриглись, как правило, чуть менее строго, в стиле римских патрициев. Майлз вдруг понял, что ему пора подстричься: спускавшиеся на воротник волосы защекотали шею.

– Милорд? – проговорил мужчина.

– Сержант Барт? – спросил Майлз.

Кивнув, мужчина перевел взгляд на Элли:

– А это кто?

– Моя охрана.

– А!

Губы чуть заметно сжались, а глаза расширились, выразив некоторую долю насмешки и презрения. Майлз почувствовал, как у него напряглись мышцы шеи.

– Она прекрасно знает свое дело.

– Не сомневаюсь, сэр. Пройдемте со мной, пожалуйста.

Он повернулся и повел их за собой.

За своей невозмутимой маской он смеялся над ним: Майлз был уверен в этом, даже глядя ему в затылок. Элли, почувствовавшая только, что атмосфера внезапно стала напряженной, бросила на него расстроенный взгляд.

«Ничего страшного», – тоже взглядом постарался ответить ей Майлз, продевая ее руку себе под локоть.

Они прошли за своим проводником по магазину, потом спустились по лифтовой шахте, потом по какой-то лестнице. Подземный служебный уровень оказался лабиринтом туннелей, трубопроводов и оптических кабелей. По оценке Майлза, они миновали пару кварталов. Их проводник открыл замок, приложив к нему ладонь. Еще один короткий туннель привел их к новой двери. Возле нее сидел охранник – подтянутый барраярец в зеленой парадной форме. Он поспешно вскочил с кресла за комм-устройством и еле удержался, чтобы не отдать честь их одетому в гражданское проводнику.

– Мы оставляем здесь свое оружие, – сказал Майлз. – Всё. Я имею в виду – действительно всё.

Элли удивленно приподняла брови, комментируя резкое изменение речи Майлза: с монотонного бетанского чуть гнусавого выговора он перешел на теплые гортанные звуки своей родной барраярской речи. А ведь она редко слышала, чтобы он говорил по-барраярски: который из его выговоров покажется ей неестественным? Однако мнение сотрудников посольства было

совершенно очевидно, так что Майлз прокашлялся, чтобы его связки лучше подготовились к новому звучанию.

Майлз положил на пульт рядом с охранником свой карманный парализатор и длинный стальной кинжал в ножнах из кожи ящерицы. Охранник сканировал его, открыл серебряную крышечку в инкрустированной драгоценными камнями рукояти, осмотрел спрятанную под ней печать и вернул кинжал Майлзу. Их проводник тем временем изумленно рассматривал арсенал, который выложила Элли. «Вот тебе, – мысленно сказал ему Майлз. – Подавись, надутый вояка!» Немного повеселев, он снова пошел за сопровождающим.

После подъема в лифтовой шахте интерьер вдруг стал приглушенным и солидным.

– Посольство Барраярской империи, – шепотом объяснил Майлз Элли.

Похоже, жена посла – дама со вкусом, решил он. Но в здании чувствовалась странная герметичность, отдававшая, по мнению поднаторевшего в этих вещах Майлза, параноидальной заикленностью на безопасности. Ах да, посольство планеты – это ее территория. Чувствуешь себя как дома.

Сопровождающий провел их к следующей лифтовой шахте, ведущей в рабочие помещения, – Майлз на ходу успел заметить сканеры на арке входа, – а потом, пройдя через две автоматические двери, они попали в небольшой тихий кабинет.

– Лейтенант лорд Майлз Форкосиган, сэр, – объявил их проводник, вытянувшись по стойке «смирно», – и... охрана.

У Майлза непроизвольно сжался кулак. Только барраярец способен короткой паузой между словами выразить такой тонкий оттенок презрения. Он снова дома.

– Благодарю вас, сержант, вы свободны, – проговорил капитан, сидевший за пультом комм-устройства. На нем тоже была зеленая парадная форма – похоже, посольство поддерживало официоз.

Майлз с любопытством взглянул на человека, которому волей-неволей предстояло быть его новым командиром. Капитан ответил ему не менее пристальным взглядом.

Мужчина с необычной внешностью – хотя далеко не красавец. Темные волосы. Полузакрытые темно-карие глаза. Жесткий сдержанный рот, мясистый орлиный нос на римском профиле, соответствующем офицерской стрижке. Толстоватые и аккуратные пальцы напряженно переплетены. Майлз решил, что ему чуть больше тридцати.

Но почему этот тип смотрит на него так, словно он щенок, напрудивший на ковер? Он ведь только что прилетел сюда... «О Боже, надеюсь он не из этих деревенщин, которые видят во мне мутанта, выжившего после неудачного аборта...»

– Итак, – проговорил капитан, со вздохом откидываясь на спинку кресла, – вы сын Великого, да?

Улыбка Майлза застыла. На глаза набежала пелена, кровь застучала в висках. Впившаяся в него взглядом Элли затаила дыхание. Майлз шевельнул губами... с трудом сглотнул.

– Да, сэр, – словно издали услышал он свой ответ. – А вы кто?

Ему с величайшим трудом удалось не спросить: «А вы чей сын?» Никак нельзя допустить, чтобы вышла на поверхность ярость, стиснувшая ему сердце: ему придется работать с этим человеком. Возможно, он даже не имел намерения оскорбить Майлза: откуда этому незнакомцу знать, сколько сил и нервов пришлось ему потратить, чтобы снять обвинения в привилегированном положении, неверие в его способности? «Мутант здесь только потому, что папочка его устроил...» Он живо представил себе, как его отец парирует: «Ради Бога, парень, вытащи голову из задницы!» Он вложил всю свою ярость в один продолжительный выдох и наклонил голову.

– Ах да! – отозвался капитан. – Вы ведь разговаривали только с моим помощником. Я – капитан Дув Галени. Старший военный атташе посольства, являюсь здесь главой не только

военной, но и Имперской службы безопасности. И, признаюсь, несколько изумлен, получив вас под свое командование. Мне не вполне ясно, что я должен с вами делать.

Выговор у него не деревенский: это голос образованного, хладнокровного и флегматичного горожанина. Но Майлзу никак не удавалось привязать его к географии Барраяра.

– Меня это не удивляет, сэр, – сказал Майлз. – Я сам не ожидал, что мне придется делать доклад на Земле – и спустя столь долгое время. Первоначально предполагалось, что я вернусь с докладом в командование Имперской службы безопасности в секторе два, на Тау Кита – месяц тому назад. Но Свободный флот дендарийских наемников был выбит из пространства Махата Солярис внезапной атакой цетагандийцев. Поскольку нам не платят за то, чтобы мы вели военные действия против цетагандийцев, мы отступили. Кончилось все тем, что мы не смогли добраться обратно более коротким путем. Это буквально первая возможность сделать мой доклад после того, как мы высадили спасенных на их новой базе.

– Я не... – Капитан замолчал: губы у него дергались. Справившись с собой, он снова начал: – Я не знал, что побег с Дагулы был тайной операцией барраярской разведки. Ведь это очень близко к акту открытой агрессии против Цетагандийской империи?

– Именно по этой причине в ней были задействованы дендарийские наемники, сэр. Сначала считалось, что операция будет иметь несколько меньший масштаб, но события вышли из-под контроля. Если можно так выразиться, во время боя. – Стоявшая рядом с ним Элли продолжала смотреть прямо перед собой и даже не вздрогнула. – У меня... э-э... готов полный доклад.

Похоже, капитан ведет какую-то внутреннюю борьбу.

– И каковы отношения между Свободным флотом дендарийских наемников и Имперской службой безопасности, лейтенант? – спросил он наконец. В его голосе послышались вдруг жалостные нотки.

– Э-э... А что вы уже знаете, сэр?

Капитан Галени повернул руки ладонями вверх:

– Я и слыхом о них не слыхивал, пока вы вчера со мной не связались. Мои материалы – мои секретные материалы! – говорят о вашей организации всего три вещи: вас нельзя атаковать, на все неожиданные просьбы о помощи необходимо по возможности быстро реагировать, и с вопросами о дальнейших действиях мне следует обращаться в штаб службы безопасности второго сектора.

– Понятно, – отозвался Майлз. – Все правильно. Это ведь посольство третьего класса, да? Э-э... ну, отношения относительно простые. Дендарийцев держат на договоре для операций высокой секретности, которые производятся либо за пределами юрисдикции Имперской службы безопасности, либо в том случае, если их авторство может оказаться компрометирующим с политической точки зрения. Дагула соответствовала обоим параметрам. Я получаю приказы Генерального штаба – с ведома и согласия императора – непосредственно от шефа службы безопасности Иллиана. Так что цепочка командования получается очень короткой. Я посредник и считаюсь единственным связующим звеном между флотом и Барраяром. Я выхожу из Имперского штаба лейтенантом Форкосиганом и возникаю – там, где это нужно, – в качестве адмирала Нейсмита, размахивая новым контрактом. Мы выполняем то, что нам поручено, а потом, с точки зрения дендарийцев, я исчезаю так же таинственно, как появился. Одному Богу известно, чем, по их мнению, я занимаюсь в свободное время.

– Вы это действительно хотели бы знать? – У Элли заблестели глаза.

– Потом, – бросил он ей.

Капитан нервно забарабанил пальцами по комм-пульту.

– В вашем личном деле об этом ничего не говорится. Двадцать четыре года... не слишком ли вы молоды для вашего звания... э-э... адмирал?

Говорил он сухо, с некоторым презрением осматривая дендарийскую форму.

Майлз постарался игнорировать его тон.

– Это долгая история. Коммодор Танг, опытный дендарийский офицер, – наш мозг. Я просто играю свою роль.

У Элли от возмущения глаза на лоб полезли: бросив на нее суровый взгляд, Майлз мысленно приказал ей молчать.

– Вы делаете больше! – запротестовала она.

– Если вы – единственное связующее звено, – нахмурился Галени, – то кто же, черт побери, эта женщина?

Значит, он все-таки соизволил ее заметить.

– Ну, на случай непредвиденного поворота событий трое дендарийцев знают, кто я на самом деле. Коммандер Куин, присутствовавшая при зарождении этого мероприятия, относится к их числу. Согласно приказу Иллиана, меня всегда должен сопровождать охранник, так что коммандер Куин берет на себя эту функцию всякий раз, когда мне приходится менять обличье. Я ей полностью доверяю.

«Ты будешь относиться с уважением к моим людям, какого бы ты ни был мнения обо мне, черт бы подрал твои насмешливые глаза...»

– И сколько это уже длится, лейтенант?

Майлз взглянул на Элли:

– Семь лет, да?

Ясные глаза Элли опасно сверкнули.

– Кажется, это было только вчера, – проворковала она невозмутимо. Похоже, ей тоже трудно было игнорировать этот тон. Майлз только надеялся, что она не даст волю своему резкому юмору.

Капитан некоторое время рассматривал свои ногти, потом вскинул голову:

– Ну что ж, я свяжусь со штабом второго сектора, лейтенант. И если окажется, что это очередная шуточка лордика-фора, я приложу все силы, чтобы вы были привлечены за нее к ответу. Вне зависимости от того, кто ваш отец.

– Это истинная правда, сэр. Даю вам слово Форкосигана.

– Вот именно, – процедил сквозь зубы капитан Галени.

Взбешенный Майлз набрал побольше воздуха в легкие – и в этот момент наконец узнал акцент Галени.

– Вы... комаррец, сэр?

Галени настороженно кивнул. Подтолкнув Майлза в бок, Элли прошептала:

– Какого дьявола?..

– Позже, – чуть слышно ответил ей Майлз. – Внутренняя политика Барраяра.

– Мне надо будет кое-что прояснить?

– Наверное. – Он заговорил громче. – Я должен связаться с моим непосредственным начальством, капитан Галени. Я понятия не имею, какой получу от них приказ.

Галени поджал губы и мягко заметил:

– В данный момент ваш начальник – я, лейтенант Форкосиган.

И, решил про себя Майлз, ужасно задет тем, что выключен из привычной цепочки субординации... Но можно ли его в этом винить? Да, действовать надо деликатно...

– Конечно, сэр. Какие будут приказания?

Галени раздраженно сжал кулаки, иронически скривил губы:

– Полагаю, пока мы ждем инструкций, я должен включить вас в мой персонал. Третьим помощником военного атташе.

– Идеально, сэр, благодарю вас, – сказал Майлз. – Адмиралу Нейсмиту сейчас просто необходимо исчезнуть. Цетагандийцы назначили награду за его... мою голову – после Дагулы. Мне уже дважды везло.

Теперь настал черед Галени настороженно застыть.

– Вы шутите?

– У меня из-за этого четверо погибших и шестнадцать раненых, – официальным тоном произнес Майлз. – Я не нахожу в этом ничего забавного.

– В таком случае, – мрачно проговорил Галени, – считайте, что ваши передвижения ограничены стенами посольства.

«И мне не удастся увидеть Землю?» Майлз удрученно вздохнул:

– Да, сэр. Если только командер Куин сможет осуществлять связь между мною и дендарийцами.

– Для чего вам нужен контакт с дендарийцами?

– Это мои люди, сэр.

– Кажется, вы сказали, что у вас всем заправляет коммодор Танг?

– В настоящий момент он находится в увольнении. Но единственное, что мне нужно, прежде чем адмирал Нейсмит заползет в щель, заплатить по некоторым счетам. Если вы сможете дать мне авансом суммы, необходимые для текущих расходов, я могу завершить эту операцию.

Галени вздохнул, постукивая пальцами по кнопкам пульта.

– Содействие со всей возможной быстротой. Так. И сколько же им нужно?

– Примерно восемнадцать миллионов марок, сэр.

Пальцы Галени замерли.

– Лейтенант, – тщательно выговорил он, – это в десять раз превышает годовой бюджет посольства! В несколько десятков раз – бюджет моего отделения!

Майлз развел руками:

– Текущие расходы по содержанию пяти тысяч бойцов и техников и двенадцати кораблей более полугода плюс потери оборудования – мы потеряли на Дагуле чертову уйму оборудования, – денежное вознаграждение, питание, одежда, топливо, медицинские расходы, боеприпасы, ремонт... Я могу показать вам ведомости, сэр.

Галени откинулся на спинку стула.

– Несомненно. Но этим будет заниматься штаб сектора. Такого рода фондов здесь просто не существует.

Майлз покусал указательный палец.

– Эх! – «Вот именно: «Эх!» Паниковать нельзя...» – В таком случае, сэр, не могли бы вы как можно скорее запросить штаб сектора?

– Поверьте мне, лейтенант, я рассматриваю ваш перевод под командование кого-нибудь другого как приоритетное мероприятие. – Он встал. – Извините. Подождите меня здесь. – Капитан вышел из кабинета, озадаченно качая головой.

– Какого черта? – набросилась на него Элли. – Я уже решила, что ты этого типа сейчас на кусочки разорвешь, будь он хоть трижды капитан, а ты вдруг остановился. Что такого особенного в том, что он комаррец, – может, мне тоже им стать?

– Ничего особенного, – ответил Майлз. – Определенно ничего. Но в то же время нечто очень важное.

– Более важное, чем лорд-фор?

– Сейчас, как это ни странно, да. Послушай, ты знаешь, что Комарра была первым завоеванием Барраярской империи?

– Я думала, вы называете это «аннексией».

– «Как розу ты ни назови»... Мы захватили ее из-за п-в-туннелей: она сидела на нашем единственном выходе и душила нашу торговлю, но главное – из-за того, что Комарра за взятку согласилась пропустить цетагандийский флот, когда Цетаганда впервые попыталась аннексировать нас. Может, заодно вспомнишь, кто был главным завоевателем?

– Твой отец. Тогда он был всего лишь адмиралом лордом Форкосиганом и еще не был регентом. Там он и заработал свою репутацию.

– Ну да, даже несколько репутаций. Если хочешь увидеть, как у него дым валит из ноздрей, можешь прошептать ему: «Мясник Комарры». Они ведь так его прозвали.

– Тридцать лет назад, Майлз. – Элли помолчала. – В этом была правда?

Майлз вздохнул:

– Что-то было. Я так никогда и не добился от него всей истории, но совершенно уверен, что все было не так, как написано в учебниках. В общем, завоевание Комарры пошло вразнос. В результате на четвертый год его регентства дела там совершенно вышли из-под контроля. С тех пор комаррские террористы не дают покоя Имперской безопасности. Наверное, там довольно жестко навели порядок.

Короче, время шло, все немного улеглось, все излишне энергичные люди с обеих планет бросились колонизировать Зергияр. Среди либералов началось движение – возглавленное отцом – за полную интеграцию Комарры в рамках империи. Правое крыло Барраяра эту идею отнюдь не приветствует. Мой старик немного на этом заикнулся: «Между геноцидом и справедливостью середины не существует», – продекламировал Майлз. – Так вот, путь к вершине кастового, помешанного на армии общества Барраяра всегда шел через военную службу. Впервые для комаррцев ее открыли восемь лет тому назад.

Это означает, что все комаррцы, находящиеся в армии, сейчас под наблюдением. Им надо доказывать свою лояльность точно так же, как мне – мою... – он смутился, – мои способности. Из этого также следует, что если я работаю с комаррцем или под его началом и в один прекрасный день вдруг погибну, этот комаррец пропал. Поскольку мой отец – Мясник, никто не поверит, что это не месть.

И пропадет не только этот комаррец: на всех комаррцев имперской службы падет то же подозрение. Политика Барраяра будет отброшена на много лет назад. Если меня сейчас прикончат, – он беспомощно пожал плечами, – мой отец меня убьет.

– Надеюсь, ты это не планируешь, – с трудом выдавила Элли.

– А теперь посмотрим на это с точки зрения Галени, – поспешно продолжил Майлз. – Он – на имперской службе, он офицер, он служит в системе безопасности. Наверное, носом землю рыл, чтобы сюда попасть. Это очень доверенный пост для комаррца. Но это не ответственный пост и не решающий. Важнейшая информация службы безопасности была от него скрыта – и тут являюсь я, тыкая его в это носом. А если кто-то из его семьи действительно участвовал в Комаррском восстании?.. Ну... и снова являюсь я. Сомневаюсь, чтобы он испытывал ко мне симпатию, но охранять меня он будет как зеницу ока. А я, да поможет мне Бог, ему это позволю. Ситуация очень щекотливая.

Элли похлопала его по руке:

– Ты справишься.

– О Господи! – вдруг возопил он, утыкаясь лбом ей в плечо. – Я не получил денег для дендарийцев – и не получу еще неизвестно сколько... Что я скажу Ки? Я дал ему слово...

На этот раз она погладила его по голове, но ничего не ответила.

Глава 2

Майлз еще мгновение не отрывал лба от ее отглаженного мундира. Элли вдруг зашевелилась, словно потянулась к нему. Неужели обнимет? Майлз решил, что тут же заключит ее в объятия. И посмотрим, что будет...

За его спиной открылась дверь кабинета Галени. Они с Элли отпрянули друг от друга. Элли, встряхнув кудрями, встала в стойку «вольно», а Майлз застыл на месте, мысленно посылая проклятия тому, кто их прервал.

Знакомый ленивый голос он узнал, даже не поворачиваясь.

– ...да, просто гениален, но дьявольски нервный. Так и кажется, что вот-вот рехнется. Осторожнее, когда он начинает говорить слишком быстро. Ага, это он, точно...

– Айвен, – выдохнул Майлз, закрывая глаза. «Господи, чем я согрешил пред Тобою, что Ты послал мне Айвена...»

Поскольку Господь не снизошел до ответа, Майлз, криво улыбаясь, повернулся к вошедшему. Элли нахмурилась и склонила голову набок, пытаясь понять? что к чему.

Галени вернулся не один: он вел за собой высокого молодого лейтенанта. Как Айвен ни был ленив, он явно не пренебрегал гимнастикой: парадный мундир как влитой сидел на его атлетической фигуре. Добродушное лицо с ясными, мужественными чертами обрамляли густые темные волосы, подстриженные не без щегольства. Майлз невольно взглянул на Элли. Благодаря лицу и фигуре Элли, как правило, заставляла всех окружающих блекнуть и выцветать на ее фоне, но, пожалуй, Айвен мог оказаться достойной рамой для этой картины – и даже не отодвинуться в тень.

– Привет, Майлз, – как ни в чем не бывало произнес Айвен. – Что ты здесь делаешь?

– Позволь задать тебе тот же вопрос, – отозвался Майлз.

– Я второй помощник военного атташе. Надо полагать, меня сюда направили, чтобы повысить мой культурный уровень. Земля, знаешь ли.

– О-о! – У Галени приподнялся уголок губ. – Так вот зачем вы здесь? А я-то никак не мог догадаться.

Айвен виновато усмехнулся.

– Как дела у нерегулярных? – спросил он у Майлза. – Твоему адмиралу Нейсмицу все еще удается ломать комедию?

– Не без труда, – отозвался Майлз. – Дендарийцы сейчас со мной. Они на орбите. – Он ткнул пальцем вверх. – Ломают себе головы, пока мы тут болтаем.

У Галени был такой вид, словно он съел лимон:

– Так об этой тайной операции известно всем, кроме меня? Форпатрил, у вас допуск не выше моего!

Айвен пожал плечами:

– Просто я уже встречался с ними. Семейное дело.

– Чертовы форы! – пробормотал Галени.

– Так вот оно что! – воскликнула Элли, словно ее вдруг осенило. – Так это ваш кузен Айвен! А я все гадала, как же он выглядит.

Айвен, искоса поглядывавший на нее, весь подобрался, напоминая сделавшего стойку поинтера. Ослепительно улыбнувшись, он склонился над ручкой Элли:

– Счастлив познакомиться с вами, миледи. Похоже, дендарийцы прогрессируют, если вы – их образчик. Прекраснейший, к слову сказать.

Элли отняла у него руку:

– Мы уже встречались.

– Не может быть! Я не забыл бы ваше лицо!

– А у меня не было лица. Насколько я помню, вы выразились примерно так: «Голова – как луковица». – Глаза Элли сверкнули. – Поскольку я в тот момент была слепа, я и понятия не имела, как ужасно выглядит пластикажа. Пока вы мне не сказали. Майлз об этом умолчал, конечно.

Улыбка Айвена завяла.

– А-а... Леди с плазменным ожогом.

Майлз радостно ухмыльнулся и придвинулся к Элли, которая уверенно взяла его под руку, одарив Айвена холодной улыбкой. Айвен, стараясь сохранить достоинство, перевел глаза на капитана Галени.

– Поскольку вы друг друга знаете, лейтенант Форкосиган, я даю лейтенанту Форпатрилу поручение взять вас на буксир и ознакомить с посольством и вашими обязанностями, – заявил Галени. – Фор вы или не фор, но пока император вам платит, он должен хоть как-то вас использовать. Я надеюсь в ближайшее время получить разъяснения относительно вашего статуса.

– А я надеюсь, в свою очередь, что плата дендарийцам прибудет не менее оперативно, – отозвался Майлз.

– Ваша... охрана здесь вам не понадобится. Если по какой-либо причине вам придется выйти за пределы посольства, я дам вам одного из моих людей.

– Да, сэр, – вздохнул Майлз. – Но все же мне надо иметь под рукой хоть какую-то возможность выйти на связь с дендарийцами. Мало ли что случится.

– Я распоряжусь, чтобы командер Куин перед уходом получила зашифрованный комм-канал. На самом деле... – тут Галени прикоснулся к пульту своего комм-устройства: – Сержант Барт?

– Да, сэр? – отозвался голос.

– У вас уже готов этот комм-канал?

– Как раз закончил настройку, сэр.

– Хорошо, несите передатчик сюда.

Появился Барт, по-прежнему одетый в штатское. Галени выпроводил Элли:

– Сержант Барт выведет вас из помещений посольства, командер Куин.

Она обернулась, и Майлз успокаивающе махнул ей рукой.

– Что сказать дендарийцам?

– Скажите... скажите им, что деньги скоро будут, – крикнул Майлз. И двери с шипением сомкнулись.

Галени вернулся к комм-устройству, где мигающая лампочка все еще ждала его ответа.

– Форпатрил, пожалуйста, в первую очередь позаботьтесь о том, чтобы избавить вашего кузена от этого... костюма и сменить его на мундир.

«Вас немного пугает адмирал Нейсмит... Самую чуточку, не так ли, сэр?» – раздраженно подумал Майлз.

– Форма дендарийцев настолько же законна, как и ваша собственная, сэр.

Галени холодно взглянул на него поверх мигающей пластины комм-устройства.

– Откуда мне знать, лейтенант? Когда я был ребенком, моему отцу по карману были только игрушечные солдатики. Можете идти.

Кипя, Майлз дождался, чтобы за ним задвинулись двери, а потом сорвал с себя серый с белым китель и швырнул на пол.

– Костюм! Игрушечные солдатики! Знаешь, я прикончу этого сукина сына комаррца!

– Ах! – отозвался Айвен. – Что это мы сегодня такие обидчивые?

– Ты же слышал его!

– Угу... Галени нормальный. Может, немного заиклен на уставе. Тут в каждом углу системы дюжина самозванных наемников. Некоторые с трудом балансируют на грани дозволенного. Откуда ему знать, что твои дендарийцы не угонщики?

Майлз поднял китель, отряхнул его и аккуратно перекинул через руку.

– Как же!

– Ну-ну. – Айвен благодушно покачал головой. – Пошли в каптерку и выберем тебе обмундирование.

– Там найдется мой размер?

– С тебя снимут лазерную мерку и выдадут мундир по фигуре, сшитый компьютером, как в твоём сверхдорогом ателье в Форбарр-Султане. Это же Земля, сынок.

– Мой портной на Барраяре шьёт на меня уже десять лет. Он знает такие уловки, каких не найдёшь ни в одном компьютере... Ну, наверное, я это вынесу. А посольский компьютер гражданское шьёт?

Айвен скорчил рожу:

– Только на стариков и бюрократов. Если хочешь удивить местных девочек, придется искать портного на стороне.

– Имея Галени в качестве дуэньи, вряд ли я сунусь куда-нибудь ещё, – вздохнул Майлз. – Придется обойтись тем, что сыщу здесь.

Майлз скосил глаза на рукав зеленого кителя барраярской парадной формы, поправил отворот и вздернул подбородок, чтобы не так давил воротник. Он уже забыл, как неудобен ему, с его короткой шеей, этот проклятый высокий воротник. Спереди красные ромбы лейтенантских нашивок врезались в скулы, сзади защемило неподстриженные волосы. И в сапогах жарко. Кость, которую он сломал на Дагуле, ныла даже после того, как ее заново сломали, выправили и подвергли электростимуляции.

И все же зеленый мундир означал дом. Его истинное «я». Может быть, пора отдохнуть от адмирала Нейсмита и безумной ответственности и вспомнить более приемлемые трудности лейтенанта Форкосигана, единственная задача которого – ознакомиться с распорядком одной небольшой конторы и вытерпеть общение с Айвеном Форпатрилом. Дендарийцам не нужны его внимание и нежная забота во время отдыха и ремонта, да и вряд ли сыщутся более подходящие условия для полного и благополучного исчезновения адмирала Нейсмита.

Айвену был отведен крохотный кабинетик без окон в самом центре посольства: ему было поручено скормить компьютеру сотни дисков. Машина выжимала из них еженедельный доклад о положении на Земле, отсылаемый затем шефу службы безопасности Иллиану и в Генштаб на Барраяре, где, как полагал Майлз, он координировался с сотнями других подобных докладов, образуя так называемое барраярское видение Вселенной. Майлз отчаянно надеялся, что Айвен не складывает килотонны с мегаваттами.

– В основном это все официальная статистика, – объяснял Айвен, сидя перед пультом. Ему каким-то образом удавалось выглядеть непринужденно даже в парадном мундире. – Изменения рождаемости, данные сельского и промышленного производства, опубликованные сведения по военным бюджетам... Компьютер складывает их шестнадцатью разными способами и дает сигнал тревоги, когда что-то не совпадает. Поскольку у всех, кто поставляет эти цифры, свои компьютеры, это случается нечасто. Галени говорит, что всякая ложь убедительно обработана еще до того, как попасть к нам. А всего важнее для Барраяра сообщения о кораблях, входящих в местное пространство или выходящих из него. Потом есть еще шпионская работа. На Земле – несколько сотен людей, за которыми по той или иной причине пытается проследить посольство. Одна из самых крупных групп – комаррские диссиденты.

По взмаху руки Айвена над пластиной видеоустройства возникли несколько десятков лиц.

– Ого! – невольно заинтересовался Майлз. – И у Галени с ними секретные контакты? Его поэтому сюда назначили? Двойной агент – тройной агент...

– Готов поспорить, что Иллиан хотел именно этого, – заметил Айвен. – Но, насколько я знаю, все сторонятся Галени, как прокаженного. Коллаборационист и все такое прочее.

– Но эти эмигранты с Комарры не могут представлять опасности для Барраяра – через столько лет и на таком расстоянии.

– Дело в том, что некоторые из них оказались весьма смысленными ребятами: успели спасти свои денежки. Кое-кто финансировал Комаррское восстание во время регентства – теперь они почти нищие. И они стареют. Еще лет тридцать – и благодаря политике интеграции, которую проводит твой отец, эти люди сойдут со сцены. Так, во всяком случае, говорит Галени.

Айвен взял со стола еще один диск:

– А вот теперь переходим к самому важному: слежке за другими посольствами. Например, цетагандийским.

– Надеюсь, они на другой стороне планеты! – взмолился Майлз.

– Нет. Большая часть галактических посольств и консульств находится прямо здесь, в Лондоне. Так гораздо удобнее следить друг за другом.

– О боги! – простонал Майлз. – Не говори мне, что они напротив через улицу или еще что-то в этом роде!

Айвен ухмыльнулся:

– Почти. Цетагандийцы в паре километров отсюда. Мы ходим друг к другу на приемы, чтобы поупражняться в ехидстве и поиграть в «а я знаю, что ты знаешь, что я знаю».

Майлз застыл, учащенно дыша:

– Вот дерьмо!

– Что с тобой, кузенчик?

– Эти люди пытаются меня убить!

– Нет, не пытаются. Это означало бы начать войну. У нас сейчас с ними нечто вроде мира – забыл?

– Ну, они пытаются убить адмирала Нейсмита.

– Который вчера исчез.

– Угу, но... Одна из причин, из-за чего столько продержалась вся эта штука с дендарийцами, – расстояние. Адмирал Нейсмит и лейтенант Форкосиган не приближались друг к другу и на сто световых лет. Мы еще никогда не оказывались на одной и той же планете, не то что в одном городе!

– Но если твоя дендарийская форма в шкафу, как можно определить, что Форкосиган и Нейсмит – один и тот же человек?

– Айвен, сколько на этой чертовой планете темноволосых сероглазых горбунов ростом метр сорок пять? Ты что, на каждом углу спотыкаешься о дерганных карликов?

– На планете с населением в девять миллиардов, – спокойно ответил Айвен, – всякой твари по паре, а то и по шесть штук. Успокойся. – Он помолчал. – Знаешь, я впервые слышу, чтобы ты произнес это слово.

– Какое?

– Горбун. Ты ведь не горбун, Майлз. – Айвен следил за ним с тревогой и сочувствием.

Майлз сжал кулак, потом резко разжал его, словно отбрасывая что-то.

– Короче: цетагандийцы. Если у них есть человек, занимающийся тем, чем занимаешься ты...

Айвен кивнул:

– Я его видел. Его зовут гем-лейтенант Табор.

– Тогда им известно, что дендарийцы сейчас здесь, и адмирал Нейсмит тоже. У них, наверное, есть список всего, что мы заказали по комм-сети. Или скоро будет – когда они начнут нами заниматься.

– Может, они и следят за вами, но приказы сверху цетагандийцы получают не быстрее нашего, – резонно возразил Айвен. – Да и вообще у них нехватка персонала. Наш персонал службы безопасности вчетверо больше, чем у них, – из-за комаррцев. Хоть это и Земля, но все равно земные посольства – вещь второсортная, для них еще больше, чем для нас. Не дрейфь! – Айвен картинно выпрямился в кресле, скрестив руки на груди. – Твой кузен защитит тебя!

– Ах как утешительно, – пробормотал Майлз.

В ответ на этот сарказм Айвен только ухмыльнулся и снова принялся за работу.

В тихой, скучной комнатке день тянулся бесконечно. Майлз вдруг обнаружил, что его клаустрофобия принимает чудовищный масштаб. Он то совался зачем-нибудь к Айвену, то метался от стены к стене.

– Знаешь, то, что ты делаешь, можно сделать вдвое быстрее, – заметил Майлз Айвену, возившемуся со своим отчетом.

– Но тогда я закончу его еще до ленча, – объяснил Айвен, – и мне нечего будет делать. Вообще.

– Наверняка Галени что-нибудь придумает.

– Именно этого я и боюсь. И без того конец рабочего дня уже скоро. А потом мы идем на прием.

– Нет, это ты идешь на прием. А я иду к себе в комнату, согласно приказанию. Может, там наконец-то выплыву.

– Правильно. Во всем нужно видеть светлые стороны, – одобрил Айвен. – Если хочешь, я позанимаюсь с тобой в гимнастическом зале посольства: ты что-то неважно выглядишь. Бледный какой-то и... э-э... бледный.

«Старый, – подумал Майлз. – Вот что ты побоялся сказать». Он взглянул на свое искаженное отражение в хромированной пластине комм-пульта. Неужели дела настолько плохи?

– Физические упражнения, – Айвен важно постучал себя по груди, – пойдут тебе на пользу.

– Еще бы, – пробормотал Майлз.

* * *

Распорядок дня установился быстро. Айвен будил Майлза – они жили в одной комнате, – потом занятия в гимнастическом зале, душ, завтрак... И работа в пункте сбора данных. Майлз уже начал думать, что ему больше не увидать прекрасный солнечный свет Земли. По прошествии трех дней он взял на себя загрузку компьютера и теперь заканчивал работу в полдень, чтобы во второй половине дня читать и заниматься. Майлз с жадностью поглощал все: правила посольской деятельности и устав разведки, историю Земли, галактические новости... В конце дня они с Айвеном устраивали себе еще одну разминку в гимнастическом зале. В те вечера, когда Айвен оставался дома, Майлз смотрел с ним вид-мелодрамы, а когда его не было – путешествия по всем тем интересным местам, куда его не пускали.

Элли ежедневно связывалась с ним по зашифрованному комм-каналу, сообщая о дендарийском флоте, по-прежнему остававшемуся на орбите. Наедине с этим комм-устройством Майлз испытывал все большую жажду слышать голос Элли. Ее доклады были сжатыми, но потом они принимались болтать о пустяках, и Майлзу становилось все труднее отключать связь, а Элли никогда не делала этого первой. Он предавался фантазиям, как будет ухаживать за ней в своем истинном обличье, потому что как знать, согласится ли блистательный командер встречаться с каким-то там лейтенантишкой? Да и понравится ли Элли вообще лорд Форкосиган? И разрешит ли ему Галени выйти из посольства, чтобы он смог наконец это выяснить?

Майлз решил, что десять дней добродетельной жизни, физических упражнений и регулярного распорядка дня не пошли ему на пользу. В нем скопилось слишком много энергии. Она не находила никакого выхода в обездвиженном лорде Форкосигане – и это в то время, когда дел, требующих внимания адмирала Нейсмита, становилось все больше, и больше, и больше...

– Ты перестанешь дергаться, Майлз? – не выдержал Айвен. – Сядь. Дыши глубже. Посиди неподвижно хоть пять минут. Ты сможешь, если постарайся.

Майлз сделал еще круг по компьютерному залу, потом бросился в кресло.

– Почему Галени до сих пор меня не вызвал? Курьер из штаб-квартиры сектора вернулся час назад!

– Ну так дай человеку сходить в туалет и выпить чашку кофе! Дай Галени прочесть сообщения. Сейчас нет войны, у всех масса времени, и все сидят и строчат рапорты. Люди обижаются, если никто не станет их читать.

– В том-то и беда войск, находящихся на содержании, – усмехнулся Майлз. – Вы избавлялись. Вам платят за то, чтобы вы не воевали.

– А разве не существовало флота наемников, который занимался тем же самым? Они выходили на орбиту вокруг какой-нибудь планеты – и получали деньги за то, что не будут вести боевые действия. Кажется, у них это получалось, да? Ты просто недостаточно творчески мыслишь, Майлз. С такими взглядами тебе не подобает занимать место командующего наемников.

– Угу, флот Ла-Варра. У него это неплохо получалось – пока их не поймали космические силы Тау Кита. И тогда Ла-Варр попал в дезинтеграционную камеру.

– У тау-китян нет чувства юмора.

– Абсолютно никакого, – согласился Майлз. – И у моего отца тоже.

– Ах, как это верно! Ну...

Замигал вызов комм-устройства. Майлз так стремительно бросился к нему, что Айвен еле успел посторониться.

– Да, сэр? – взволнованно спросил Майлз.

– Зайдите ко мне в кабинет, лейтенант Форкосиган, – неторопливо произнес Галени. Его лицо было мрачно-бесстрастным, как обычно. На нем ничего нельзя было прочесть.

– Да, сэр, спасибо, сэр. – Майлз отключил комм и метнулся к двери. – Наконец-то мои восемнадцать миллионов марок!

– Возможно, – любезно согласился Айвен. – Или он придумал для тебя работу в отделе инвентаризации. Может, тебе поручат пересчитать золотых рыбок в фонтане приемной.

– О, я не сомневаюсь!

– Но это по-настоящему трудная задача, Майлз! Они же все время плавают.

– Неужели? – Майлз приостановился, глаза его заблестели. – Айвен, он и вправду заставлял тебя это делать?

– Это было связано с поисками источника утечки информации, – объяснил Айвен. – А вообще – долгая история.

– Не сомневаюсь. – Майлз выбил короткую дробь по крышке стола и одним махом перелетел через него. – Потом. Меня нет.

Когда Майлз вошел, капитан Галени сидел, с сомнением глядя на экран своего комм-устройства, словно сообщение по-прежнему оставалось шифрованным.

– Сэр?

– Гм. – Галени откинулся на спинку кресла. – Ну что же, лейтенант Форкосиган, штаб прислал приказ относительно вас.

– И?

Галени сжал губы:

– И они подтвердили, что вы временно находитесь у меня в подчинении. Теперь вы имеете право получать ваше лейтенантское содержание из моих фондов – начиная с первого дня из десяти минувших суток. Что до остальных приказаний, лейтенант, они звучат точно так же, как те, что были даны в отношении Форпатрила. По правде говоря, они словно списаны с них, только имя другое. Вы должны помогать мне по мере необходимости, находиться в распоряжении посла и его супруги в качестве сопровождающего и, если позволит время, пользоваться уникальными возможностями для пополнения образования, которые предоставляет вам Земля, – разумеется, в соответствии с вашим положением офицера имперских вооруженных сил и лорда-фора.

– Что? Не может быть! Что такое, к черту, «сопровождающий»? – «Звучит чуть ли не как девочка по вызову!»

Уголок губ Галени приподнялся в чуть заметной улыбке.

– Сопровождающие стоят в парадной форме на официальных приемах и демонстрируют аборигенам, что такое «фор». Удивительно, сколько людей считают, что аристократия – пусть даже аристократия с другой планеты – это потрясающе интересно. – Тон Галени показывал, что он находит этот интерес действительно удивительным. – Вы будете есть, пить, возможно, танцевать... – На секунду в голосе капитана послышалось сомнение. – И вообще вы будете изысканно любезны со всеми, на кого посол желает... э-э... произвести впечатление. Иногда вас будут просить запоминать разговоры и пересказывать их. Форпатрил неплохо с этим справляется, к моему глубокому удивлению. Он расскажет вам об этом подробнее.

«Мне не нужны подсказки Айвена относительно того, как вести себя в обществе, – подумал Майлз. – И форы – каста военных, а не аристократия. Что там нашло на штабистов? Даже для них это на редкость глупо».

Однако если для дендарийцев нет нового поручения, почему бы и не придать сыну графа Форкосигана немного дипломатического лоска? Ему суждено занять со временем высочайшие посты, и вряд ли его подвергнут менее изощренной светской муштре, нежели Айвена. Дело не в содержании приказа. Таким... странным ему кажется все, обращенное только к лейтенанту Форкосигану, все игнорирующее адмирала Нейсмита.

И все-таки. Пересказывать разговоры. Может, это начало какого-то особого задания? И вскоре придут подробные разъяснения?

Майлзу даже думать не хотелось, что в Генштабе могли вообще прикрыть тайную работу с дендарийцами.

– Что ж... – через силу согласился он. – Пусть будет так.

– Я счастлив, – пробормотал Галени, – что полученный приказ пришелся вам по вкусу, лейтенант.

Майлз покраснел и крепко сжал губы. Только бы суметь помочь дендарийцам. Остальное не имеет значения.

– А мои восемнадцать миллионов марок, сэр? – спросил он, постаравшись, чтобы на сей раз голос его звучал как можно смиреннее.

Галени побарабанил пальцами по столу.

– Такого распоряжения курьер не привез, лейтенант. И никакого упоминания о деньгах.

– Что?! – вскрикнул Майлз. – Не может быть! – Он чуть не перепрыгнул через стол Галени, чтобы своими глазами увидеть послание, и лишь в последнюю секунду остановился. – Я рассчитывал на десять дней, чтобы все... – Его мозг отбросил ненужные данные, замельтешившие в сознании: топливо, плата за место на орбитальной станции, новое оснащение, медицинское и стоматологическое обслуживание, истощившиеся запасы оружия, плата людям, оборот, ликвидность, свобода финансового маневра... – Проклятие! Мы же рисковали жизнью ради Барраяра! Они не могли... Это ошибка!

Галени беспомощно развел руками:

– Несомненно. Но исправить ее я не в силах.
– Отправьте нового курьера, сэр!
– О, конечно.
– Или еще лучше: отправьте вместо курьера меня. Если я лично поговорю со штабом...
– Гм-м... – Галени прикусил губу. – Соблазнительная идея... Нет, не могу. Приказ относительно вас абсолютно ясен. Дендарийцам придется дожидаться следующего курьера. Если дела обстоят так, как вы утверждаете, – смысл его слов от Майлза не укрылся, – то я уверен, все уладится.

Майлз ждал бесконечно долгие секунды, но Галени молчал.

– Да, сэр. – Машинально отдав честь, Майлз повернулся кругом.

Десять дней... Еще десять дней... По крайней мере десять дней... Они смогут переждать их. К тому времени у штаба должен наконец заработать коллективный мозг.

Самой высокой по рангу гостей на приеме в этот день была посланница Тау Кита. Это была стройная женщина неопределенного возраста с изумительным лицом и пронизательным взглядом. Майлз подозревал, что ее разговор освежил бы и развлек его – политичный, тонкий, блестящий, как и сама гостья. К сожалению, посол Барраяра монополизировал ее внимание. Майлз сомневался, чтобы ему представился шанс перемолвиться с нею хоть словом.

Дама преклонных лет, к которой приставили Майлза, считалась важной персоной благодаря своему мужу, мэру Лондона, которого занимала сейчас жена посла. Супруга мэра была способна болтать непрерывно, главным образом о нарядах остальных гостей. Проходящий мимо слуга с военной выправкой (вся прислуга посольства относилась к департаменту Галени) поднес Майлзу на золотом подносе бокал с соломенного цвета жидкостью, и тот жадно за него схватился. Пара таких бокалов – и с его восприимчивостью к алкоголю он отупеет настолько, что сможет вытерпеть даже это. Разве не от таких вот мертвенно официальных приемов он с величайшим трудом вырвался на имперскую службу, несмотря на свое увечье? Хотя проглотил он больше трех бокалов – и не миновать ему заснуть вот на этом узорном паркете, с глупейшей улыбкой на лице. И проснуться потом в куче неприятностей.

Майлз сделал большой глоток – и чуть не подавился. Яблочный сок!.. Черт побери, Галени свое дело знает. Украдкой осмотревшись, Майлз убедился, что гостям подали настоящее вино. Он оттянул пальцем высокий воротник кителя и вымученно улыбнулся.

– Вам не нравится вино, лорд Форкосиган? – обеспокоенно спросила пожилая дама.

– Выдержка маловата, – пробормотал Майлз. – Придется подсказать послу, чтобы этот сорт подольше держали в подвалах.

«Например, до тех пор, пока я не улечу отсюда...»

Главный зал приемов с высоким застекленным потолком был окружен изящными стрельчатыми арками. Казалось, голоса должны отдаваться в нем, как в концертном зале, но резонанс был явно слабоват для такого помещения. Видимо, где-то спрятаны звукопоглотители, решил Майлз. Если известно, где надо остановиться, можешь попасть в конус секретности, предотвращающий подслушивание. На всякий случай (кто его знает, что окажется полезным в будущем) Майлз постарался запомнить, где стоят послы Барраяра и Тау Кита. Да, скорее всего его догадка верна. Даже движения их губ почему-то кажутся туманными и расплывчатыми. А ведь скоро будут пересматриваться договоры о праве пролета через местное пространство Тау Кита.

Майлз и его подопечная прошли к архитектурному центру комнаты, фонтану с бассейном. Он представлял собой скульптуру с медленно струящейся водой, окруженную тщательно подобранными по цвету мхами и папоротниками. В темной воде таинственно двигались золотисто-красные тени.

Майлз напряженно застыл – и тотчас заставил себя расслабиться. К ним с отрепетированной улыбкой приближался молодой человек в черной цетагандийской парадной форме с желтым и черным гримом гем-лейтенанта. Они обменялись натянутыми кивками.

– Добро пожаловать на Землю, лорд Форкосиган, – вежливо произнес цетагандиец. – Это официальный визит или вы путешествуете, чтобы завершить образование?

– Отчасти то, отчасти другое, – небрежно пожал плечами Майлз. – Я приписан к посольству для... э-э... расширения кругозора. Но боюсь, в отличие от вас я не знаю, с кем имею честь говорить, сэр.

На самом деле Майлзу чуть ли не в первую очередь показали присутствовавших здесь обоих цетагандийцев в военной форме, и еще двоих, которые пришли в штатском, плюс три личности, подозреваемые в тайных связях с цетагандийцами.

– Гем-лейтенант Табор, военный атташе цетагандийского посольства, – представился Майлзу его собеседник. Они снова обменялись кивками. – Надолго к нам, милорд?

– Пока не знаю. А вы?

– Я в качестве хобби выбрал искусство бонсай. Говорят, древние японцы работали над одним деревом до сотни лет. Или им это только казалось?

Майлз заподозрил, что Табор шутит, но лицо лейтенанта оставалось таким бесстрастным, что невозможно было сказать наверняка. Может, он боялся, что его грим растрескается?

В эту минуту внимание обоих привлек мягкий мелодичный смех, раздавшийся с противоположной стороны фонтана. Айвен Форпатрил, опираясь на хромированные перила, наклонил свою темноволосую голову к прелестному белокурому созданию. На девушке было нечто розовое и серебряное, колыхавшееся и переливавшееся даже тогда, когда она стояла неподвижно. Искусно безыскусные локоны падали на белые плечи. Смеясь, она взмахнула рукой, и ногти ее блеснули серебром.

Табор издал чуть слышный стон досады и, коснувшись губами пальчиков матроны, направился туда, откуда доносился смех. Вскоре Майлз увидел его на противоположной стороне фонтана: он старался встать как можно ближе к Айвену. Майлз был совершенно уверен, что гем-лейтенанта интересовали не военные тайны. И лейтенант Форкосиган тоже, кажется, не заинтересовал его. Тут охоту Табора за блондинкой прервал сигнал его посла, и он вынужден был уйти следом за своим господином.

– Такой милый молодой человек, этот лорд Форпатрил, – проворковала матрона. – Он всем здесь очень нравится. Супруга посла сказала, вы с ним в родстве? – И она вопросительно склонила голову, сверкая любопытными глазками.

– Мы сколько-то-юродные братья, – объяснил Майлз. – Э-э... а кто эта молодая леди рядом с Айвеном?

Матрона гордо улыбнулась:

– Это моя дочь, Сильвет.

Ну конечно – дочь. Посол и его супруга по-барраярски чувствительны к общественному положению окружающих. Майлз, принадлежащий к старшей ветви семьи, к тому же сын премьер-министра графа Форкосигана – персона несравненно более значительная, нежели Айвен Форпатрил. А это значит – о Господи! – что он обречен. Ему все время будут доставаться важные матроны, а Айвену посчастливится развлекать их дочек...

– Прекрасная пара, – хрипло выговорил Майлз.

– Да, правда? А все-таки насколько близкое у вас родство, лорд Форкосиган?

– Э?... С Айвеном? Наши бабушки – сестры. Моя была старшей дочерью принца Ксава, а бабушка Айвена – младшей.

– Принцессы? Как романтично!

Майлз подумал было, не рассказать ли этой любознательной особе, как бабушку, ее брата и большинство детей искрошили в мясной фарш во время правления императора Ури Безум-

ного. Нет, супруга мэра сочтет эту историю всего лишь потрясающим романом ужасов или – того хуже – романтической сказкой. Маловероятно, чтобы до нее дошла истина. А истиной была безобразная тупость политики Ури, последствия которой волнами разошлись во все стороны, до сих пор коверкая жизнь Барраяра.

– У лорда Форпатрила есть замок? – лукаво осведомилась пожилая дама.

– О нет. У его матери, моей тетки Форпатрил, – «Вот уж кто настоящая акула – проглотила бы тебя одним мигом!» – очень симпатичный дом в столице, Форбарр-Султане. – Майлз помолчал. – Мы когда-то владели замком. Но его сожгли в конце Периода Изоляции.

– Руины замка! Да ведь это почти так же прекрасно!

– Дьявольски живописные, – всерьез заверил ее Майлз.

Кто-то оставил тарелочку с недоеденными закусками на краю фонтана. Майлз взял рогалик и начал крошить его в воду. Золотые рыбки медленно подплывали к поверхности и беззвучно заглатывали крошки.

Одна из них отказалась реагировать на приманку и осталась лежать на дне. Как интересно: золотая рыбка, которая не ест. Ну вот и объяснение пересчета рыбок, порученного Айвену. А вдруг эта упрямец – дьявольское изобретение цетагандийцев, и чешуя у нее блестит золотом, потому что именно из него изготовлена?

Он может с кошачьей стремительностью схватить ее, раздавить каблуком и с торжествующим воплем вскинуть над головой для всеобщего обозрения ее механические потроха: «Ах! Благодаря моей сообразительности я обнаружил среди вас шпиона!»

Но если его догадка ошибочна... Под ногой что-то хлопнет, матрона отшатнется, и сын премьер-министра Барраяра приобретет репутацию молодого человека с серьезными проблемами в области психики... Майлз представил себе, как с хохотом выкрикивает ужаснувшейся женщине, поскальзываясь на рыбьих кишках: «Вы бы видели, что я делаю с котятками!»

Большая золотая рыбка наконец лениво всплыла и схватила крошку, так плеснув хвостом, что обрызгала Майлзу начищенные до зеркального блеска сапоги. «Спасибо тебе, рыбка, – мысленно поблагодарил ее Майлз. – Ты спасла меня от жуткой глупости. Но, конечно, если цетагандийские мастера действительно хитроумны, они могут смастерить рыбку, которая бы ела и даже немножко гадила...»

Супруга мэра задала еще один наводящий вопрос относительно Айвена, но Майлз, поглощенный своей рыбкой, промурлыкал невпопад:

– Да, такая неприятность – эта болезнь Айвена! – Он уже готовился разразиться монологом, порочащим гены Айвена, – упомянуть кровосмесительные браки аристократии, радиационное заражение, оставшееся после Первой цетагандийской войны, и императора Ури Безумного, но тут в кармане пискнуло комм-устройство.

– Прошу извинить, мадам, меня вызывают.

«Благослови тебя Бог, Элли», – подумал Майлз, скользя по паркету прочь от словоохотливой дамы, в поисках тихого уголка, где можно ответить на вызов комм. На галерее, в незанятой нише, скрытой зеленью, Майлз включил связь.

– Да, командер Куин?

– Майлз! Слава Богу! – Элли явно запыхалась. – Кажется, у нас тут сложилась Неприятная Ситуация, а ты – ближайший к месту офицер-дендариец.

– Что еще за ситуация? – Майлзу не нравились слова, начинающиеся с прописной буквы. Элли не склонна к панике или преувеличениям. У него тревожно засосало под ложечкой.

– Я не смогла добиться подробностей, но, похоже, четверо наших солдат, находившихся в Лондоне в увольнении, забаррикадировались в каком-то магазине с заложниками и оказывают сопротивление полиции. Они вооружены.

– Наши парни или полиция?

– К сожалению, и те, и другие. Офицер полиции, с которым я говорила, отвечал мне так, словно готов сию же минуту разбрызгать кровь по стенам.

– Час от часу не легче. И какого черта им это понадобилось?

– Понятия не имею. Я сейчас на орбите и готовлюсь спуститься, но это не раньше чем через сорок пять минут – или даже через час. Танг еще дальше – ему пришлось бы совершить двухчасовой суборбитальный перелет из Бразилии. Но ты, кажется, сможешь быть там примерно через десять минут. Даю адрес.

– Кто позволил нашим людям вынести оружие с корабля?

– Хороший вопрос, но ответ мы получим только при вскрытии. Надеюсь, в переносном смысле слова, – мрачно добавила Элли. – Ты сможешь найти магазин?

Майлз взглянул на адрес на экране комм-устройства.

– Думаю, что смогу. Увижусь с тобой там.

«Каким-то образом...»

– Хорошо. Куин связь закончила.

И комм-канал отключился.

Глава 3

Майлз спрятал комм-устройство в карман и оглядел зал. Прием был в самом разгаре. В зале толпилось, наверное, не меньше сотни роскошно одетых людей. Моды Земли и галактики просто ослепляли. Немало было и военных мундиров – и не только барраярских. Кое-кто, впрочем, собирался уходить, и приставленные к гостям барраярцы проводили их через охрану. Цетагандийцы, похоже, уже исчезли, прихватив с собой своих друзей. Кажется, его побег удастся...

Айвен по-прежнему болтал у фонтана со своей прекрасной подопечной. Майлз безжалостно прервал их.

– Айвен! Жди меня у главного выхода через пять минут.

– Что?!

– Чрезвычайная ситуация. Объясню потом.

– Что за... – начал было Айвен, но Майлз уже выскользнул из комнаты. Он пробирался к шахтам внутренних лифтов, делая огромное усилие, чтобы не пуститься бегом.

Когда за ним закрылась дверь их с Айвеном комнаты, он лихорадочно стянул с себя зеленый парадный мундир, сорвал сапоги и метнулся к шкафу. Вытащив оттуда черную футболку и серые брюки дендарийской формы, он напялил их на себя. Барраярские сапоги пришли из кавалерии, дендарийские происходили от пехотных ботинок. Барраярская обувь удобна, когда имеешь дело с лошадьми, но Майлз так и не смог внушить это Элли. Ей бы потрястись пару часов в седле, по пересеченной местности, чтобы икры огнем горели от кровавых мозолей, тогда она убедится, что фасон обуви – это не прихоть и не кокетство. Хотя здесь лошадей как будто нет.

Майлз запечатал боевые башмаки дендарийцев и, включив максимальную скорость спуска в лифтовой шахте, на лету поправил серый с белым китель. Приземлившись, он одернул его, поднял подбородок и сделал глубокий вдох. Если дышишь, как загнанная лошадь, тебя наверняка заметят. Майлз прошел коридором к главному выходу, миновав зал приемов. Слава Богу, цетагандийцев по-прежнему не видно.

Айвен изумленно раскрыл глаза, увидев приближающегося Майлза. Ослепительно улыбнувшись своей блондинке, он извинился и, прижав Майлза спиной к какой-то пальме в кадке, чтобы скрыть от посторонних глаз, прошепел:

– Какого дьявола?

– Ты должен меня отсюда вывести. Мимо охраны.

– О нет, я ничего тебе не должен! Галени из моей шкуры коврик сделает, если увидит тебя в этом наряде.

– Айвен, у меня нет ни секунды на споры и объяснения – именно поэтому я действую в обход Галени. Куин не стала бы меня вызывать, если бы я не был нужен позарез. Мне надо покинуть посольство сейчас же!

– Ты окажешься в самоволке!

– Если меня поймают. Скажи им... скажи, что я ушел к себе из-за боли в костях.

– У тебя что, снова разыгрался суставный остит? Спорим, врач посольства найдет тебе такое противовоспалительное...

– Нет-нет... Не больше обычного, но это хоть что-то, хоть какая-то зацепка. Есть шанс, что тебе поверят. Пошли. Захвати ее. – Майлз подбородком указал на Сильвет, которая ждала поодаль, во все глаза глядя на Айвена.

– Зачем?

– Маскировка. – Улыбаясь со стиснутыми зубами, Майлз схватил Айвена за локоть и потянул к главному выходу.

– Как поживаете? – Он повернул голову к прекрасной Сильвет и, поймав ее руку, продел под локоть. – Так приятно познакомиться с вами! Вам понравился прием? Удивительный город этот Лондон...

Они с Сильвет тоже неплохая парочка, решил Майлз. Когда они проходили мимо охранников, он взглянул на них краешком глаза. Они заметили только ее. Если ему повезло, в их памяти он останется небольшим бесцветно-серым пятнышком.

Сильвет озадаченно взглянула на Айвена, но они уже были на свежем воздухе.

– У тебя нет охранника, – запротестовал Айвен.

– Я скоро встречусь с Куин.

– А как ты вернешься обратно?

Майлз приостановился:

– У тебя есть время продумать это.

– Ха! И сколько же именно?

– Не знаю. Пока я не вернусь.

Наружная охрана бросилась встречать машину, с шипением остановившуюся у входа в посольство. Бросив Айвена, Майлз быстро перебежал через улицу и нырнул во вход подземки.

Через десять минут, сделав две пересадки, он вышел на поверхность, оказавшись в старой части города с реставрированной архитектурой XXII века. Ему не пришлось проверять номера домов, чтобы отыскать указанный Элли адрес: толпа, заграждения, проблесковые огни, полицейские машины, пожарные, «скорая помощь»...

– Проклятие, – пробормотал Майлз, устремляясь туда. Он машинально переключился на монотонный бетанский говор адмирала Нейсмита: – У, дерьмо!

Главным полисменом наверняка должен быть тот, у которого комм с усилителем, а не те, в боевой броне, с плазменным оружием. Пробравшись сквозь толпу, Майлз перепрыгнул через ограждение:

– Вы командуете операцией?

Констебль сначала ошеломленно осмотрелся и только потом взглянул вниз. Сначала он удивился, но, опознав мундир Майлза, нахмурился:

– Вы один из этих психопатов?

Майлз качнулся на каблуках, соображая, как ответить. Первые три варианта он отбросил сразу же и просто сказал:

– Я адмирал Майлз Нейсмит, командующий Свободным флотом дендарийских наемников. Что здесь происходит? – Прервав разговор, он медленно и осторожно вытянул указательный палец и поднял к небу наставленное на него бронированной женщиной дуло плазмоторона. – Не надо, дорогая, я на вашей стороне.

Она недоверчиво сверкнула глазами за прозрачным окошечком шлема, но старший полисмен мотнул головой, и она отступила на несколько шагов назад.

– Попытка ограбления, – хмуро бросил констебль. – Когда служащая попыталась ее предотвратить, они на нее набросились.

– Ограбление? – переспросил Майлз. – Извините, но это просто бессмыслица. Я полагаю, расчеты ведутся здесь посредством компьютерного перевода кредиток, а наличные деньги отсутствуют. Видимо, произошло недоразумение.

– Не наличные, – коротко бросил констебль. – Товар.

Магазин, увидел Майлз краешком глаза, торговал вином, и витрина была разбита. Он подавил тошнотворное беспокойство и продолжал говорить, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и небрежно:

– В любом случае мне непонятно это противостояние с плазменным оружием из-за магазинной кражи. Вы не считаете, что отреагировали слишком резко? Где ваши парализаторы?

– Они взяли заложницу, – сурово ответил констебль.

– Ну и что? Парализуйте их всех – Господь разберется, кто прав.

Констебль как-то странно посмотрел на Майлза: явно не знает собственной истории, а ведь эта фраза была произнесена всего-то навсего по ту сторону Пролива.

– Ваши парни утверждают, что у них есть какое-то устройство, которое сработает, если они отключатся. И тогда весь квартал взлетит на воздух. – Констебль помолчал. – Это правда?

Майлз тоже помолчал.

– А вы уже опознали кого-то из них?

– Нет.

– Как вы с ними разговариваете?

– Через комм-устройство. По крайней мере разговаривал. Похоже, они его уничтожили несколько минут назад.

– Мы, конечно, оплатим весь ущерб, – выдал из себя Майлз.

– Вы оплатите не только это, – прорычал констебль.

Тут Майлз краем глаза увидел, что на улицу опускается флайер с надписью по борту «Агентство Евронювости».

– По-моему, пора кончать эту волюнку. – Он направился к магазину.

– Что вы собираетесь делать? – спросил констебль.

– Арестовать их. Им будет предъявлено обвинение за вынос оружия с корабля.

– Без всякой помощи? Вас пристрелят. Они пьяны в стельку.

– Не думаю. У моих людей было столько подходящих моментов сделать это...

Констебль нахмурился, но не стал его останавливать.

Автоматические двери не работали. Майлз озадаченно постоял перед стеклом, потом начал колотить по нему. За радужными переливами мелькнула тень. Наступила очень длинная пауза, а потом двери раскрылись сантиметров на тридцать. Майлз повернулся боком и проскользнул внутрь. Находившийся за дверьми мужчина снова вручную закрыл их и вогнал на место металлический засов.

В магазине царил полный разгром. Майлз ахнул: в воздухе стоял такой густой запах алкоголя, что, даже вдохнув его, можно было почувствовать себя мертвецки пьяным. Под ногами хлопал пропитавшийся спиртным ковер.

Майлз осмотрелся, пытаясь определить, кого он прикончит первым. Ему бросился в глаза тот, что открыл дверь, мужчина в одном нижнем белье.

– Адмирал Нейсмит?.. – прошипел «швейцар». Он встал по стойке «смирно» – правда, под углом к полу – и отдал честь.

– Ты в чьей армии, солдат? – рявкнул Майлз.

Тот замахал руками, словно пытаясь что-то объяснить жестами. Имени его Майлз припомнить не смог.

Еще один дендариец, в мундире, сидел на полу, прислонившись спиной к колонне. Майлз присел рядом на корточки, прикидывая, сумеет ли поднять его за грудки, чтобы поставить на ноги или по крайней мере на колени. Он заглянул пьяному в лицо. Маленькие красные глазки, углями плававшие в черных пещерах глазниц, неузнаваемо воззрились на него. С возгласом отвращения Майлз поднялся, не пытаясь больше достучаться до этого бедолаги – его сознание провалилось куда-то в п-в-туннель.

– Подумаешь! – донесся хриплый голос с пола, из-за стойки с бутылками – одной из немногих не опрокинутых. – Подумаешь!

«О, сегодня тут собрались самые сливки, гиганты ума!» – угрюмо подумал Майлз. Из-за полки между тем возникла некая фигура со словами:

– Не может быть, он опять исчез...

Наконец-то появился хоть один, имя которого Майлз помнил. Даже слишком хорошо. Дальнейшее объяснение происхождения стало излишним.

– А, рядовой Данио. Вот неожиданная встреча!

Данио изобразил нечто вроде стойки «смирно», нависнув над Майлзом. Древний пистолет с изборозженной зарубками рукоятью угрожающе торчал из его кулака. Майлз кивком указал на него:

– Это то самое смертоносное оружие, из-за которого меня оторвали от дел? Мне говорили, у вас тут чуть ли не весь корабельный арсенал.

– Что вы, сэр! – ответил Данио. – Это было бы нарушением устава. – Он любовно похлопал по пистолету. – Мое личное имущество. Потому что никогда нельзя знать заранее. Психи есть повсюду.

– Еще какое-нибудь оружие у вас есть?

– У Ялена охотничий нож.

Майлз подавил облегченный вздох. Раз эти идиоты здесь одни, то дендарийский флот, может, и не завязнет в юридическом болоте.

– Вы знаете, что по местному законодательству ношение оружия рассматривается как уголовное преступление?

Данио поразмыслил над этим.

– Обыватели, – решительно откомментировал он наконец.

– Тем не менее, – проговорил Майлз, – мне придется забрать ваше оружие и унести на флагманский корабль.

Он заглянул за полку: тот, кто лежал на полу (надо полагать, Ялен), сжимал в руках нож с открытым лезвием, которым можно было разделать целого бычка, ежели бы таковые встречались на асфальтированных улицах и взметнувшихся к небу эстакадах Лондона. Быстро сообразив, Майлз ткнул пальцем в нож:

– Подайте мне его, рядовой Данио.

Данио высвободил нож из сжатых пальцев своего товарища.

– Не-е-е... – выговорил горизонтальный.

Завладев оружием, Майлз вздохнул спокойнее.

– Так, Данио... А теперь быстро – потому что они уже нервничают – расскажите мне, что здесь произошло?

– Ну, сэр, мы гуляли. Сняли комнату. – Данио дернул головой в сторону полуобнаженного «швейцара», который прислушивался к разговору. – У нас кончились припасы, и мы пришли сюда, чтобы прикупить еще, потому что этот магазин самый ближний. Всего набрали, и тут эта сучка отказалась принять наши карточки! Прекрасные дендарийские карточки!

– Сучка?.. – Майлз огляделся, перешагнув через обезоруженного Ялена. «О боги!..» Служащая магазина, пухленькая пожилая женщина, лежала на полу с кляпом во рту, связанная перекрученными кителем и брюками раздетого солдата.

Майлз вытащил охотничий нож и направился к ней. Она истерически захлопала носом.

– На вашем месте я не стал бы ее освобождать, – предостерег его раздетый. – Она жутко шумная.

Майлз остановился и присмотрелся к женщине. Ее седеющие волосы стояли дыбом, за исключением прядей, прилипших к залитым потом лицу и шее, а полные ужаса глаза бегали. Она пыталась вырваться из своих пут.

– Угу. – Майлз на время спрятал нож за пояс. Наконец-то он прочел на кителе имя раздетого. Это было неприятное опознание: Ксавьер. Да, теперь он его вспомнил. Он хорошо показал себя на Дагуле.

Ксавьер встал прямее.

Проклятие! Вот и полетел его план кинуть всю компанию местным властям и молить Бога, чтобы их не выпускали до того момента, пока флот не уйдет с околоземной орбиты.

Удастся ли как-нибудь отделить Ксавьера от его никчемных друзей? Увы! Похоже, все они вляпались, все без разбора.

– Значит, она отказалась принимать ваши кредитные карточки. Теперь вы, Ксавьер, – что было дальше?

– Э-э... произошел обмен оскорблениями, сэр.

– И?

– И наше возмущение вышло из-под контроля. Кидались бутылками... Вызвали полицию. Ее уложили одним ударом. – Ксавьер с опаской посмотрел на Данио.

Майлз обратил внимание, что повествование Ксавьера вдруг стало безличным.

– И?

– И полиция приехала. И мы сказали им, что взорвем тут все, если они попытаются войти.

– У вас действительно есть возможность осуществить эту угрозу, рядовой Ксавьер?

– Нет, сэр. Это был чистый блеф. Я пытался сообразить... ну... как бы в такой ситуации поступили вы, сэр.

«Этот парень чертовски наблюдателен. Даже когда в стельку пьян», – отметил про себя Майлз. Он вздохнул и пригладил обеими руками волосы:

– Почему женщина не захотела принимать ваши кредитные карточки? Разве это не универсальные земные, которые вам выдали в космопорте? Вы не пробовали воспользоваться теми, что остались с Махата Солярис?

– Нет, сэр, – ответил Ксавьер, в доказательство показав свою карточку. Выглядела она как положено. Майлз повернулся, чтобы проверить ее на комм-устройстве, и тут увидел, что оно расстреляно. Последняя пуля пришлась точно в центр экрана головидео. Скорее всего это был удар милосердия, хотя устройство все еще пощелкивало и слабо кашляло. Майлз прибавил его стоимость к счету и поморщился.

– По правде говоря, – тут Ксавьер закашлялся, – женщина здесь ни при чем: это машина выплюнула карточку.

– Она не должна была этого делать, если... – начал Майлз и мысленно закончил: «Если только с центральным счетом все в порядке». В желудке у него вдруг похолодело. – Я про-верю, – пообещал он. – А тем временем мы должны выйти на улицу таким образом, чтобы местная полиция не поджарила вас живьем.

Данио радостно кивнул на пистолет в руке Майлза:

– Мы можем пробиться через черный ход. И бегом к ближайшему входу в подземку!

Майлз, на мгновение утратив дар речи, представил себе, как пристрелит сейчас Данио его собственным пистолетом. Данио спасло только то, что Майлз опасался за свои кости: отдача может сломать руку, а он уже сломал правую руку на Дагуле, и воспоминание о боли было еще свежо в его памяти.

– Нет, Данио, – сказал Майлз, когда к нему вернулся дар речи. – Мы тихо – очень тихо – выйдем из передней двери и сдадимся.

– Но дендарийцы не сдаются! – запротестовал Ксавьер.

– Это не передовая, – терпеливо объяснил Майлз. – Это всего лишь винный магазин. И даже бывший винный магазин. И даже не наш собственный. – «Мне, несомненно, придется купить это заведение». – Считайте лондонскую полицию не противником, а лучшим другом. Это так и есть, кстати. Потому что, – тут Майлз холодно взглянул на Ксавьера, – пока они с вами не закончат, я за вас не примусь.

– О! – сказал Ксавьер смущенно: похоже, до него кое-что дошло. Он тронул Данио за руку. – Может... может, нам следует пойти за адмиралом домой, а, Данио?

И Ксавьер поднял бывшего владельца охотничьего ножа на ноги. После секундного размышления Майлз тихо подошел со спины к красноглазому, вытащил карманный парализатор и направил самый слабый импульс в основание его черепа. Красноглазый завалился набок.

Майлз вознес короткую молитву, чтобы этот последний стимул не отправил его в травматический шок. Одному Богу известно, что за химический коктейль ему предшествовал: ведь парень явно не ограничился одним только спиртным.

– Берите его за плечи, – велел Майлз Данио, – а вы, Ялен, за ноги. – Ну вот, он уже успешно обездвижил троих. – Ксавьер, откройте дверь, заложите руки за голову и спокойно, без шума сдайтесь полицейским. Данио, вы идете следом. Это приказ.

– Жаль, с нами нет остальных, – пробормотал Данио.

– Единственная армия, которая вам сейчас понадобится, – это армия опытных адвокатов, – сухо заметил Майлз. Еще раз взглянув на Ксавьера, он вздохнул: – Я ее вам пришлю.

– Спасибо, сэр, – отозвался Ксавьер и заковылял вперед. Майлз шел сзади, скрежеща зубами от бессильной ярости.

Солнечный свет на улице заставил его заморгать. Небольшой отряд дендарийцев буквально свалился в руки ожидавшей их полиции. Данио не сопротивлялся, когда его обыскивали, но Майлз вздохнул спокойно, лишь когда солдата связали силовыми путами. Констебль-командующий направился к Майлзу. И тут в дверях магазина раздался негромкий хлопок, а тротуар лизнуло голубое пламя.

Майлз вскрикнул и резко повернул назад, глотнув побольше воздуха и задержав дыхание. Он проскочил в магазинную темноту, пронизанную лентами жара, и помчался вдоль полок. На пропитанном спиртным ковре расцветало пламя, как полосы золотой пшеницы, причудливо изгибающиеся в соответствии с концентрацией алкогольных паров. Огонь подбирался к лежащей на полу женщине: еще секунда, и ее волосы вспыхнут ужасающим нимбом...

Майлз кинулся к ней. Подсунул под нее плечо, с трудом поднялся. Он готов был поклясться, что ощущает, как трещат его кости. Тут женщина начала брыкаться – весьма некстати. С ношей на плечах Майлз направился к двери, ослепительно сиявшей – как выход из туннеля, как ворота самой жизни. Его легкие пульсировали, стараясь захватить кислород сквозь плотно сжатые губы. Общее время – одиннадцать секунд.

В двенадцатую комната позади него вспыхнула и заревела. Майлз и его ноша упали на тротуар и покатались. Он все переворачивал ее и переворачивал: огонь лизал одежду женщины. Где-то невообразимо далеко визжали и кричали люди. Ткань дендарийского мундира, рассчитанная на боевые условия, не горела и не плавилась, зато превратилась в прекрасный фитиль для горючих жидкостей, пропитавших ее. Эффект получился дьявольски живописный. Но одежда бедняжки служащей была из обычной ткани...

Майлз подавился попавшей в рот пеной, которой окатил их подбежавший пожарный. Женщина-полисмен уже стояла рядом, судорожно сжимая совершенно бесполезный плазмоторн. Пена огнетушителя напоминала пивную, только вкус у нее оказался похуже: Майлз выплюнул отвратительные химикаты и мгновение лежал на тротуаре, задыхаясь. Господи, какой вкусный воздух! Люди его недооценивают.

– Бомба! – крикнул констебль.

Майлз перевернулся на спину, с наслаждением глядя на ломтик синего неба глазами, которые каким-то чудом не заплыли, не лопнули, не оплавилась.

– Нет, – печально выдавил он из себя. – Бренди. Огромное количество очень дорогого бренди. И дешевой водки. Загорелись, наверное, из-за короткого замыкания на комм-устройстве.

Он откатился в сторону из-под ног пожарных, которые мчались вперед со всей своей оснасткой. Один из них поднял его на ноги и оттащил подальше от пылающего здания. Тут Майлз застыл, уставившись на человека, который наставлял на него – как ему показалось в первую секунду – дуло микроволновой пушки. Волна адреналина не помогла Майлзу – он был настолько выпотрошен, что не сумел сообразить, что к чему. Станный человек горячился,

настаивал на своем. Майлз ошеломленно моргнул, и микроволновая пушка превратилась в нечто более понятное – головидеокамеру.

И тут Майлз остро пожалел, что это не микроволновая пушка...

Освобожденная от пут служащая тыкала в его сторону пальцем, плакала и что-то выкрикивала. Не слишком-то у нее признательный облик для человека, которого только что спасли от ужасной кончины. Камера на секунду качнулась в ее сторону – но служащую уже уводили врачи. Майлз надеялся, что ей дадут успокоительное. Он представил себе, как она возвращается вечером домой, к мужу и детям. «Ну, как сегодня дела в вашем магазине, дорогая?...» Интересно, она потребует деньги за молчание? А если да, то сколько?

«Деньги – о Боже...»

– Майлз! – прозвучавший у него за спиной голос Элли Куин заставил его вздрогнуть. – Вы уже контролируете ситуацию?

Пока они ехали в подземке в лондонский космопорт, на них откровенно глазели. Поймав краем глаза собственное отражение в зеркальной стене, пока Элли получала жетоны, Майлз понял, что удивляться нечему. Приглашенный, блестящий лорд Форкосиган, который смотрел на него из зеркала перед началом дипломатического приема, преобразился. Сейчас это был гадкий, замызганный карлик. Мятый вонючий мундир усеян хлопьями высыхающей пены. Белая вставка на груди черна от копоти. Лицо в саже, голос каркающий, глаза красные от дыма. И разило от него дымом, потом и спиртным, особенно спиртным. Не мудрено: он разве что не искупался в бренди. Стоявшие рядом люди начинали осторожно отодвигаться, учуяв этот «букет». Слава Богу, полиция отобрала у него нож и пистолет, которые будут выступать в качестве вещественных доказательств. Но все равно рядом с ним и Элли в транспортной капсуле никто не сел.

Майлз со стоном опустился на сиденье.

– Ну и охранник из тебя, – с досадой бросил он Элли. – Почему ты не защитила меня от той журналистки?

– Она не пыталась тебя застрелить. Кроме того, я только появилась. Я не могла рассказать ей, что там происходит.

– Но ты гораздо фотогеничнее. Это помогло бы улучшить образ дендарийского флота.

– Перед камерами я немею. А ты говорил достаточно хладнокровно.

– Я пытался все смягчить. «Мальчишки есть мальчишки, хохотнул адмирал Нейсмит на фоне подожженного его войсками Лондона...»

Элли усмехнулась:

– И потом, кому я была интересна? Ведь это не я бросилась в горящее здание... Господи, когда ты оттуда выкатился, весь в огне...

– Ты это видела? – Майлз немного повеселел. – А съемки получились удачные? Может, это хоть немного загладит похождения Данио и его лихих товарищей.

– Выглядело все это ужасно. – Элли содрогнулась, вспоминая. – Я удивлена, что ты не получил сильных ожогов.

Майлз дернул обгоревшими бровями и постарался незаметно спрятать под мышку покрытую волдырями правую руку.

– Пустяки! Это все костюм. Я рад, что не все наше снаряжение плохо продумано.

– Не знаю. Сказать по правде, я боюсь огня с тех самых пор, как... – И Элли прикоснулась рукой к лицу.

– Что вполне естественно. Все произошло исключительно на рефлексх. Когда мой мозг наконец догнал мое тело, все уже было позади; вот тогда-то меня и затрясло. Мне случалось видеть огонь – в бою. Единственное, о чем я мог думать, – это о скорости: когда огонь достигает определенной точки, он распространяется исключительно быстро.

Майлз не стал делиться с Элли беспокойством относительно своего появления на публике и этого проклятого интервью. Было уже слишком поздно, хотя его воображение никак не могло расстаться с идеей тайного дендарийского налета на компанию «Евроновости» с целью уничтожения видеодиска. А может, начнется какая-нибудь война, или катер потерпит крушение, или правительство падет из-за крупного сексуального скандала – и эпизод с винным магазином будет забыт начисто? Кроме того, цетагандийцам наверняка известно, что адмирала Нейсмита видели на Земле. Адмирал тут же исчезнет снова, превратившись в лорда Форкосигана. На этот раз – кто знает? – может быть, навсегда.

Майлз вышел из подземки, держась за поясницу.

– Кости? – встревоженно спросила Элли. – Ты не повредил позвоночник?

– Точно не знаю. – Он топал рядом с ней, скрючившись в три погибели. – Это мышечный спазм. Бедная тетка-кассирша была, должно быть, упитаннее, чем мне показалось. Адреналин вечно обманывает...

Ему не стало лучше к тому времени, как их личный катер пристыковался к «Триумфу» – флагманскому кораблю дендарийцев, находившемуся на орбите. Элли настояла, чтобы они зашли в лазарет.

– Потянули мышцы, – без всякого сочувствия объявила после медсканирования главный врач флота. – Идите лежите с недельку.

Майлз дал заведомо ложные обещания и вышел, сжимая в забинтованной руке пачку пилюль. Он был уверен, что диагноз верный: боль начала немного отступать. По крайней мере мышцы шеи были уже не так сильно сведены, и можно было надеяться, что постепенно процесс распространится ниже. Он уже спускался с пика адреналинового стресса. Стало быть, следует поскорее закончить свои дела здесь – пока он еще в состоянии говорить и ходить одновременно.

Майлз одернул китель, безрезультатно пытаясь смахнуть пятна пены, вздернул подбородок – и решительно вошел в святая святых офицера-финансиста.

По корабельному времени был уже вечер – оно только на час отличалось от лондонского, – но бухгалтер наемников по-прежнему оставалась на своем посту. Вики Боун, полная, подтянутая пожилая женщина (явно техник, а не боец), говорила успокоительным распеваем. Она повернулась в своем кресле:

– Ах, сэр! Вы получили перевод?... – Только тут она обратила внимание на внешний вид Майлза, и голос ее упал: – Боже правый, что с вами?

– Именно это я и надеюсь у вас узнать, лейтенант Боун. – Майлз выдвинул себе стул, повернул его задом наперед и уселся, положив руки на спинку. – Не далее чем вчера вы докладывали, что все наши заказы, не связанные с жизненно важными функциями, отсрочены и наш кредит на Земле в порядке.

– Временно в порядке, – озабоченно ответила Боун. – Четырнадцать дней назад вы сказали, что мы получим перевод через десять дней. Я постаралась сделать так, чтобы большая часть расходов была отнесена на это время. А четыре дня назад вы объявили, что придется ждать еще десять суток...

– Минимум, – мрачно подтвердил Майлз.

– Я отсрочила все, что можно, но некоторые платежи пришлось сделать, чтобы кредит был продлен. Мы залезли в резервные фонды еще на Махата Солярис.

Майлз устало провел пальцем по спинке стула.

– Угу. Наверное, нам следовало лететь прямо к Тау Кита.

Но теперь слишком поздно. Если бы он имел дело непосредственно со штабом службы безопасности второго сектора...

– Нам все равно пришлось бы оставить на Земле три четверти флота, сэр.

– И я не хотел разбивать флот. Но если мы пробудем здесь еще какое-то время, никто уже не улетит: мы попадем в финансовую черную дыру... Послушайте, проверьте ваши программы и скажите мне, что произошло с кредитом личного состава примерно в 16.00 по лондонскому времени.

– М-м? – Пальцы бухгалтера вызвали на экран таинственные и многоцветные данные. – О Боже. Такого просто быть не может. Куда же делись деньги?.. А, прямая отмена. Тогда все ясно.

– А теперь пусть мне тоже будет ясно, – напомнил ей Майлз.

– Ну, – повернулась к нему Боун, – когда флот надолго останавливается там, где имеется хоть какая-то финансовая система, мы пускаем свои свободные средства в оборот.

– Вот как?

– Конечно! Все, что не тратится в данный момент, размещается на возможно долгий срок на краткосрочные прибыльные вклады. Поэтому наш кредит устроен так, чтобы в каждый момент не превышать установленного минимума. Когда приходит время оплатить счет, я провожу его через компьютер и перебрасываю со вклада на кредитный счет ровно столько, сколько требуется.

– А стоит так рисковать?

– Рисковать? Да это просто основа разумного финансирования! Только на прошлой неделе мы получили свыше четырех тысяч федеральных кредитов за счет процентов и дивидендов – пока не вышли за пределы допустимого минимума.

– О! – только и сказал Майлз. На мгновение он представил себе, что бросит воевать и начнет играть на бирже. Холдинговая компания Свободных дендарийских наемников? Увы, император скажет по этому поводу пару теплых слов...

– Но эти дебилы, – лейтенант Боун махнула рукой в сторону схематического изображения походов Данио, – попытались получить деньги со счета непосредственно через его номер, а не через центральную бухгалтерию флота, как им бесконечное число раз было велено. А поскольку счет у нас крайне мал, естественно, денег они не получили. Иногда мне кажется, что я вещаю глухим. – Под ее ловкими пальцами на экране появилось еще несколько разноцветных строк. – Но мы не можем прокручивать деньги до бесконечности, сэр! Инвестиционный счет пуст и уже не дает дохода. Я не думаю, что мы продержимся даже шесть дней. А если кредит и тогда не будет получен, – Вики Боун в ужасе вскинула руки, – весь дендарийский флот сядет в долговую яму!

– О! – Майлз растирал шею. Нет, ему только показалось, что головная боль проходит. – А вы не можете переводить деньги со счета на счет – так, чтобы получить... э-э... виртуальные средства? Временно?

– Виртуальные средства? – переспросила она с нескрываемым отвращением.

– Чтобы спасти флот. Как в бою. Бухгалтерия военного времени... – Он опустил руки на колени, доверительно улыбаясь Боун. – Разумеется, если это за пределами ваших возможностей...

Она возмущенно раздула ноздри:

– Конечно, нет! Но то, о чем вы говорите, рассчитано главным образом на разбежку во времени. Финансовая сеть Земли полностью интегрирована, и в ней никаких разбежек во времени нет. Они появятся, только если работать в межпланетном масштабе. Но вот что мы в силах предпринять... – Боун замолчала. – А может, и нет.

– Что?

– Надо обратиться в какой-нибудь крупный банк и получить краткосрочный заем под залог... ну, скажем, оборудования. – Ее взгляд, скользящий по стенам «Триумфа», дал понять, о каком именно оборудовании идет речь. – Возможно, нам придется скрыть от них некоторые наши финансовые обязательства и степень амортизации, не говоря уже о дву-

смысленности объекта, коим владеет флотская корпорация, и того, что принадлежит капитанам-владельцам. Зато у нас будут реальные средства.

А что скажет коммодор Танг, когда узнает, что Майлз заложил его флагман? Но Танга здесь нет. Танг в увольнении. К тому моменту, как Танг вернется, все уже останется позади.

– Надо просить в два-три раза больше, чем нужно, чтобы получить достаточную сумму, – продолжала объяснять Боун. – Вам придется подписать кое-какие бумаги в качестве старшего офицера корпорации.

Это адмиралу Нейсмиту придется подписывать, подумал Майлз. Человеку, законное существование которого строго... виртуально. Хотя, конечно, земной банк об этом не узнает. Дендарийский флот весьма надежно подтверждал существование этого его «я». Наверное, это будет самым безопасным из всех его предприятий.

– Ну что же, лейтенант Боун, действуйте. Подготовьте все необходимые документы. Гмм... воспользуйтесь «Триумфом» – это наша самая крупная собственность.

Боун кивнула, плечи ее расправились. К ней вернулось ее обычное спокойствие:

– Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

Вздохнув, Майлз с трудом поднялся. Садиться не следовало: усталые мышцы заостенели вконец. Когда до носа Боун дошел наконец «аромат» его одежды, она невольно поморщилась. Наверное, следует потратить несколько минут на то, чтобы привести себя в порядок. И без того исчезновение лейтенанта Форкосигана будет достаточно трудно объяснить. К чему еще пугать людей вонючими обгорелыми тряпками?

Выходя, Майлз услышал, как лейтенант Боун неодобрительно бормочет за его спиной:

– Виртуальные средства! Боже правый...

Глава 4

К тому моменту, как Майлз принял душ и привел себя в порядок – переоделся в свежий мундир и натянул начищенные запасные ботинки, лекарство уже начало действовать, и он не чувствовал боли. Поймав себя на том, что жизнерадостно насвистывает, втирая в лицо лосьон после бритья и поправляя довольно броский и не вполне форменный черный шелковый шарф, он решил в следующий раз принимать только половинную дозу. А то слишком уж хорошо ему.

Очень жаль, что дендарийская форма не предусматривает берет, который можно так заливчато заломить. Может быть, следует отдать приказ об изменении формы? Танг скорее всего его одобрит: у Танга есть теория, согласно которой шикарный мундир облегчает вербовку и поддерживает боевой дух. Майлз в этом не вполне уверен: так можно набрать кучу новобранцев, которым хочется поиграть в ряженных, не более того. Рядовому Данио берет должен понравиться... И Майлз тут же решил отказаться от этой идеи.

Элли Куин терпеливо дожидалась его в коридоре, сидя у катер-шлюза номер шесть. Грაციозно поднявшись, она заметила:

– Нам надо спешить. Как ты думаешь, сколько времени твой кузен сможет прикрывать исчезновение лейтенанта Форкосигана с приема?

– Подозреваю, это уже дохлый номер, – ответил Майлз, застегивая ремень безопасности. Памятуя о предостережениях относительно работы со сложным оборудованием, напечатанных на упаковке с лекарством, он позволил Элли взять управление на себя. Маленький катер легко отчалил от «Триумфа» и начал двигаться вниз в соответствии со схемой схода с орбиты.

Майлз попробовал представить себе, как его встретят, когда он явится в посольство. Самое меньшее, что его ждет, – это домашний арест. Хотя он, конечно, изо всех сил будет ссылаться на смягчающие вину обстоятельства. Майлзу вовсе не хотелось спешить навстречу обыденности. Ведь он сейчас на Земле, с ослепительно красивой и умной подругой, теплым летним вечером. Времени сейчас всего... Майлз взглянул на свой хронометр: двадцать три ноль-ноль. Сейчас только начинаются ночные развлечения. Лондон с его гигантским населением наверняка не спит всю ночь. И Майлзу стало вдруг весело.

Но только что они могут предпринять? Алкоголь не обсуждается: одному Богу известно, что может случиться, если он добавит спиртное к принятым лекарствам. С его странной физиологией может случиться все. С уверенностью можно сказать только одно: координация у него не улучшится. Кабаре? Они надолго застрянут на одном месте, что неразумно с точки зрения безопасности. Надо придумать что-то такое, чтобы они непрерывно двигались.

А впрочем, к черту цетагандийцев! Будь он проклят, если позволит себе стать заложником страха. Пусть адмирал Нейсмит в последний раз развернется, а уж потом он засунет его в шкаф, на заднюю полку... Под ними призывно мигали огни космопорта. Когда они вкатили на свою стоянку (сто сорок федералок в день!), где стоял часовой-дендариец, Майлз решился и выпалил:

– Эй, Элли! Пойдем... пойдем поглазеem на витрины!

Так и получилось, что в полночь они брели по модному пассажию. Здесь были выставлены товары не только Земли, но и со всей галактики, – конечно, для посетителей с деньгами. Да и прохожие представляли собой любопытное зрелище для человека, не чуждого моде. В этом году были популярны перья, синтетический шелк, кожа и мех – ретро, мода прошлых веков. А у Земли такое богатое прошлое! Молодая особа в... костюме викингов или... ацтеков, решил Майлз, опиралась на руку юноши в сапогах примерно двадцать четвертого века. Пышные перья на головном уборе показались Майлзу наиболее интересными. Может быть, дендарийский берет не окажется такой уж архаикой?

Но Элли, как с сожалением заметил Майлз, была напряжена и не получала никакого удовольствия от происходящего. Ее взгляд цепко обшаривал прохожих, выискивая скрытое оружие и фиксируя резкие движения. И вдруг она с неподдельным интересом остановилась перед магазином с неброской вывеской «Культивированные меха: подразделение Галак-Тэк-биоинжиниринг». Майлз запихнул ее внутрь.

Торговый зал оказался просторным – безошибочный признак, что здесь торгуют по самым высоким ценам. Шубы из рыжих лис, ковры из белых тигров, жакеты из вымерших леопардов, кричащая кожа тау-китянских бусинных ящериц на сумках, сапогах и ремнях, черно-белые жилеты из обезьян-макак... Головидео показывало непрерывную программу, рассказывающую о происхождении товара: покупателям вовсе не предлагались шкуры и кожа убиенных зверей; нет, эти роскошные вещи были извлечены из пробирок и автоклавов исследовательских лабораторий. Шкуры девятнадцати вымерших видов животных предлагались в естественных расцветках. Головидео уверяло, что осенью в моду войдут радужная шкура носорога и белые лисы тройной длины в пастельных авторских тонах. Элли погрузила кисти рук во что-то, напомнившее взрыв рыжей персидской кошки.

– Она что, линяет? – ошарашенно спросил Майлз.

– Ничуть, – уверил продавец. – Мы гарантируем, что наши меха не лезут, не линяют и не блекнут. К тому же они не пачкаются.

А через пальцы Элли уже лился бесконечный шелковистый черный мех.

– А это что? Не шуба...

– О, это чрезвычайно популярное новое изделие, – объяснил продавец. – Последнее слово в области биомеханических систем обратной связи. Большинство вещей, которые вы видите, – это простые дубленые шкуры, а это живой мех. Модель может использоваться в качестве одеяла, покрывала или ковра. На будущий год наши лаборатории собираются предложить различные модели верхней одежды...

– Живой мех? – очаровательно изогнула брови Элли.

Продавец бессознательно приподнялся на цыпочки и приосанился: лицо Элли оказало свое обычное действие.

– Живой, – поспешно кивнул продавец. – Только лишенный тела с его недостатками. Он не линяет, не ест и... – тут он смущенно кашлянул, – не нуждается в ящике с песком.

– Постойте-ка, – вмешался Майлз. – В таком случае почему вы рекламируете его как живой? Откуда он получает энергию, если не за счет химического преобразования пищи?

– Электромагнитная сеть на клеточном уровне пассивно собирает энергию из окружающей среды. – Продавец охотно объяснял этой странной парочке происхождение чудесного меха. – От волн головидео и тому подобного. И примерно раз в месяц, если вам покажется, что он тускнеет, можете положить его на несколько минут в микроволновую печьку на самой маленькой мощности. Однако «Культивированные меха» не несут ответственности за случившееся, если владелец по ошибке включит большую мощность.

– Но это все равно не делает ваш мех живым, – возразил Майлз.

– Уверяю вас, – улыбнулся продавец, – это одеяло изготовлено на основе превосходного набора генов *felis domesticus* – кошки домашней. У нас имеется также белая персидская и сиамская с шоколадными полосками натуральных тонов, и я могу показать вам еще несколько образцов декоративных расцветок. Их можно заказать в любых размерах.

– Они сотворили такое с кошкой? – поперхнулся Майлз, а Элли тем временем собрала в объятия все огромное бескостное животное.

– Погладьте его, – доверительно предложил продавец Элли.

Она послушалась и радостно засмеялась:

– Оно мурлычет!

– Да. К тому же оно запрограммировано на термотаксическую ориентацию – иначе говоря, ластится.

Элли целиком закуталась в одеяло, и черный мех упал до самого пола как королевская мантия. Элли потерлась щекой о блестящую шкурку.

– Чего только люди не придумают! О Боже! Так и хочется потереться о него всей кожей.

– Правда? – с сомнением переспросил Майлз. Потом у него расширились глаза: он представил себе Элли, обнаженную, лежащую на этой пушистой штуке. – Правда? – повторил он совершенно другим тоном. Зубы его обнажились в голодной ухмылке, и он повернулся к продавцу: – Мы берем эту штуку.

Неловкость возникла, когда Майлз вытащил свою кредитную карточку и понял, что не может ею воспользоваться. Она принадлежала лейтенанту Форкосигану и хотя позволяла распоряжаться кучей посольских денег, но посылала к черту его тайну. Почувствовав его замешательство, Элли заглянула через плечо. Майлз пододвинул свою карточку к ней, прикрыв ее ладонью, и их взгляды встретились.

– О... нет, – согласилась она. – Ни в коем случае.

И потянулась за своим бумажником.

«Мне следовало бы сначала узнать цену», – огорченно думал Майлз, когда они вышли из магазина, таща неудобный тючок в элегантной серебристой упаковке. Продавцу не сразу удалось убедить их, что отверстия для воздуха не нужны. Ну что ж, мех доставил Элли удовольствие, а возможность доставить Элли удовольствие глупо упускать из-за нерасчетливости или ложной гордости. Позже он вернет ей деньги.

Но где они смогут опробовать это одеяло? Майлз попытался сообразить – и направился из пассажа в сторону ближайшего входа в подземку. Он не хотел, чтобы эта ночь кончалась. Он не знал, чего хотел... Нет, он прекрасно знал, чего хотел, он только не знал, может ли получить это.

Элли наверняка не представляет, как далеко забрели его мысли. Небольшой роман между делом – одно, а перемена карьеры, которую он собирается ей предложить (симпатичный оборот речи, а?), перевернет всю ее жизнь. Рожденная в космосе Элли, называвшая всех планетников грязедами, Элли, твердо знающая, чего хочет добиться в жизни, Элли, ступающая по земле с божественным отвращением русалки, случайно оказавшейся на берегу... Элли – независимое государство. Элли – остров. А он – идиот, который больше не может вынести неопределенности.

Майлз решил, что сейчас им нужна знаменитая земная луна – лучше всего ее отражение на воде. К сожалению, древняя река города в этом секторе текла под землей, упрятанная в трубы во время строительного бума XXIII века, когда часть ландшафта, свободная от головокружительно высоких шпилей, была заключена под купол и сохранена как памятник архитектуры. В этом многомиллионном городе нелегко найти тишину и хоть какой-нибудь уютный и укромный уголок.

Перефразируя древнего поэта-англичанина: «Покой сулит нам кров могилы, но не найти там Элли милой...» В последние несколько недель страшные воспоминания о Дагуле посещали его все реже. И вдруг в обычном общественном лифте, при спуске к вагончику подземки, – Элли падает, вырванная из его онемевших пальцев жутким водоворотом... В конструкции антигравитационной установки дефект – и ее проглатывает тьма!

– Ой, Майлз! – протестующе вскрикнула Элли. – Отпусти мою руку! Что случилось?

– Падаем! – выдохнул Майлз.

– Конечно, падаем, это же лифт! С тобой все в порядке? Дай-ка я посмотрю твои зрачки. – Элли схватилась за поручень и остановилась у края лифтовой шахты, вне центральной зоны движения. Полуночные лондонцы проплывали мимо них. Похоже, ад модернизировали, мельк-

нула у Майлза дикая мысль: это река погибших душ, и она журча втекает в какой-то космический слив, все быстрее, быстрее.

Зрачки Элли, огромные и темные, у самых его глаз...

– У тебя от лекарств зрачки сужаются или расширяются? – озабоченно осведомилась она, почти касаясь его лица.

– А сейчас они что делают?

– Пульсируют.

– Со мной все в порядке. – Майлз с трудом сглотнул. – Врач дважды все перепроверяет, прежде чем выписать рецепт. Он предупреждал, что может быть небольшое головокружение.

Майлз так и не разжал пальцы, стискивая ладонь Элли. И вдруг он заметил, что в лифтовой шахте разница в их росте исчезла. Они повисли лицом к лицу – носки его сапог болтались на уровне ее щиколоток, – так что не надо искать подставку или рисковать потянуть шею... И Майлз, не помня себя, приник к губам Элли. На долю секунды в его мозгу раздался вопль ужаса, как в ту минуту, когда он прыгнул с тридцатиметровой скалы в прозрачную зеленую воду, зная, что она обжигающе холодная: момент, когда он отдал себя гравитации, но последствия еще не настигли его.

Вода оказалась теплой, теплой, теплой... Глаза Элли изумленно раскрылись. Он замешкался, почувствовал, что упустил момент, и начал отодвигаться. Но в ту же секунду ее губы раскрылись ему навстречу, а свободной рукой она обвила его шею. Тело у Элли было тренированное: захват она выполнила хоть и не по правилам, но обездвижила его вполне эффективно. А ведь впервые, положенный на обе лопатки, он одержал победу! Майлз жадно прижимался к ее губам, целовал веки, щеки, лоб, нос, подбородок...

Пухлый пакет с живым мехом полетел вниз, ударяясь о стенки шахты. Их толкнула спускающаяся женщина, которая осуждающе нахмурилась; подросток, стремительно летящий вниз по самому центру, захохотал и непристойно зажестиковировал, а у Элли в кармане подал сигнал комм.

Кое-как поймав мех, они выскочили из первого же попавшегося выхода, зашпешив через арку к платформе подземки. Выбравшись на нее, они потрясенно уставились друг на друга. Майлз осознал, что в одну безумную секунду он перевернул их тщательно сбалансированные рабочие отношения. И кем же они теперь стали? Командующим и подчиненной? Мужчиной и женщиной? Друзьями, любовниками? Возможно, это роковая ошибка. А может быть, безошибочный рок.

Дагула заставила его осознать: человек, носящий мундир, не только военный. Если завтра смерть похитит его – исчезнет целая вселенная возможностей, а не какой-то там боевой офицер, пусть и толковый. Он снова ее поцелует! Черт подери, теперь он достает только до белоснежной шеи Элли!

Но тут раздался озадаченный возглас, и Элли включила зашифрованный комм-канал со словами:

– Какого дьявола?.. Вы это быть не можете – вы здесь, со мной. Куин на связи!

– Коммандер Куин? – Голос Айвена звучал тихо, но внятно. – Майлз с вами?

Губы Майлза скривились. Айвен, как всегда, фантастически некстати!

– Да, а что? – строго ответила Куин комм-устройству.

– Скажите ему, чтобы возвращался. Я проделал дыру в сети охраны, но долго ее не удержу. Я сейчас просто засну!

И комм-устройство издало невнятное завывание, которое Майлз истолковал как зевок.

– Господи, я и не думал, что он способен на такое, – пробормотал Майлз и схватил комм-устройство: – Айвен? Ты что, правда вернешь меня в посольство так, что никто не заметит?

– Примерно в течение ближайших пятнадцати минут. Мне и без того пришлось нарушить кучу правил. Я стою на посту на третьем подуровне, где находятся электрокабели и канали-

зация. Могу замкнуть запись и вырезать кусок, на котором будет зарегистрировано, как ты входишь, но только если ты доберешься сюда раньше, чем капрал Вели. Я согласен рисковать своей шкурой ради тебя, но не согласен рисковать за так, понял?

Элли между тем изучала план подземки.

– Мне кажется, ты можешь успеть – еле-еле.

– Что толку...

Но она схватила его за локоть и повлекла к вагончикам подземки: твердый блеск долга погасил в огромных глазах более теплый свет.

– У нас еще десять минут.

Пока Элли брала жетоны, Майлз растирал лицо, словно старался таким образом вернуть быстро улетающую способность мыслить разумно. Подняв взгляд, он увидел свое тусклое отражение, глядящее из зеркальной стены, затененной колонной. Лицо было искажено ужасом и бессилием. Зажмурив глаза, Майлз снова взглянул на себя, выйдя из тени от колонны. Ужасно неприятно: на секунду ему почудилось, что на нем зеленый барраярский мундир. Черт подери эти анальгетики! Может, его подсознание пытается что-то ему сказать? Впрочем, зачем попусту переживать? Наверняка сканирование мозга в том и другом мундирах покажет два совершенно разных биоритма.

Хотя, если подумать, это не кажется таким уж смешным.

Когда Элли вернулась, Майлз обнял ее, снедаемый сложными чувствами, а не одним лишь желанием. Они поцеловались в вагончике: от этого поцелуя было больше боли, чем удовольствия. К моменту, когда они достигли места назначения, Майлз находился в состоянии такого неутоленного возбуждения, равного которому еще не знал: похоже, вся кровь отхлынула от мозга...

Элли рассталась с ним на платформе в районе посольства, страдальчески шепнув: «Потом!» Только когда ее вагончик исчез, Майлз заметил, что она оставила у него пакет, который утробно мурлыкал.

– Милая киска. – Майлз со вздохом поднял пакет и побрел домой.

На следующее утро, с головы до ног утопая в урчащем черном мехе, он с трудом разлепил сонные глаза.

– Ласковая штучка, правда? – заметил Айвен.

Майлз выпутался из одеяла, выплевывая обрывки пуха. Продавец солгал: этот полужверь явно жрет людей, а не магнитные волны. Опутывает их ночью и переваривает, как амeba. Дьяволыщина, он ведь бросил его в ноги! Малышей, с головой ныряющих под чудо-одеяло, чтобы спрятаться от затаившихся в шкафу чудищ, ожидает неприятный сюрприз. Продавец отдела культивированных мехов никакой не продавец. Это убийца, подсланный цетагандийцами агент-убийца...

Айвен в одних трусах, закусив зубную щетку сверкающими зубами, провел рукой по шелковистой шерсти. Она заволновалась, словно пытаясь выгнуться под глядящими ее пальцами.

– Просто чудо. – Айвен перегнал щетку в другой угол рта, и его небритые щеки заходили ходуном. – Так и хочется потереться о нее всей кожей.

Майлз представил себе Айвена, развалившегося... И содрогнулся.

– Господи! Где кофе?

– Внизу. Выпьешь, когда оденешься. И постарайся выглядеть так, словно не поднимался с постели со вчерашнего дня.

Майлз почувал недоброе в ту же секунду, когда спустя полчаса после начала рабочего дня Галени вызвал его в свой кабинет.

– Доброе утро, лейтенант Форкосиган, – улыбнулся капитан с деланным радушием. Его улыбка сейчас была настолько же отвратительной, насколько настоящая – симпатичной.

- Доброе, сэр, – опасно кивнул Майлз.
- Вижу, острый приступ воспаления суставов уже миновал.
- Да, сэр.
- Садитесь, пожалуйста.
- Спасибо, сэр.

Майлз осторожно сел: этим утром он не принимал болеутоляющего. После ночных приключений, особенно той неприятной галлюцинации в подземке, Майлз спустил таблетки в унитаз и мысленно сказал корабельному врачу, чтобы она вычеркнула из своего списка это лекарство. Галени как-то неуверенно нахмурился, но тут его взгляд упал на забинтованную правую руку Майлза. Когда Майлз, неловко подвинувшись, постарался спрятать ее за спину, Галени поморщился и включил экран головидео.

– Сегодня утром я поймал удивительно интересный выпуск местных новостей, – начал он. – Я решил, вам тоже будет любопытно его увидеть.

«Мне больше хотелось бы упасть замертво прямо у вас на ковре, сэр». Майлз уже знал, о чем пойдет речь. Проклятие, а он-то беспокоился, что новости увидят только в цетагандийском посольстве.

Репортер из «Евроновостей» начала свой рассказ, явно записанный позже – на заднем плане уже догорал винный магазин. Когда пошли кадры с испачканным в саже, обгоревшим адмиралом Нейсмитом, здание еще вовсю пылало. Майлз услышал, как его голос выкашливает по-бетански: «...прискорбное недоразумение. Обещаю, что будет проведено тщательное расследование...» Сцена, когда он выкатился из пылающей двери с кассиршей на закорках, оказалась умеренно впечатляющей. Жаль, что все происходило при дневном свете. Ночью фейерверк смотрелся бы куда лучше.

Напряжение и ярость, искажавшие лицо адмирала Нейсмита, проступили и на лице Галени. Майлз втайне ему посочувствовал: что за радость от подчиненных, которые не выполняют приказов и устраивают тебе такие вот идиотские сюрпризы? Галени это не нравится. А кому понравится?

Новости наконец закончились, и Галени отключил видео. Откинувшись на спинку стула, он холодно взглянул на Майлза:

– Итак?

«Шутки в сторону», – решил Майлз и произнес очень серьезно:

– Сэр, командер Куин вызвала меня вчера днем с посольского приема, потому что я был ближайшим дендарийцем в звании офицера. В данном случае ее опасения оказались совершенно оправданными: мое оперативное вмешательство действительно предотвратило ненужные жертвы – возможно, даже смерти. Я должен принести извинения за то, что ушел без вашего разрешения. Однако я не могу сожалеть о содеянном.

– Извинения? – хрипло промурлыкал Галени, выгадывая время, чтобы справиться с душившей его яростью. – Вы ушли самовольно, без охраны, в нарушение прямого приказа! Еще несколько секунд – и я имел бы удовольствие отправить в штаб очередной доклад с запросом, куда девать ваш поджаренный труп. Но что самое интересное, вы, похоже, сумели телепортироваться из посольства и обратно, не оставив ни малейшего следа в моей системе безопасности. И вы рассчитываете все это исправить своими дурацкими извинениями? Ну нет, лейтенант.

Майлз выдвинул в оправдание свой единственный козырь:

– Я был с охраной, сэр. Там же, возле магазина, присутствовала командер Куин. И я ничего не рассчитываю исправить.

– Тогда объясните мне, как именно вы вышли и вернулись, пройдя через мою систему безопасности незамеченным. Ну? – Галени сложил руки на груди и грозно нахмурился.

– Я... – Положение двусмысленное. Конечно, покаяние очищает душу, но доносить на Айвена? – Я присоединился к группе гостей, покидавших прием через главный вход. Поскольку на мне была дендарийская форма, охрана решила, что я один из приглашенных.

– Допустим. А возвращение? Каким образом вы вернулись?

Майлз замолк. Галени следует знать все, чтобы исправить недостатки охранной системы, но Майлз и сам не знал, что сотворил Айвен со сканерами, не говоря уже о капрале, поскольку сразу же завалился спать, не вдаваясь в подробности.

– Вам не защитить Форпатрила, лейтенант. Я его вызываю следующим.

– А почему вы думаете, что здесь замешан Айвен? – наудачу ляпнул Майлз, надеясь выиграть время. Но, кажется, зря. Ему следовало бы сначала подумать, потому что Галени с отвращением поморщился:

– Не глупите, Форкосиган.

Майлз сделал глубокий вдох:

– Все, что сделал Айвен, он сделал по моему приказу. Ответственность лежит исключительно на мне. Если вы согласитесь ни в чем не обвинять его, я попрошу, чтобы он представил полный доклад на тему «Как проделать временную дыру в системе безопасности».

– Вот как? – У Галени задергались губы. – А вам не приходило в голову, что лейтенант Форпатрил выше вас по должности?

– Нет, сэр, – с трудом сглотнул Майлз. – Я... как-то забыл об этом.

– Похоже, он тоже.

– Сэр! Поначалу я планировал отсутствовать совсем недолго, и возвращение тревожило меня меньше всего. По мере развития событий мне стало ясно, что вернуться незаметно мне уже не удастся, но было два часа пополуночи, и Айвен затратил столько усилий! Мне казалось благодарным...

– И еще вам казалось, – вполголоса вставил Галени, – что все сойдет вам с рук...

Майлз спрятал невольную улыбку.

– В любом случае Айвен здесь ни при чем. Во всем виноват один я, сэр.

– Благодарю вас, лейтенант, за ваше столь искреннее признание.

Выведенный из себя, Майлз огрызнулся:

– Черт подери, сэр, а чего бы вы хотели? Дендарийцы такие же барраярские войска, как и те, что носят имперскую форму, пусть они об этом даже не подозревают. Мне поручено ими заниматься. Я не могу игнорировать их ради того, чтобы как следует играть роль лейтенанта Форкосигана.

Галени качнулся на задних ножках стула, подняв брови:

– Играть роль лейтенанта Форкосигана? А кто же вы, по-вашему?

– Я...

Майлз замолчал: у него вдруг закружилась голова, как при падении в неисправной лифтовой шахте. До него даже не сразу дошел смысл вопроса. Молчание затянулось.

Галени сложил руки на столе, беспокойно хмурясь. Голос его зазвучал мягче:

– Запутались, да?

– Я... – Майлз беспомощно развел руками. – Когда я адмирал Нейсмит, мой долг – быть адмиралом Нейсмитом. Обычно мне не приходится вот так раздваиваться.

Галени наклонил голову:

– Но ведь Нейсмит нереален. Вы сами это сказали.

– Э-э... Правильно, сэр. Нейсмит нереален. – Майлз перевел дыхание. – Но его обязанности реальны. И ответственность – тоже. Нам надо прийти к какому-то более разумному решению относительно уклада моей здешней жизни, чтобы я мог их выполнять.

Похоже, Галени так и не уразумел, что, когда он получил под свое начало Майлза, его штат увеличился не на одного, а на пять тысяч человек. Но если он это осознает, не начнет

ли он вмешиваться в их жизнь? Стиснув зубы, Майлз решил ни при каких условиях не объяснять этого. В нем поднялась горячая волна... ревности? «Господи, пусть Галени продолжает считать, что дендарийцы – мое личное дело».

– Гм-м... – Галени растирал лоб. – Да... Но впредь, когда обязанности адмирала Нейсмита потребуют вашего присутствия, вы обращаетесь ко мне, лейтенант Форкосиган. – Он вздохнул. – Считайте, что вам дан испытательный срок. Я бы посадил вас под домашний арест, но посол потребовал, чтобы сегодня днем вы выступили в качестве сопровождающего. Не забывайте, что я мог предъявить вам серьезнейшие обвинения. Например, неповиновение приказу.

– Я... остро осознаю это, сэр. А что будет с Айвеном?

– Там посмотрим.

Мысль об Айвене заставила Галени резко встряхнуть головой. Майлз посочувствовал ему.

– Хорошо, сэр. – Он понимал, что докучать Галени больше не следует.

– Вы свободны.

«Великолепно, – подумал Майлз, выходя из кабинета. – Сначала Галени считал, что я нарушаю субординацию. А теперь думает, что я сумасшедший.

Кем бы я ни был».

Событием дня оказались прием и обед в честь Баба Лайрубы, посетившего Землю. Баба, наследственный глава своей планеты, объединил в этом визите политические и религиозные цели: завершив паломничество в Мекку, он приехал в Лондон для участия в переговорах относительно права свободного пролета, которые вела группа Западного Ориона. Узлом этой сети была Тау Кита, а Комарра соединялась с ним двумя маршрутами – отсюда барраярский интерес к персоне Баба.

Обязанности Майлза были обычными. В данном случае ему досталось сопровождать одну из четырех жен Баба. Майлз так и не понял, ужасна она или симпатична: ее огромные яркие карие глаза и гладкие шоколадные руки были очень милы, но все остальное было закутано в бесконечные метры кремового шелка с золотой каймой и напоминало роскошные формы дорогостоящего матраца.

Об уме четвертой жены Баба Лайрубы судить было невозможно: она не говорила ни по-английски, ни по-французски, ни по-русски, ни по-гречески (в их барраярском варианте или любом другом), а Майлз не знал ни лайрубского, ни арабского. Ящичек с настроенными микропереводчиками, к несчастью, был по ошибке доставлен на другой конец Лондона, так что присутствующие дипломаты только обменивались улыбками. Майлз и его дама изъяснялись посредством мимики (соли, сударыня?) в течение всего обеда – и Майлз дважды вызвал у нее смех. Хотел бы он знать почему.

Уныние Майлза усугубилось, когда запыхавшийся помощник курьера доставил ящик с новыми переводчиками. А он-то надеялся, что послеобеденные речи отменят. Последовал ряд спичей на всевозможных языках – рассчитанных главным образом на корреспондентов. Все перегруппировались, пухленькую даму увели от Майлза две другие жены Лайрубы, и он начал пробираться через зал к группе барраярского посольства. Обогнув высокую алебастровую колонну, поддерживавшую сводчатый потолок, Майлз лицом к лицу столкнулся с журналисткой из «Евроновостей».

– Mon Dieu¹, да это же маленький адмирал, – жизнерадостно констатировала она. – Что вы здесь делаете?

подавив мысленный вопль ужаса, Майлз сверхъестественным усилием воли заставил свое лицо выразить вежливое недоумение.

¹ Боже мой (фр.).

– Сударыня?

– Адмирал Нейсмит... – Тут она заметила его мундир, и глаза ее загорелись любопытством. – Какая-то тайная операция наемников, адмирал?

Прошла секунда. Майлз позволил своим глазам расширяться, а руке – скользнуть к лишенному оружия боку и там бессильно сжаться.

– Боже мой, – выдал он голосом, полным ужаса (это ему далось очень легко). – Не хотите ли вы сказать, что адмирала Нейсмита видели на Земле?

Журналистка вздернула подбородок, недоверчиво улыбаясь:

– Несомненно – в вашем собственном зеркале.

Заметно ли, что у него обгорели брови? А правая рука забинтована. «Нет, это не ожог, сударыня, – мысленно внушал ей Майлз в полном отчаянии. – Я порезался, когда брился...»

Тут он вытянулся по стойке «смирно», щелкнув каблуками, и отвесил служительнице масс-медиа официальный поклон. Гордым, жестким голосом с сильнейшим барраярским выговором Майлз произнес:

– Вы, несомненно, обознались, сударыня. Я лорд Майлз Форкосиган с Барраяра. Лейтенант имперской службы. Не то чтобы я не мечтал получить упомянутое вами звание, но оно несколько преждевременно, я полагаю.

Журналистка сладенько улыбнулась:

– Вы поправились после ожогов, сэр?

Майлз изумленно поднял брови (не следовало привлекать к ним лишнее внимание):

– Нейсмит получил ожоги? Вы его видели? Когда? Мы не могли бы поговорить об этом? Человек, о котором вы упомянули, представляет большой интерес для службы безопасности Барраяра.

Пишущая дама осмотрела его с головы до пят:

– Надо полагать, поскольку вы с ним на одно лицо.

– Пожалуйста, пройдемте сюда. – И как он из всего этого выкрутится? Взяв журналистку за локоть, Майлз повел ее в укромный уголок. – Конечно, мы с ним на одно лицо. Адмирал Нейсмит – это мой... – (незаконнорожденный брат-близнец? Нет, не звучит. Его не просто осенило: это было как ядерный взрыв), – клон, – как ни в чем не бывало закончил Майлз.

– Что? – Уверенность его собеседницы дала трещину, она так и впилась в него глазами.

– Мой клон, – спокойно повторил Майлз. – Это удивительное создание. Мы считаем (хотя так и не удалось найти подтверждающих фактов), что он появился на свет в результате тайной операции цетагандийцев, которая пошла не по плану. По крайней мере с медицинской точки зрения цетагандийцы вполне могли осуществить такое. Факты относительно их военных генетических экспериментов просто ужасающи. – Майлз помолчал. Это по крайней мере было правдой. – Кстати, кто вы такая? Как вас зовут?

– Лайза Вэллери. – Дама показала ему свой аккредитационный кубик. – Агентство «Евро-новости».

Ее готовность заново представиться свидетельствовала о том, что он избрал верную тактику.

– Ах вот как! – Майлз чуть отодвинулся от нее. – Служба новостей! Извините, сударыня. Мне не следовало разговаривать с вами без разрешения начальства. – И он сделал вид, что уходит.

– Нет, постойте... э-э... лорд Форкосиган. О!.. Вы, случайно, не родственник того самого Форкосигана?

Майлз нахмурился и напустил на себя суровость:

– Это мой отец.

– О-о! – выдохнула Вэллери, словно в озарении. – Тогда понятно.

«Так я и думал», – усмехнулся про себя Майлз. Он снова сделал вид, что хочет сбежать от нее. Дама впилась в него пиявкой:

– Нет, пожалуйста... Если вы мне ничего не скажете, я разужу все сама.

– Ну... – Майлз сделал длинную паузу. – С нашей точки зрения, это довольно старые факты. Наверное, мне можно рассказать вам кое-что, поскольку это касается меня самого. Но только все это не для публикаций. Обещаете?

– Слово барраярского лорда нерушимо, так? – ответила журналистка. – Я никогда не раскрываю своих источников.

– Хорошо, – кивнул Майлз, делая вид, будто поверил ей, хотя в словах его собеседницы и намек не было на какое-либо обещание.

Он придвинул пару стульев, и они устроились вне пределов досягаемости робофициантов, убравших остатки банкета. Майлз откашлялся и начал свою историю.

– Биоконструкт, называющий себя адмиралом Нейсмитом, – это, возможно, самый опасный человек во всей галактике. Он хитер и решителен: и цетагандийская, и барраярская службы безопасности безуспешно пытались убить его. В лице дендарийских наемников он начал создавать свои вооруженные силы. Мы все еще не знаем, каковы его конечные цели и планы, но уверены, что они у него есть.

Вэллери с сомнением поднесла палец к губам:

– Он показался мне... таким милым, когда я с ним разговаривала. С поправкой на обстоятельства, конечно. Безусловно, храбрый человек.

– Да в том-то и гениальность и незаурядность этого человека! – вскричал Майлз и тут же приказал себе несколько сбавить тон. – Обаяние. Наверняка цетагандийцы – если это были цетагандийцы – предназначали его для чего-то экстраординарного. Он военный гений, знаете ли.

– Минуточку, – задумалась Вэллери. – Вы говорите, что он ваш истинный клон, а не просто ваша копия? Тогда Нейсмит должен быть моложе вас.

– Да. Его рост и развитие были искусственно ускорены – видимо, до крайнего предела. Он... Где вы его видели?

– Здесь, в Лондоне, – ответила журналистка и хотела что-то добавить, но вдруг остановилась. – И вы говорите – Барраяр пытался его убить? – Она чуть отодвинулась от Майлза. – Тогда, пожалуй, я предоставлю вам самим его отслеживать.

– О, мы уже оставили эти попытки, – коротко хохотнул Майлз. – Сейчас просто стараемся не терять его из виду. Видите ли, он недавно выскользнул из-под нашего наблюдения, и это ужасно нервирует службу безопасности. Очевидно, что первоначально его создали с целью какой-то подстановки, явно направленной против моего отца. Но семь лет назад он стал изменником, сбежал от своих хозяев-изготовителей и начал работать на себя. Мы знаем о нем слишком много, так что он уже не в силах подменить меня.

Женщина внимательно посмотрела на него:

– А мне кажется, в силах.

– Почти, – мрачно улыбнулся Майлз. – Но если бы вы могли поставить нас рядом, то увидели бы, что я почти на два сантиметра выше. Поздний рост. Гормональное лечение... – Скоро его фантазия иссякнет: он уже начинает нести чушь... – Однако цетагандийцы все еще пытаются его убить. Пока это самое достоверное подтверждение того, что он создан именно ими. Видимо, слишком много знает. Нам бы ужасно хотелось установить, что именно он знает.

И Майлз заговорщически улыбнулся собеседнице. Его улыбка, он сам чувствовал это, была гадкой до ужаса. Вэллери еще немного отодвинулась.

Тут Майлз позволил себе сжать кулаки:

– Самое отвратительное в этом человеке – наглость. Он мог бы по крайней мере взять себе другое имя – нет же, пользуется моим! Наверное, привык к нему, пока его готовили подменить

меня. Нейсмит говорит с сильным бетанским акцентом. Он живет под девичьей фамилией моей матери-бетанки – и знаете почему?

«Да, действительно – почему, почему?..»

Вэллери молча покачала головой, глядя на него заворуженно и безразлично.

– Потому что в соответствии с бетанским законом о клонах он является моим законным братом. Вот почему! Пытается получить юридическую базу. Я так толком и не знаю зачем. Может быть, это ключ к его тайне. Должна же быть у него какая-то слабость, что-то вроде ахиллесовой пяты...

«Помимо наследственного сумасшествия, конечно». Майлз замолчал, задыхнувшись. Пусть она думает, что это следствие сдерживаемой ярости.

Слава Богу, посол жестом подозвал его к себе: они собирались уходить.

– Извините меня, сударыня. – Майлз встал. – Я должен вас оставить. Но... э-э... если еще раз повстречаете фальшивого Нейсмита, буду очень признателен, если вы сообщите об этом в посольство Барраяра.

Майлз заметил, как губы женщины беззвучно произнесли: «Pourquoi?»² Она тоже поднялась – не без опаски. Майлз галантно поцеловал ей руку, развернулся на месте и сбежал.

Он с трудом удержался, чтобы не запрыгать по ступеням Лондонского дворца, по которым спускался следом за посланцем. Гений! И вправду чертов гений. Почему он раньше не додумался до такого прикрытия? Шеф Имперской службы безопасности Иллиан придет в восторг. Может, даже Галени немного повеселеет.

² Зачем? (фр.)

Глава 5

В тот день, когда вернулся курьер из штаб-квартиры сектора, Майлз разбил лагерь в коридоре перед кабинетом Галени. Проявив чудовищную выдержку, он не сбил его с ног в дверях, а ворвался в комнату, только когда тот вышел.

Застыв по стойке «смирно» перед столом Галени, Майлз тихо произнес:

– Сэр?

– Да-да, лейтенант, знаю, – раздраженно ответил Галени, давая знак подождать. Наступила тишина: на экране перед Галени мелькали одна за другой страницы с данными. Просмотрев последнюю, Галени откинулся на спинку стула, сдвинув брови.

– Сэр? – настоятельно повторил Майлз.

Все так же хмурясь, Галени встал и жестом пригласил Майлза занять его место:

– Смотрите сами.

Майлз просмотрел все сообщения дважды.

– Сэр! Здесь ничего нет для меня.

– Я тоже это заметил.

Майлз стремительно повернулся к нему:

– Ни шифра кредита, ни приказа, ни объяснений – ничего! Вообще никакого упоминания обо мне. Мы двадцать проклятых дней прождали впустую. За это время мы успели бы пешком добраться до Тау Кита и вернуться обратно. Это безумие! Да нет – это просто невозможно!

Галени оперся рукой о стол, задумчиво созерцая экран.

– Невозможно? Ничего подобного. Я и раньше видел, как терялись сверхважные приказы. Как важные данные посылались не туда, куда надо. Как срочные требования складывались в папочку – ждать, пока кто-то выйдет из отпуска. Такое случается, увы.

– Со мной такого не бывает, – процедил Майлз сквозь зубы.

Галени приподнял бровь:

– Да вы заносчивы, лордик! – Он выпрямился. – Но подозреваю, вы говорите правду. Такие вещи с вами не случаются. С кем угодно, только не с вами. Конечно, – Галени почти улыбнулся, – все когда-то происходит в первый раз.

– Уже второй, – напомнил Майлз, впившись глазами в невозмутимое лицо начальника. Он еле сдерживался, чтобы не бросить в это спокойное лицо самые безумные обвинения. Может, это розыгрыш а-ля комаррский мещанин? Если приказа и кредита нет, значит, их перехватили. Или, возможно, запрос вообще не отправляли. Правда, Галени утверждает обратное. Но неужели он поставит под угрозу собственную карьеру только для того, чтобы насолить докучливому подчиненному? Не то чтобы жалованье барраярского капитана было большой потерей, Майлз знал об этом, и все же деньги есть деньги.

А восемнадцать миллионов марок? Разве это не деньги?

Глаза Майлза вспыхнули, губы крепко сжались. Человек очень и очень небогатый, человек, чья семья потеряла значительное состояние – скажем, при покорении Комарры, – вполне мог польститься на эти проклятые восемнадцать миллионов. Ради них стоило рискнуть... многим. Майлз не считал Галени вором, но в конце концов, что ему известно об этом человеке? За двадцать дней Галени ни словом не обмолвился о себе.

– И что вы теперь намерены делать, сэр? – выдавил из себя Майлз.

Галени пожал плечами:

– Пошлю новый запрос.

– Новый запрос? И это все?

– А что же еще? Я не могу выложить вам восемнадцать миллионов марок из собственного кармана, лейтенант.

«Вот как? Ну, это надо еще проверить...»

Ему надо срочно вырваться отсюда, из посольства, к своим дендарийцам. Туда, где его ждут собственные прекрасно подготовленные специалисты по сбору информации. Ждут, пока он влачит жалкое существование здесь, в этом болоте. Но если Галени действительно провел его, мысленно пообещал Майлз, в целом мире не найдется норы, где бы он укрылся с похищенными миллионами.

Галени между тем выпрямился и наклонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то, чего не слышал его собеседник.

– Для меня самого это загадка. – И он прибавил, очень тихо, почти про себя: – А я не люблю загадок.

«Уверенный в себе... Хладнокровный...» – Майлз пришел в восторг от актерских способностей капитана, почти равных его собственным. Но если Галени действительно присвоил эти деньги, почему он не исчез? Чего он тут дожидается? Какого-то сигнала, о котором Майлзу не известно? Скорее разузнать все – о да, скорее!

«Еще десять дней, – сказал себе Майлз. – Опять».

– Прошу прощения, лейтенант, – отозвался Галени все так же рассеянно.

«Конечно, попросишь...»

– Сэр, мне нужно провести день с дендарийцами. Обязанности адмирала Нейсмита увеличиваются. Во-первых, из-за этой отсрочки нам совершенно необходимо получить заем у коммерческого банка, чтобы оплатить хотя бы текущие расходы. Я должен лично этим заняться.

– Я уверен, что ваша охрана у дендарийцев совершенно недостаточна, Форкосиган.

– Ну так укрепите ее кем-нибудь из ваших людей, если считаете нужным. Наверняка моя история о клонах уменьшила опасность.

– Ваша история о клонах – чистейший идиотизм, – отрезал Галени, выйдя наконец из задумчивости.

– Она была блестящей, – обиделся Майлз. – Наконец-то мне удалось разделить Нейсмита и Форкосигана. Моя выдумка уничтожила самый опасный аспект всей этой трагикомедии: она отвела внимание от моей злополучной наружности.

– С чего вы взяли, что журналистка поделится своим открытием с цетагандийцами?

– Нас же видели с ней миллионы зрителей, черт подери! Они так или иначе начнут у нее допытываться, кто есть кто.

Майлз вдруг испытал легкий укол страха. Но он быстро успокоился, уверив себя, что цетагандийцы наверняка направят к журналистке какого-нибудь тайного агента. Не может быть, чтобы они просто схватили ее, выпотрошили и прикончили: она все-таки заметная фигура – здесь, на Земле.

– В таком случае почему вы приписали сотворение адмирала Нейсмита цетагандийцам? Одно-то они должны знать наверняка, что они этого не делали.

– Для пущей убедительности, – объяснил Майлз. – Если даже нам неизвестно, откуда взялся этот клон, они не очень удивятся, услышав о нем впервые.

– В ваших логических выкладках есть несколько проколов, – усмехнулся Галени. – Хотя не исключено, что эта нелепая история может сослужить вам службу – оказаться полезной для вашего прикрытия. Но мне она ничуть не помогает. Мне будет так же прискорбно узреть труп адмирала Нейсмита, как и бездыханное тело лорда Форкосигана. Несмотря на свои шизоидные наклонности, даже вы не сможете настолько раздвоиться.

– Я не шизоид, – возмущенно возразил Майлз. – Правда, у меня есть склонность к маниакально-депрессивному состоянию, – признался он после некоторого раздумья.

У Галени дернулся краешек рта:

– Познай себя, советовали древние.

– Пытаемся, сэр.

Галени немного поколебался, но потом мудро решил не реагировать. Хмыкнув, он продолжил:

– Хорошо, лейтенант Форкосиган. Я дам вам в качестве охранника сержанта Барта. Но требую, чтобы вы каждые восемь часов докладывали мне по зашифрованному комм-каналу. Можете получить увольнение на сутки.

Майлз, который в эту секунду набрал полные легкие воздуха, готовясь продолжить переговоры, лишился дара речи и едва выговорил:

– О! Спасибо, сэр.

И какого дьявола Галени повернулся на сто восемьдесят градусов? Майлз отдал бы голову на отсечение, лишь бы узнать, что пряталось за этим римским профилем.

Но он поспешил ретироваться, пока Галени не передумал.

Дендариинцы арендовали самую дальнюю стоянку лондонского космопорта из соображений безопасности, а не экономии. То, что ее удаленность сделала ее и самой дешевой, было лишь дополнительным – и приятным – преимуществом. Стоянка находилась под открытым небом, в самом конце поля, и ее окружали необозримые пространства бетона. Никто и ничто не могло подобраться к ней незамеченным. А если неподалеку вдруг начнется какая-то заварушка, подумал Майлз, то вряд ли при этом пострадают ни в чем не повинные гражданские лица. Выбор был абсолютно логичным.

Но зато топтать пешком чертовски далеко. Майлз старался шагать как можно энергичнее, но так, чтобы не напоминать при этом паучка, спешившего пересечь кухню. Может, вдобавок к его шизофрении и маниакально-депрессивному синдрому он еще и параноик? Сержант Барт, тяжело вышагивавший рядом с ним в гражданской одежде, хотел подвезти его прямо к люку катера в бронированном автомобиле посольства. Майлзу с трудом удалось убедить его, что семь лет тщательного камуфляжа полетят в тартарары, если кто-нибудь увидит адмирала Нейсмита выходящим из официального транспорта Барраяра. Открытость их стоянки, увы, имела свои недостатки. Но по крайней мере ничто не может застигнуть их врасплох.

Конечно, если это «ничто» не будет соответствующим образом замаскировано. Возьмем, к примеру, вон тот массивный грузовик техобслуживания космопорта, который стремительно движется над самой поверхностью поля. Их тут множество, и глаз быстро привыкает к их виду. Майлз решил, что если бы планировал нападение, то выбрал бы именно такой грузовик.

Низко парящий грузовик между тем изменил направление. Барт дернулся, а Майлз напрягся. Это было чертовски похоже на перехват. Но, черт подери, люки – или окна – не открываются, вооруженные люди не прицеливаются в них даже из рогатки. Однако Майлз и Барт все же вытащили свои разрешенные законом парализаторы. Майлз постарался отскочить от Барта, а тот – заслонить его собой, и в сумятице была потеряна драгоценная секунда.

А потом стремительно летящий грузовик настиг их и снова взмыл вверх, заслонив яркое утреннее небо. Его гладкая герметичная поверхность была неуязвима для парализатора. И Майлзу наконец стало ясно, каким образом его прикончат. Его попросту раздавят.

Он издал что-то вроде всхлипа, резко повернулся и бросился бежать, пытаясь развить спринтерскую скорость. Грузовик рухнул вниз чудовищным кирпичом: там резко отключили антигравы. Это показалось Майлзу чрезмерным: неужели убийцы не знают, что его хрупкие косточки можно размозжить даже бакалейным лотком? От него не останется ничего, кроме отвратительного мокрого места на бетоне.

Майлз нырнул, покатился... Его спас только порыв вытесненного грузовиком воздуха. Открыв глаза, он всего в нескольких сантиметрах от собственного носа увидел край грузовика. Когда машина снова взмыла вверх, Майлз стремительно вскочил. Где Барт? Он по-прежнему сжимал в правой руке бесполезный парализатор. Рука кровила – он ободрал ее при падении.

На сверкающем боку грузовика были утопленные перила для лестницы. Если он окажется на них, грузовик не опасен. Майлз отшвырнул парализатор, прыгнул – чуть не опоздав – и повис на перилах. Грузовик накренился и снова рухнул, накрыв место, где он только что лежал. Потом злобная машина поднялась и снова рухнула с яростным ревом. Словно истеричный великан, пытающийся раздавить паучка шлепанцем. Ударом Майлза сорвало с его ненадежного насеста, и он упал перекатом, пытаясь уберечь кости. Увы! В бетоне не было трещин, куда можно было бы вползти и затаиться.

Под грузовиком опять росла полоска света: он поднимался. Майлз посмотрел, нет ли на бетоне красного комка, но ничего не увидел. Барт?! Нет – вон он, скорчился поодаль, что-то кричит в наручный комм. Майлз вскочил на ноги и побежал, петляя. Сердце у него колотилось так, что, казалось, кровь вот-вот брызнет из ушей. Дыхание почти остановилось, несмотря на судорожно расширяющиеся легкие. Вокруг ходили ходуном небо и бетон... Он потерял из виду катер... Ага, вон он! И Майлз бросился к нему. Бег никогда не был его любимым видом спорта. Да, суровые экзаменаторы, не желавшие принимать его в академию из-за физических недостатков, были правы. С отвратительным басовитым воем грузовик снова поднялся в воздух.

Ослепительно-белая вспышка швырнула Майлза на бетон. Вокруг сыпались осколки металла, стекла и кипящего пластика. Что-то вскользь ударило его по затылку. Майлз прижал руки к голове и вжался в бетон, стараясь спрятаться на ровном месте. В висках у него стучало, голова раскалывалась от бессмысленного жуткого рева.

Спустя миллисекунду Майлз понял, что превратился в неподвижную мишень. Он резко повернулся на бок и огляделся по сторонам в поисках грузовика. Машины-убийцы не было.

Но через воздушное пространство космопорта быстро, в нарушение всех правил, неся черный блестящий аэрокар: несомненно, он послужил причиной всеобщей тревоги – на бесконечных пультах вспыхнули сигнальные огни, а компьютеры, управляющие лондонским транспортом, выдали сигналы боевой готовности. Даже не успев разглядеть зеленую форму сидящих в машине, Майлз определил, что это барраярская команда поддержки: так стремительно Барт рванул к ней. Однако нет никакой гарантии, что три дендарийца, мчащиеся к ним, пришли к тому же выводу. Майлз вскочил... на четвереньки. Резкое, хоть и оборвавшееся движение вызвало головокружение и тошноту. Со второй попытки он сумел подняться на ноги.

Барт схватил его за локоть и потащил к опускающемуся аэрокару.

– Назад, в посольство, сэр! – крикнул он.

Сыплющий проклятиями дендариец в серой форме резко остановился в нескольких метрах от них, направив плазмотрон на Барта.

– Отойди, ты! – прорычал он.

Рука Барта потянулась к карману, и Майлз поспешно встал между ними.

– Свои, свои! – воскликнул он, помахав обоим противникам. Дендариец застыл, недоверчивый и напряженный, а Барт с трудом опустил сжатые кулаки.

Элли Куин, державшая в одной руке ракетомет, уже бежала к ним. Из пятисантиметрового дула все еще шел дымок. Видимо, она стреляла навскидку. Ее раскрасневшееся лицо было полно ужаса.

Сержант Барт посмотрел на ракетомет, с трудом сдерживая ярость.

– Вам не кажется, что это чересчур? – рявкнул он на Элли. – Вы чуть было не разнесли нас к чертям собачьим!

Майлз понял, что Барта снедает досада из-за того, что ракетометом орудовал не он.

Элли возмущенно раскрыла глаза:

– Мне кажется, это было лучше, чем ничего. А «ничего» у вас и без меня хватает.

Майлз поднял правую руку (когда он попытался поднять левую, плечо свело) и неуверенно пощупал затылок. Рука стала влажной. Задета лишь кожа – кровищи много, но опасности никакой. Еще один мундир погорел.

– В подземке неудобно перевозить тяжелое оружие, Элли, – мягко вмешался он. – Да и через охрану космопорта мы его не пронесли бы. – Он замолчал, глядя на дымящиеся останки грузовика. – Похоже, даже им не удалось пронести оружие через пост безопасности космопорта. Кто бы они ни были.

И он многозначительно кивнул второму дендарийцу, который, с ходу поняв намек, пошел взглянуть на то, что осталось от грузовика-убийцы.

– Пойдемте, сэр! – Барт снова наседавал на него. – Вы ранены. Сейчас явится полиция. Они не должны вас увидеть.

Он хотел сказать, что лейтенанту Форкосигану нельзя вмешиваться в какие бы то ни было истории. И был абсолютно прав.

– Конечно, сержант, конечно. Уходите. Возвращайтесь в посольство кружным путем. Не дайте себя выследить.

– Но, сэр...

– Моя служба безопасности, которая только что продемонстрировала свою эффективность, возьмет меня под свою опеку. Идите, Бога ради.

– Капитан Галени мне голову оторвет, если...

– Сержант, мне голову оторвет сам Иллиан, если мое прикрытие будет нарушено. Это приказ. Идите!

Наводящее ужас имя шефа Имперской службы безопасности обеспечивало беспрекословное повиновение. Сконфуженный и запутавшийся сержант Барт позволил Майлзу отгеснить себя к аэрокару. Когда машина стремительно умчалась, Майлз вздохнул спокойнее. Если бы он вернулся сейчас в посольство, Галени наверняка запер бы его в подвале.

Подошел мрачный и позеленевший дендариец – тот, что ходил обследовать останки.

– Два человека, сэр, – доложил он. – Кажется, оба – мужчины, судя по... э-э... оставшимся деталям.

Майлз со вздохом посмотрел на Элли:

– Допрашивать некого?

Она пожала плечами. И вдруг встревожилась не на шутку:

– О! У вас кровь!

Дьявольщина. Если бы осталось хоть что-то, Майлз побросал бы все в катер и – с разрешением или без – улетел, чтобы продолжить расследование в лазарете «Триумфа», где ему никто не помешал бы. Лондонская полиция и без того недовольна им; хотя проступком больше, проступком меньше – какая теперь разница. Похоже, ему опять предстоит иметь дело с полицейскими. Пожарные и машины космопорта уже приближались.

И все же в лондонской полиции шестьдесят тысяч человек. Это целая армия – гораздо большая, хоть и хуже вооруженная, чем у него. Может, удастся натравить их на цетагандийцев – или кто там за этим стоял?

– Кто были эти типы? – спросил дендарийский охранник, бросая взгляд в сторону, куда умчался черный аэрокар.

– Не важно, – ответил Майлз. – Их здесь не было, и вы их в жизни не видели.

– Да, сэр.

До чего же он любит своих дендарийцев! Вот уж кто никогда с ним не спорит. Майлз подчинился Элли, настоятельно желавшей оказать ему первую помощь, мысленно подготавливая версию для полиции. Они явно успеют надоесть друг другу, прежде чем закончится его пребывание на Земле.

Не успела приземлиться группа криминалистов, как Майлз обнаружил рядом журналистку – Лайзу Вэллери. Он даже не очень удивился – этого следовало ожидать. Поскольку лорд Форкосиган стремился произвести на нее отталкивающее впечатление, адмирал Нейсмит

призвал на помощь все свое обаяние, изо всех сил пытаясь вспомнить, что говорило ей последнее из его воплощений.

– Адмирал Нейсмит! Похоже, неприятности вас преследуют! – с жаром начала она.

– По крайней мере эта преследовала, – добродушно отозвался он, стараясь собрать остатки спокойствия. Оператора рядом не было – он снимал место происшествия, так что Вэллери попытается получить от него нечто большее, чем просто интервью.

– Кто были эти люди?

– Прекрасный вопрос, на который вам должна ответить полиция Лондона. Моя теория – цетагандийцы, желавшие отомстить за некую операцию дендарийцев... э-э... не против них, но в поддержку их противников. Но вам лучше об этом не упоминать. Никаких доказательств. На вас могут подать в суд за диффамацию.

– Не могут, если это будет прямое цитирование ваших слов. А вы не думаете, что это могли быть барраярцы?

– Барраярцы?! А что вам известно о Барраяре? – Майлз разыграл изумление, плавно перешедшее в недоумение.

– Я расследовала ваше прошлое, – улыбнулась она.

– Расспрашивая барраярцев? Надеюсь, вы им не поверили?

– Не поверила. Они считают, что вас создали цетагандийцы. А я искала независимых свидетелей, опираясь на собственные источники. Я связалась с иммигрантом, который раньше работал в лаборатории по производству клонов. К сожалению, память его не сохранила деталей. Но то, что он мог вспомнить, просто ужасает. Свободный флот дендарийских наемников, кажется, зарегистрирован на Архипелаге Джексона?

– Да. Так гораздо удобнее. Мы с ним никак не связаны, если вы об этом. Я вижу, вы уже немало узнали, а? – Майлз вытянул шею: перед полицейским автомобилем Элли что-то экспансивно втолковывала капитану полиции.

– Разумеется, – без лишней скромности подтвердила Вэллери. – Я бы хотела – с вашего согласия, конечно, – сделать о вас подробный репортаж. Мне кажется, зрители пришли бы в восторг.

– О!.. Дендарийцы не ищут популярности. Скорее наоборот. Это может неблагоприятно сказаться на наших операциях и наших оперативниках.

– Тогда о вас лично. Ничего о современном состоянии дел. Просто, как вы к этому пришли. Кто вас клонировал и почему... Я уже знаю, от кого вы произошли. Ваши первые воспоминания? Насколько я поняла, вас выращивали ускоренно и обучали под гипнозом. Как это было? Ну и так далее.

– Это было неприятно, – коротко ответил он. Конечно, ее предложение звучало соблазнительно, но после того, как Галени снимет с него шкуру, Иллиан сделает из нее чучело. Хотя она симпатичная, эта Вэллери. Одно дело использовать ее для распространения полезных слухов, но слишком близкий контакт с ним... Майлз бросил взгляд на бетон, где криминалисты работали с останками грузовика... может повредить ее здоровью. – У меня есть идея получше. Почему бы вам не разоблачить нелегальное частное клонирование?

– Это уже было.

– Но по-прежнему практикуется.

Ее это предложение ничуть не вдохновило.

– Если вы будете сотрудничать со мной, адмирал Нейсмит, вы сможете откорректировать репортаж в желательном для вас ключе. Если же нет... Ну что ж, вы – объект интереса. Все имеют право изучать этот объект.

Майлз с сожалением покачал головой:

– Мне очень жаль, но вам придется действовать самостоятельно. – Его внимание привлекла сцена у полицейского автомобиля. – Извините, – рассеянно бросил он журналистке.

Вэллери пожала плечами и отправилась ловить своего оператора, а Майлз бросился к машине.

Они собирались увезти Элли!

– Не беспокойтесь, Майлз. Меня не в первый раз арестовывают, – уверенно произнесла она. – Подумаешь!

– Коммандер Куин – мой личный охранник, – запротестовал Майлз, обращаясь к капитану полиции. – И она находилась при исполнении служебных обязанностей, что очевидно. И сейчас находится. Она мне нужна!

– Ш-ш, Майлз, успокойся, – прошептала ему Элли. – Или тебя тоже арестуют.

– Меня?! Я же, к черту, жертва! Те два негодяя пытались меня прихлопнуть! Их и надо брать под арест!

– Их тоже прихватят, как только криминалисты наполнят ими свои чемоданчики. Нельзя ожидать, что власти поверят нам на слово. Они проверят факты, найдут им подтверждение, и меня отпустят. – Элли повернулась и улыбнулась капитану полиции, который тут же размяк. – Полисмены тоже люди, не правда ли, капитан?

– Разве тебе мама не говорила, что не следует садиться в машину с незнакомыми дядями? – пробормотал Майлз. Но Элли права. Если он и дальше будет вмешиваться, полисмены чего доброго запретят его катеру взлет или придумают еще что похуже. Интересно, вернут ли дендарийцам их ракетомет, конфискованный как орудие убийства? А может, арест Элли, его главного охранника, первый шаг хитроумного заговора? Интересно, найдутся ли у врача лекарства от паранойи? Если и найдутся, то у него скорее всего на них аллергия. Заскрипев зубами, Майлз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

На стоянку выкатывался дендарийский двухместный мини-катер. Ну, что теперь? Майлз взглянул на хронометр и понял, что просидел в космопорте пять из драгоценных двадцати четырех часов увольнения. Узнав, который час, он понял, кто именно прилетел, и тяжело вздохнул. Элли воспользовалась этим, чтобы заставить капитана полиции сдвинуться с места. Слава Богу, журналистка побежала брать интервью у администрации космопорта.

Лейтенант Боун, чистенькая, приглаженная, очень солидная в своем сером бархатном парадном мундире, вышла из катера и направилась к стоявшим у трапа.

– Адмирал Нейсмит? Сэр, вы готовы ехать на нашу встречу с... О Боже!

Майлз изобразил на своем разбитом, вздувшемся от кровоподтеков лице широкую улыбку. Хорошенькое зрелище являет собой адмирал Нейсмит: волосы спутались и пропитались кровью, воротник кителя тоже, брюки превратились в лохмотья.

– Ну что, купите вы у такого человека подержанный карманный дредноут? – жизнерадостно чирикнул он.

– Не пойдет, – вздохнула Боун. – Банк, в который мы обратились, очень консервативный.

– Без чувства юмора?

– В том, что касается денег, – да.

– Так. – Майлз проглотил вертевшуюся на языке шутку: она больше походила на скрытую истерику. Попытавшись пригладить волосы, он поморщился и осторожно пощупал временную пластповязку. – А ведь все мои запасные мундиры – на орбите. И мне ничуть не хочется бродить по Лондону без Куин. По крайней мере сейчас. А еще – надо, чтобы врач осмотрела мое плечо: с ним не все в порядке. – «Если вдаваться в подробности, оно болит просто адски». – И кроме того, появились новые и очень серьезные подозрения насчет денежного перевода для оплаты наших услуг.

– О? – только и произнесла Боун, сразу ухватив суть.

– Очень неприятные подозрения, которые необходимо проверить. Ладно, – вздохнул Майлз, смиряясь с неизбежным. – Отмените наш сегодняшний визит в банк. Если получится, договоритесь о новом – на завтра.

– Слушаюсь, сэр. – Боун отдала ему честь и повернулась, чтобы идти.

– Да! – крикнул Майлз ей вдогонку. – Вам совсем не обязательно говорить, почему я не явился.

Уголок рта чинной женщины в сером бархате лукаво приподнялся.

– Мне бы это и в голову не пришло, – заверила она на ходу.

Когда Майлз вернулся на борт «Триумфа», осмотр флотского врача показал, что у него треснула лопатка, каковой диагноз его ничуть не удивил. После обработки электростимулятором ему наложили на левую руку на редкость неудобный пластфиксатор. Майлз ныл до тех пор, пока врач не пригрозила, что перевяжет его с ног до головы. Как только ему обработали скальп, он выскользнул из лазарета, опасаясь, как бы врач не привела свою угрозу в исполнение.

Умывшись и переодевшись, Майлз тут же разыскал капитана Элен Ботари-Джезек. Она входила в число трех дендарийцев, которые знали о нем все. Второй была Элли Куин. Третьим – муж Элен и главный инженер флота коммодор Баз Джезек. Элен была дочерью покойного личного телохранителя Майлза. Они росли вместе и знали друг друга буквально с пеленок. Элен стала офицером дендарийского флота еще тогда, когда Майлз создал его (или подобрал с земли, или как там еще можно охарактеризовать то давнее хаотическое начало всей этой чудовищно разросшейся секретной операции). Вернее, она была произведена в офицеры указом Майлза, но стала опытным военным служащим благодаря денному и ночному труду и отваге. Ее способность концентрироваться была феноменальной, преданность – безусловной. Майлз так гордился Элен, словно сам ее создал. Прочие его чувства по отношению к ней никого не касались.

Войдя в офицерскую кают-компанию, Элен взмахнула рукой, изобразив нечто среднее между обычным приветственным жестом и салютом, и улыбнулась своей удивительной, очень серьезной улыбкой. Майлз ответил кивком и уселся за столик.

– Привет, Элен. Для тебя есть секретное задание.

Высокое стройное тело шевельнулось в кресле, карие глаза зажглись любопытством. Коротко стриженные темные волосы лежали ладной гладкой шапочкой. Назвать Элен красивой было трудно, но тонкие, вылепленные, как у благородной гончей, черты ее бледного лица приковывали внимание. Майлз уставился на свои короткие узловатые пальцы, чтобы не потерять взглядом в таинственной глубине ее глаз. Все еще. Всегда.

– Э-э... – Он огляделся и поймал на себе любопытные взгляды техников из-за соседнего столика. – Извините, ребята, это не про вас.

Майлз показал техникам на дверь, и они, ухмыльнувшись, забрали свое любопытство вместе с кофе и с громким топотом удалились.

– Что за секретное задание? – спросила Элен, вгрызаясь в сандвич.

– Секретное в квадрате – как для дендарийцев, так и для здешнего барраярского посольства. Но особенно для посольства. Ты должна выполнить курьерскую миссию. Я хочу, чтобы ты купила билет на самый быстрый коммерческий рейс на Тау Кита и доставила послание от лейтенанта Форкосигана в штаб-квартиру службы безопасности сектора, – он располагается в тамошнем посольстве. Мой командир здесь, на Земле, не знает, что я тебя посылаю, и я бы хотел, чтобы он никогда об этом не узнал.

– Мне... не слишком хочется иметь дело с барраярским военным командованием, – сдержанно проговорила Элен спустя минуту. О, она тоже разглядывает свои руки!

– Знаю. Но поскольку дело касается обоих моих «воплощений», послать я могу только тебя, База или Элли Куин. Элли арестовала лондонская полиция, а твоего мужа я послать не могу: какая-нибудь бестолковая пешка на Тау Кита может арестовать его.

Элен оторвалась от созерцания своих изящных ладоней.

– А почему с База так и не сняли обвинение в дезертирстве?

– Я пытался разузнать это на Барраяре. Пытался доказать там, как это глупо. Мне казалось, я их уже убедил. Но потом у Саймона Иллиана случился очередной приступ недоверчивости, и он решил не отменять ордер на арест, но и не требовать его немедленного исполнения, тем самым он получил дополнительный рычаг воздействия на База в... э-э-э... экстренном случае. И кроме всего прочего, это прибавляет особую достоверность легенде, что дендарийцы – совершенно независимая организация. Я уверен, что Иллиан не прав. Более того, я не раз говорил ему об этом, пока он не приказал мне однажды заткнуться раз и навсегда. Когда-нибудь, когда приказы буду отдавать я, положение исправится, Элен.

Она выгнула бровь:

– Это произойдет не очень скоро – с вашими темпами продвижения по службе, лейтенант.

– Ничего не поделаешь. Отец боится, как бы его не обвинили в nepотизме. – Майлз стиснул в руках запечатанный диск данных, которым бесцельно водил по столу. – Я хочу, чтобы ты передала это в руки главного военного атташе на Тау Кита, commodора Дестанга. Не отдавай его никому другому. Я подозреваю, что существует утечка в курьерской цепочке Барраяра, когда сведения посылаются отсюда туда. Мне кажется, проблема кроется здесь, но если я ошибаюсь... Надеюсь, что это не Дестанг!

– Паранойя? – сочувственно осведомилась Элен.

– Усиливающаяся с каждой минутой. И то, что в моей родословной значится император Ури Безумный, не улучшает ситуации. Меня все время тревожит, не заболеваю ли я его болезнью. Скажи, Элен, можно ли быть параноиком по поводу собственной паранойи?

Элен улыбнулась:

– Если это вообще возможно, то именно для тебя.

– Гм-м. Ну, данный случай паранойи просто классический. Я смягчил все это в письме Дестангу, думаю, тебе стоит просмотреть его перед отлетом. Интересно, что бы ты подумала о молодом офицере, которому кажется, что начальство пытается его прикончить?

Элен склонила голову набок, недоуменно глядя на Майлза.

– Вот именно, – кивнул он ей, постучав по диску указательным пальцем. – Цель твоей поездки – проверить гипотезу (только гипотезу, понятно?), почему мы не получили наши восемнадцать миллионов марок. Потому что они исчезли по пути? Или попали в карманы бесценного капитана Галени? Как бы там ни было, никакими фактами вроде внезапных отлучек Галени я на сей счет не располагаю, а с таким смехотворным обвинением молодому честолоубивому офицеру лучше держать язык за зубами. Я включил этот вариант событий в число еще четырех, но именно этот почему-то кажется мне наиболее убедительным. Итак, тебе следует выяснить, выслала ли штаб-квартира наши деньги.

– Ты что-то слишком взволнован. И голос у тебя странно печальный.

– Еще бы. Ведь это самый неприятный вариант. Но выглядит он слишком логичным, к сожалению.

– Почему «к сожалению»?

– Потому что Галени – комарец.

– Какая разница? Тем больше вероятности, что ты прав.

«Для меня разница есть». Майлз встряхнул головой. В конце концов, какое Элен дело до внутренней политики Барраяра: ведь она дала клятву навсегда забыть свою ненавистную родину.

Элен между тем, пожав плечами, поднялась и положила диск в карман.

Майлз не попытался коснуться ее руки. Он не сделал ни единого движения, которое могло поставить обоих в неловкое положение. Отпускать старых друзей труднее, чем новых возлюбленных.

«Ах, мои самые старые друзья».

Все еще. Всегда.

Глава 6

Вместо обеда Майлз закусил сэндвичем и отхлебнул кофе, склонившись над докладами о текущем положении дел дендарийского флота. Ремонт сохранившихся боевых катеров «Триумфа» был закончен. И – увы! – оплачен. Денег уже не вернуть. По всему флоту закончились работы по переоборудованию, все побывали в отпусках, все, что можно было надраить, – надраили. Флоту грозила скука. Скука и банкротство.

Цетагандийцы ошибались, с горечью понял Майлз. Дендарийцев погубит не война, а мир. Если враги просто сложат руки и будут терпеливо ждать, его детище, дендарийский флот, развалится сам собой, без всякого вмешательства со стороны.

Прозвенел звонок, очень кстати прервав мрачную и запутанную цепь его размышлений. Майлз включил комм:

– Я слушаю.

– Это Элли.

Он стремительно нажал кнопку дверного замка:

– Наконец-то! Ты вернулась раньше, чем я предполагал. Я боялся, ты застрянешь там, как Данио. Или даже хуже – вместе с Данио.

Он повернул кресло навстречу шороху открывающейся двери, и в комнате сразу стало светлее, хотя датчик освещенности сей странный факт не зарегистрировал. Приветственно взмахнув рукой, Элли устроилась на его столе. Она улыбалась, но глаза у нее были усталые.

– Я же говорила тебе, – начала она, – за меня нечего волноваться. По правде говоря, разговоры о том, чтобы оставить меня погостить подольше, были. Но я с такой готовностью отвечала на все их вопросы, была такой светской и благовоспитанной, пытаюсь убедить их, что не представляю никакой опасности для общества и меня смело можно выпустить на улицы, что они дрогнули, хотя и не сдались. Но вдруг их компьютеры выдали кое-что интересное. Лаборатория смогла идентифицировать тех двоих, кого я... убила в космопорте.

Майлз понял короткую паузу перед тем, как она выбрала это слово. Другой мог бы остановиться на небрежном «пристукнула» или «устранила», тем самым отстранившись от своего поступка. Но только не Элли.

– Видимо, результат оказался интересным, – рассудительно проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, без тени осуждения. Хорошо, если бы тени наших жертв сопровождали нас только в ад! Но нет, они вечно торчат у нас за спиной, всегда к нашим услугам. Может быть, зарубки, которые Данио делал на рукоятке своего оружия, вовсе не признак дурного вкуса. Наверняка большим грехом было бы забыть хоть одного убитого тобой. – Расскажи мне о них.

– Оказалось, оба хорошо известны Европолиции. Оба находились в розыске. Это были... как бы это сказать... солдаты теневой экономики, что ли. То есть профессиональные убийцы. Местные.

Майлз поморщился:

– Боже правый, им-то я чем не угодил?

– Сомневаюсь, что они напали на тебя по собственной инициативе. Это наверняка наемники, чьи услуги оплатил некто неизвестный, – но мы с достаточной степенью определенности можем догадаться, кто именно.

– Ох нет! Теперь уже цетагандийское посольство платит за то, чтоб меня прикончили? Правда, Галени обмолвился как-то, что у них нехватка персонала. Но, Элли! – Майлз встал из-за стола и взволнованно заходил по каюте. – Это значит, на меня могут напасть снова, где угодно, когда угодно. Совершенно незаинтересованные незнакомцы!

– Кошмар для службы безопасности, – согласилась она.

– Полиции, конечно, не удалось выяснить, кто оплачивал их услуги?

– Это было бы слишком большой удачей. Нет, пока не удалось. Я, разумеется, обратила их внимание на цетагандийцев. Теперь у них есть мотивировка, которую можно учесть в любом варианте треугольника «метод – мотив – возможность».

– Прекрасно. А мы не могли бы сами рассмотреть метод и возможность? Результат попытки свидетельствует, что эти двое не слишком хорошо подготовились к заданию.

– А на мой взгляд, их метод был ужасающе близок к тому, чтобы сработать, – глухо отозвалась Элли. – Однако он указывает на то, что убийцам просто не представилось лучшей возможности. Я хочу сказать, что адмирал Нейсмит не просто скрывается, когда ты спускаешься на Землю, – хотя и его затруднительно отыскать среди девяти миллиардов землян. Но он буквально перестает существовать: раз! – и нет. Говорят, эти парни несколько дней проторчали в космопорте, поджидая тебя.

Майлз застонал. Удовольствие от посещения Земли испорчено окончательно. Похоже, адмирал Нейсмит опасен не только для себя, но и для окружающих. На Земле слишком тесно. А если в следующий раз убийцы попытаются взорвать целый вагон подземки или ресторан, чтобы покончить с его персоной? Одно дело – идти в ад в сопровождении теней врагов, но если в следующий раз он окажется в обществе младшеклассников?

– О, между прочим, я видела рядового Данио, – добавила Элли, тщательно изучая сломанный ноготь. – Его дело будет рассматриваться в суде через пару дней, и он сказал мне, что рассчитывает на тебя.

Майлз тихо зарычал:

– Ну еще бы! Бешеное количество таинственных незнакомцев в поте лица пытается меня прикончить, а он ждет, чтобы я появился на публике в назначенный час! Несомненно, у них будет превосходный шанс попрактиковаться в стрельбе.

Усмехнувшись, Элли аккуратно откусила обломок ногтя.

– Он хочет, чтобы кто-то дал ему положительную характеристику.

– Положительную характеристику! Хотел бы я знать, где он прячет свою коллекцию скальпов: я бы принес их судье. Социопатотерапия придумана специально для таких, как он. Нет, нет! Не дай Бог, чтобы Данио характеризовал кто-то, кто его знает. – Майлз со вздохом замолчал. – Ну, отправь на суд капитана Торна. Он бетанец, космополит, сумеет убедительно солгать при даче показаний.

– Прекрасный выбор, – одобрила Элли. – Тебе давно пора передать другим часть своих обязанностей.

– Я их все время передаю, – возразил Майлз. – Ну разве мне не повезло, что я возложил на тебя обязанности по охране моей персоны?

Поморщившись, Элли взмахнула рукой, словно пытаясь отбить комплимент прежде, чем он приземлится. Неужели его слова кусаются?

– Я действовала слишком медленно.

– Ты действовала достаточно быстро.

Майлз стремительно повернул кресло, чтобы оказаться лицом к лицу с Элли – вернее, с ее шеей. Элли растянула воротник кителя, и черная футболка словно рассекла шею пополам: ниже – тело женщины, выше – изваянная из мрамора голова античной богини. В ноздри Майлза проник тонкий аромат – никаких духов, только запах теплой женской кожи.

– Думаю, ты был прав когда-то, – не глядя на него, заметила Элли. – Служащим не следует делать покупки в магазине, принадлежащем компании...

«Черт подери! – воскликнул про себя Майлз. – Я тогда сказал это только потому, что был без памяти влюблен в жену База Джезека. И вырвалось это у меня поневоле...»

– ...это действительно мешает выполнять долг. Я смотрела, как ты идешь к нам через космопорт, и на пару минут – решающих минут! – забыла о безопасности.

– А о чем ты думала? – неожиданно для себя выпалил Майлз. «Проснись, парень: следующие тридцать секунд могут решить твою жизнь».

Улыбка у Элли получилась вымученная, но она постаралась, чтобы ответ прозвучал легко:

– Я гадала, что ты сделал с тем глупым кошачьим одеялом.

– Оставил в посольстве. Я собирался захватить его с собой, – (и чего бы он сейчас ни дал, чтобы иметь возможность картинным жестом расстелить его и пригласить Элли присесть рядом!), – но меня кое-что задержало. Я еще не рассказал тебе о новом повороте дел с нашим финансированием. Подозреваю... – Проклятие, он опять о деле! Дела вмешиваются в самые чудесные минуты, те минуты, что могли бы стать интимными. – Я потом тебе расскажу. А сейчас поговорим о нас с тобой. Мне просто необходимо поговорить об этом.

Элли чуть отстранилась, и Майлз спешно поправился:

– ...и о долге.

Элли прекратила отступление. Правая рука Майлза прикоснулась к воротнику ее кителя, отвернула его, скользнула по гладкому и прохладному пластику нашивок. Такое же нервное движение, как тогда, когда снимаешь с собеседника невидимые ниточки. Майлз отдернул руку и стиснул ее у собственного горла.

– Видишь ли... У меня ужасно много обязанностей. В некотором смысле – двойная доза. Обязанности адмирала Нейсмита и обязанности лейтенанта Форкосигана. А еще обязанности лорда Форкосигана. Так что даже тройная.

Брови у Элли чуть приподнялись, губы скривившись, взгляд сделался невозмутимо-вопросительным. О да, божественное терпение: она будет ждать, пока он покажет себя полным идиотом. Мешать она не станет. И Майлз ринулся вперед.

– Ты знакома с обязанностями адмирала Нейсмита. Но, по правде говоря, они-то меня тревожат меньше всего. Адмирал Нейсмит – подчиненный лейтенанта Форкосигана. А лейтенант существует только для того, чтобы служить Имперской службе безопасности Барраяра, к которой причислен мудрым соизволением нашего императора. Или советников императора. Короче, моего отца. Ты ведь знаешь эту историю.

Элли кивнула.

– Эта дурацкая фраза – насчет отсутствия личных связей с членами экипажа – хороша для адмирала Нейсмита...

– Я потом подумала, не был ли тот... случай в лифтовой шахте проверкой, – задумчиво проговорила Элли.

Смысл ее слов дошел до Майлза не сразу, а когда дошел, он завопил:

– Ох нет! Это был бы жалкий, отвратительный, подлый трюк! Элли, как ты могла подумать такое! Проверка? Полная реальность!

– О! – отозвалась она, но почему-то не разуверила его с помощью жаркого объятия. Жаркое объятие пришлось бы сейчас очень кстати. Но Элли продолжала стоять неподвижно, глядя на Майлза, и поза ее неприятно напоминала стойку «смирно».

– Элли! Ты не должна забывать, что адмирал Нейсмит нереален. Это конструкт. Я его изобрел. И теперь, задним числом, вижу, что упустил нечто важное. Самое важное.

– О, глупости, Майлз. – Элли легко прикоснулась к его щеке. – Это что, эктоплазма?

– Давай вернемся к началу, к самому началу – к лорду Форкосигану, – отчаянно продолжал Майлз. Он откашлялся и с трудом перешел на барраярский выговор. – Ты почти не знакома с лордом Форкосиганом.

Она усмехнулась:

– Я уже слышала, как ты изображаешь этот... акцент. Он очарователен, хотя и неуместен сейчас.

– Это не я изображаю, а он изображает. То есть... по-моему... – Майлз замолчал, запутавшись, потом произнес очень серьезно: – Барраяр вошел в мою плоть и кровь. Барраяр и барраярцы.

Элли приподняла брови, но ироническое выражение лица смягчила теплота голоса.

– Насколько я понимаю, так оно и есть. Хотя тебе не за что благодарить их – ведь они отравили тебя даже прежде, чем ты родился.

– Они метили не в меня. Они метили в отца. Моя мать... – Если учесть, к чему он сейчас ведет, незачем останавливаться на всех покушениях, которые он претерпел за последние двадцать пять лет. – Да и вообще, такое сейчас почти не случается.

– А сегодня в космопорте – это был уличный балет? Да?

– Ну, Барраяр здесь, во всяком случае, ни при чем.

– Откуда ты знаешь? – мгновенно парировала Элли.

Майлз замер, разинув рот, ошеломленный новой и еще более жуткой версией событий. Если он правильно разгадал капитана Галени, тот человек тонкий. Капитан Галени вполне способен проследить цепочку его, Майлза, рассуждений. Предположим, Галени действительно присвоил себе эти деньги. И предположим, Галени предвидел подозрительность Майлза. И предположим, он нашел способ сохранить и деньги, и карьеру, устранив того, кто мог обвинить его в краже. В конце концов, Галени точно знал, когда именно Майлз появится в космопорте. Любой местный наемный убийца, к которому могли обратиться цетагандийцы, столь же доступен и барраярскому посольству.

– Об этом мы тоже поговорим... Позже, – с трудом выдавил Майлз.

– Почему не сейчас?

– Потому что я... – он заметил, что почти стонет, замолчал, глубоко вздохнул и договорил совсем тихо и напряженно: – пытаюсь сказать тебе о другом. Совсем о другом.

Воцарилось молчание. Первой нарушила его Элли:

– Ну что ж, говори!

– Так вот, мои обязанности. Так же как лейтенант Форкосиган ответственен за все, что делает адмирал Нейсмит, плюс еще за собственные поступки, так и лорд Форкосиган отвечает за все содеянное лейтенантом Форкосиганом, плюс его собственные обязанности. Политические обязанности, не совпадающие с обязанностями лейтенанта, гораздо более широкие. И... э-э... семейные обязанности.

У него вспотели ладони, и Майлз постарался незаметно вытереть их о брюки. Разговор оказался труднее, чем он думал. Но ведь не труднее же, чем для той, кому сожгли когда-то лицо, встретить сегодня плазменный огонь в космопорте. Встретить, защищая его.

– Ты говоришь о себе так, словно ты математическая теорема. «Множество множеств, которые являются собственными членами», или что-то в этом роде, – улыбнулась Элли.

– Я так себя и ощущаю, – признался Майлз. – Но мне нельзя терять ориентиры.

– А из чего же состоит лорд Форкосиган? – с любопытством спросила Элли. – Когда ты смотришься в зеркало, выходя из душа, кто смотрит на тебя оттуда? Ты не говоришь себе: «Привет, лорд Форкосиган»?

«Я стараюсь не смотреться в зеркало...»

– Наверное, Майлз. Просто Майлз.

– А что охватывает Майлза?

Он провел указательным пальцем правой руки по обездвиженной левой:

– Вот эта кожа охватывает Майлза.

– И это последняя, самая внешняя граница?

– Кажется, да.

– Боже, – прошептала Элли. – Я влюблена в человека, который уверен, что он луковица. Майлз засмеялся – он не смог удержаться от смеха даже сейчас. «Влюблена?!»

Сердце Майлза заколотилось.

– Знаешь, это все-таки лучше, чем было с одной моей прародительницей. Та думала, что она...

Нет, об этом тоже не следует упоминать.

Но Элли была любознательна и любопытна как никто. В конце концов поэтому он и определил ее в разведку.

– Что?.. – Элли затаила дыхание.

Майлз пробормотал:

– Пятая графиня Форкосиган периодически страдала от заблуждения, будто сделана из стекла.

– И что в конце концов с ней случилось? – зачарованно спросила Элли.

– Один из раздраженных родичей уронил ее. И разбил.

– У нее была такая жуткая мания?

– Нет, башня была слишком высокая. Не знаю, – нетерпеливо проговорил Майлз. – Я не виноват, что у меня такие чудные предки. Скорее наоборот. Определенно шиворот-навыворот. – Он опять сглотнул, понимая, что теряет нить. – Видишь ли, одна из невоенных обязанностей лорда Форкосигана заключается в том, чтобы рано или поздно, когда-то и где-то, найти будущую леди Форкосиган. Будущую одиннадцатую графиню Форкосиган. Видишь ли, именно в этом видят первейший долг мужчины в строго патриархальном обществе. Ты ведь знаешь... – Майлзу казалось, что горло у него забито ватой. Он начинал фразу с барраярским акцентом, потом, незаметно для себя, переходил на бетанский выговор: – ...мои физические проблемы, – его рука неопределенно коснулась макушки, указав на рост, вернее, отсутствие одного, – являются не врожденными, а благоприобретенными. Не имеют генетического характера. Дети у меня будут нормальными. Возможно, этот факт и спас мне жизнь в безжалостном к мутациям обществе Барраяра. Не думаю, что мой дед до конца верил в это, но я всегда жалел, что он не дожил до моих детей. – «Я мог бы ему доказать...»

– Майлз, – мягко прервала его Элли.

– Да? – взволнованно спросил он.

– Ты пошел вразнос. Что с тобой? Я могу слушать тебя часами, но мне беспокойно, когда ты выходишь на такой режим.

– Я нервничаю, – признался Майлз, ослепительно улыбнувшись ей.

– Запоздалая реакция на сегодняшнее? – Элли придвинулась к нему, желая успокоить. – Конечно, как я могла забыть.

Майлз осторожно завел руку за талию Элли.

– Нет, дело не в этом. Или только отчасти. Элли! Ты не хотела бы стать графиней Форкосиган?

Она усмехнулась:

– Сделанной из стекла? Спасибо, это не в моем вкусе. По правде говоря, твой титул сочетается лучше всего с черной кожей и хромированными заклепками. А я терпеть не могу и то, и другое.

Мысленно представив себе Элли в таком облачении, Майлз настолько увлекся, что ему понадобилась целая минута, чтобы сообразить, где именно его мысли свернули не туда.

– Давай я сформулирую это иначе, – произнес он. – Скажи, ты выйдешь за меня замуж?

На этот раз молчание длилось дольше.

– Я думала, ты ведешь к тому, чтобы предложить мне с тобой переспать, – протянула наконец Элли. – И мне было смешно, с чего ты так нервничаешь.

Ага, ей уже не смешно.

– Нет, – ответил Майлз. – Это было бы самое простое.

– У тебя скромные запросы, дружок. Всего лишь полностью перестроить мою жизнь.

– Хорошо, что ты поняла меня. Это не просто брак. Это целая система обязанностей и необходимостей.

– На Барраяре. На планете.

– Да. Хотя, конечно, мы будем ездить с тобой всюду, куда ты захочешь.

Элли долго, недопустимо долго молчала, а потом произнесла:

– Я родилась в космосе. Выросла на дальней пересадочной станции. Почти всю жизнь работала на кораблях. Время, проведенное на земле, в грязи, могу измерить месяцами.

– Да, для тебя это было бы настоящим потрясением, – без энтузиазма признал Майлз.

– А как же будущая адмирал Куин, командующая свободными наемниками?

– Будем надеяться, что работа леди Форкосиган покажется ей не менее интересной.

– Да, но работа леди Форкосиган не требует командования кораблем.

– Такой риск ужасает даже меня. Мать бросила службу, а она была командиром корабля в Бетанском астроэкспедиционном корпусе и прилетела на Барраяр.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе нужна девушка, похожая на твою мамочку?

– Она должна быть умной, она должна быть быстрой, уметь выжить, – без энтузиазма объяснил Майлз. – В противном случае наш брак будет закланием невинных. Может, жертвой станет она. Может, наши с ней дети. Как тебе известно, личная охрана не всесильна.

Элли беззвучно присвистнула, и Майлза потряс контраст между страдающими глазами и улыбающимися губами его личного телохранителя.

«Я не хотел причинить тебе боль. Самое большее, что я только мог предложить тебе, не должно было причинить боль. Неужели я предложил слишком мало? Или слишком много? Или... слишком страшно?»

– Ах, Майлз, – перевела дыхание Элли. – Ты ни о чем не подумал.

– Я очень хорошо о тебе думаю.

– И поэтому ты хочешь, чтобы я провела всю жизнь на какой-то – извини – захолустной планетке, которая только-только вылезла из феодализма, где к женщинам относятся как к безделушкам или животным, где мне придется забыть все мои навыки, которые я приобрела за последние двенадцать лет, – начиная с умения состыковать катер и кончая психохимией?.. Извини. Я не антрополог, не святая и не сумасшедшая.

– Тебе не надо отказывать мне прямо сейчас, – чуть слышно сказал Майлз.

– Нет, надо, – резко ответила Элли. – Пока я еще не совсем потеряла голову.

«И что мне сказать на это? – спросил себя Майлз. – Если бы ты меня по-настоящему любила, ты была бы счастлива пожертвовать ради меня всем на свете, включая собственную жизнь? О, ну еще бы. Только Элли не из тех, кто жертвует. В этом ее сила, и именно ее сила заставляет меня желать ее, так что мы оба в замкнутом круге».

– Значит, дело в Барраяре?

– Конечно. Какая женщина, будучи в здравом рассудке, по своей воле переселится на эту планету? Я, конечно, не имею в виду твою мать.

– Мать – необыкновенная женщина. Когда столкнулись она и Барраяр, измениться пришлось планете. Я это видел. Ты тоже стала бы источником перемен.

Но Элли покачала головой:

– Я знаю, на что способна, а на что не способна.

– Никто этого не знает, пока не дойдет до дела.

Элли пристально посмотрела на него:

– Естественно, что ты так считаешь. Но скажи мне – что для тебя Барраяр? Ты позволяешь им распоряжаться тобой, словно... Я никогда не могла понять, что тебе мешает взять дендарийцев и улететь куда глаза глядят. У тебя бы это получилось лучше, чем у Оссера и даже чем у Танга. А к концу жизни ты был бы уже императором собственной планеты.

– И ты была бы со мной? – Майлз как-то странно улыбнулся. – Ты серьезно предлагаешь взяться за покорение галактики с пятью тысячами дендарийцев?

Элли вскинула голову:

– По крайней мере мне не пришлось бы отказываться от мечты когда-нибудь командовать флотом. Впрочем, шутки в сторону. Если ты профессиональный военный, для чего тебе Барраяр? Флот наемников воюет в десять раз больше, чем флот любой планеты. А на шарике из грязи война случается раз в полвека, да и то в лучшем случае...

– Или в худшем, – вставил Майлз.

– ...тогда как флот наемников следует за ней шаг в шаг.

– Высшее командование Барраяра тоже заметило этот статистический факт. И это одна из главных причин, почему я здесь. За последние четыре года я приобрел большой боевой опыт, чем другие имперские офицеры за четырнадцать лет. Непотизм иногда проявляется очень странно. – Майлз провел пальцем по красивой линии щеки Элли. – Теперь я понял. Ты влюблена в адмирала Нейсмита.

– Конечно.

– А не в лорда Форкосигана.

– Лорд Форкосиган меня раздражает. Он умаляет тебя, милый.

Майлз оставил эту шпильку без ответа. Значит, пропасть, разделяющая их, даже глубже, чем он думал. Для нее нереален лорд Форкосиган. Он переплел пальцы за шеей Элли и вдохнул ее дыхание, когда она спросила:

– Почему ты позволяешь Барраяру так с тобой обращаться?

– Такие карты мне сдали.

– Кто? Я не понимаю.

– Не важно. Просто мне почему-то очень важно выиграть именно с теми картами, которые мне сданы. Значит, так тому и быть.

– Тебе же хуже. – Ее губы глухо произнесли эти слова у самого его рта.

– Угу.

Она на секунду отстранилась:

– А мне все равно можно спать с тобой? Потихоньку, конечно. Ты не разозлился, что я отвергла тебя? То есть не тебя, совсем не тебя – Барраяра.

«Я начинаю к этому привыкать. Уже почти не больно...»

– Мне положено надуться? – улыбнулся Майлз. – Раз нельзя получить все, я не возьму ничего и удалюсь, гордый и одинокий? Ох и врезала бы ты мне, если бы я свалил такого дурака! Верно ведь?

Элли расхохоталась. Ну, если он может заставить ее смеяться, не все потеряно. Если ей нужен Нейсмит, она его получит. Полумера для получеловека. Они подались к кровати, жадно целуясь. С Куин все было просто – она знала, чего хочет и как этого добиться.

Постельный разговор с Элли оказался одновременно и сверхделовым. Майлза это не удивило. Наряду с расслабляющим массажем, превратившим его в жидкость, которая того и гляди выльется из постели и соберется лужицей на полу, он получил подробный отчет о работе лондонской полиции и о том, что им удалось выяснить. В свою очередь Майлз посвятил Элли в последние события в посольстве и рассказал ей о поручении, с которым отправил Элен Ботари-Джезек. Надо же! Все эти годы он считал, что отчет надо проводить в сугубо деловой обстановке! И вдруг случайно открыл совершенно неизведанный мир альтернативного стиля командования. Похоже, наслаждение куда продуктивнее профессиональной собранности.

– Еще десять дней! – пожаловался Майлз, уткнувшись лицом в подушку. – Раньше Элен с Тау Кита не вернется. И никакой гарантии, что она привезет наши деньги. Особенно если их

уже один раз отправили. А тем временем дендарийский флот беспечно болтается на орбите. Элли, знаешь, что нам нужно?

– Контракт.

– Совершенно верно. Мы и раньше заключали контракты на стороне, несмотря на то что баррарская служба безопасности нас содержит. Им это даже нравилось: не так страдает бюджет. В конце концов, чем меньше налогов они берут с крестьян, тем спокойнее в подвормованном им государстве. Удивительно, как это служба безопасности не попыталась превратить дендарийцев в источник доходов. Я бы еще месяц назад отправил людей на поиски задания, не застрянь мы из-за всей этой заварухи в посольстве на околоземной орбите.

– Жаль, что нашему флоту нечего делать здесь, на Земле, – вздохнула Элли. – К сожалению, на этой планете царит мир, и только мир.

Ее пальцы расслабляли ему икроножные мышцы, волокно за волокном. Майлз гадал про себя, сможет ли убедить ее приняться за стопы. Когда-то ведь он разминал ей стопы – правда, небескорыстно. О радость, ему не понадобилось даже убеждать ее!.. От наслаждения Майлз задрыгал ногами. Он и не думал, что пальцы ног так чувствительны к ласкам, пока Элли ему это не продемонстрировала. По правде говоря, никогда еще Майлз не был так доволен своим телом, буквально исходящим от наслаждения.

– У меня в мыслях затор, – вдруг объявил он. – В чем-то я ошибаюсь. Посмотрим. Дендарийский флот к посольству не привязан, хотя сам я привязан. Я мог бы вас всех отсюда отправить...

Элли издала странный звук, нечто вроде короткого стога. Майлз был настолько поражен, что, рискуя вывихнуть шею, взглянул на нее через плечо.

– Да у меня просто мозговая атака, – сконфуженно извинился он.

– Ну так не останавливайся!

– Да... И к тому же из-за этой заварушки в посольстве мне вовсе не хочется остаться без моего флота, без всякой защиты. Что-то... что-то там происходит непонятное. Значит, сидеть на месте и ждать, пока посольство мне заплатит, – это верх идиотизма. Так. Надо обдумывать одну проблему, а не сто сразу. Дендарийцы. Деньги. Разовые мероприятия... Эй!

– Да?

– А где говорится, что я должен дать задание всему флоту? Работа. Разовые мероприятия... Временный доход. Разделяй и властвуй! Личная охрана, компьютерщики – все, что может принести нам хоть какой-то доход...

– Ограбление банков? – подсказала Элли с растущим интересом.

– И ты утверждаешь, что полиция взяла и так вот, за здорово живешь, отпустила тебя? Ох, зря она поспешила. Но у нас и в самом деле есть потенциальная рабочая сила в виде пяти тысяч хорошо и всесторонне обученных людей. Наверняка это еще лучший источник дохода, чем «Триумф». Поручать другим свои дела! Пусть они рассеются кто куда и найдут способ заработать эти чертовы деньги!

Элли, усевшаяся по-турецки в ногах Майлза, огорченно заметила:

– Я целый час тружусь, чтобы помочь тебе расслабиться, – и вот результат! Похоже, быть на взводе – твое естественное состояние. Ты сжался, как пружина, прямо у меня на глазах... Куда ты?

– Осуществлять свою идею, куда ж еще?

– Большинство людей в этот момент засыпает...

Зевая, она помогла ему разобраться в одежде, разбросанной по всей каюте. Черные футболки оказались почти одинаковыми. Футболку Элли можно было отличить по слабому запаху ее тела – Майлз чуть было не оставил ее себе, но потом решил, что влечение к нижнему белью подруги характеризует его не с лучшей стороны.

Их соглашение не было облечено в слова, но оно существовало. И эта сторона их взаимоотношений должна скромно прятаться за дверью каюты, иначе им не справиться с глупым запретом адмирала Нейсмита.

Когда Майлз с новым контрактом в руках проводил совещание штаба, ему всегда казалось, что у него двоится в глазах. Он остро ощущал обе свои половины, стараясь стать таким окном между дендарийцами и их истинным нанимателем – императором Барраяра, через которое можно смотреть только в одну сторону. Это неприятное ощущение обычно рассеивалось без труда, по мере того как он сосредотачивался на выполнении той или иной задачи, перемещая свою личность. В такие моменты адмирал Нейсмит занимал почти все существо Майлза. Принимая во внимание напористый характер адмирала, нельзя было сказать даже, что Майлз расслаблялся, – он просто переставал испытывать неловкость.

Сейчас он провел с дендарийцами невиданно долгий срок – пять месяцев кряду, и внезапное появление в его жизни лейтенанта Форкосигана оказалось совершенно неуместным. Конечно, барраярская сторона тут была совершенно ни при чем. Майлз всегда рассчитывал на то, что структура барраярского командования надежна, как скала. Это была аксиома, на которой основывались все последующие действия, мера успеха или провала любого задания. На этот раз все повернулось с ног на голову.

На этот раз он стоял в штабной каюте «Триумфа» перед спешно собранными главами подразделений и командирами кораблей, испытывая нечто вроде столбняка. Что он им скажет? «Выпутывайтесь сами, олухи!...»

– Какое-то время задания мы не получим, – начал адмирал Нейсмит, появляясь из той пещеры в мозгу Майлза, где он обитал, и лорд Форкосиган тут же исчез, сбежал. Ставшее наконец всеобщим достоянием известие, что плата задерживается, как и следовало ожидать, вызвало взрыв неудовольствия. Гораздо больше Майлза озадачила мгновенная сосредоточенность дендарийцев, когда он сказал им, зловеще понизив голос, что лично занимается расследованием этого вопроса. Это хотя бы объясняло его долгие отлучки, приходившиеся на те дни недели, когда он скармливал данные компьютерам в барраярском посольстве. «Господи, – мысленно воскликнул Майлз, – похоже, я могу продать моим людям даже кота в мешке!»

А когда он сформулировал задачу – зарабатывать самостоятельно, – они выдали целую лавину идей. И Майлз предоставил им свободу действий. В конце концов, командирское звено дендарийцев славилось находчивостью – иначе им просто не удержаться на своих постах. Майлзу казалось, что собственные мозги высохли напрочь. Он надеялся только, что подсознание все-таки еще работает. В самом деле, для маразма еще рановато.

Майлз спал один – и спал плохо, а проснулся совсем разбитым. Рассмотрев несколько рутинных вопросов внутренней жизни флота, он дал «добро» семи наименее сумасшедшим идеям заработать деньги, которые за ночь сформулировали его люди. Один офицер даже принес контракт для отряда в двадцать охранников – не важно, что они нужны были всего лишь для торжественного открытия торгового центра... и где, к дьяволу, находится этот Цзянь?

Майлз тщательно оделся – серый бархатный мундир с серебряными пуговицами и брюки с ослепительно-белыми лампасами, натянул блестящие сапоги – и отправился с лейтенантом Боун на планету, в лондонский банк. Элли Куин дала ему двух самых рослых охранников в военной форме и невидимое сопровождение в гражданском со сканерами.

В банке адмирал Нейсмит, на удивление лощеный и обходительный, если учесть его химеричность, передал весьма спорные права на военный корабль, который ему не принадлежал, финансовой организации, которой этот корабль был совершенно не нужен. Но, как напомнила ему лейтенант Боун, по крайней мере деньги были настоящие. Вместо немедленной катастрофы, которая должна была разразиться ровно в полдень (по расчетам лейтенанта Боун,

именно в этот момент дендарийские карточки должны были превратиться в пустой звук), их ждет полный крах в неопределенном будущем. Ура!

Приближаясь к барраярскому посольству, Майлз отпустил всех охранников, задержав одну Элли. Они остановились перед дверью в подземном вспомогательном туннеле, на которой красовалась табличка «Осторожно: яд. Вход только для персонала».

– Сейчас мы уже в поле действия сканеров, – заметил Майлз.

Элли поднесла палец к губам и задумчиво проговорила:

– А вдруг ты войдешь в эту дверь и узнаешь, что тебе приказано срочно отправляться на Барраяр? И я тебя еще год не увижу... Или вообще никогда.

– Я не стану подчиняться... – начал Майлз, но Элли приложила палец к его губам, передавая поцелуй и прервав очередную его глупость. – Я буду поддерживать с вами связь, командер Куин.

Выпрямившаяся спина, чуть заметный ироничный кивок, импровизация на тему салюта – и Элли исчезла. Майлз вздохнул, прикладывая ладонь к внушающему страх дверному замку.

За второй дверью, в комнатке охранника, сидящего за комм-пультом, его уже дожидался Айвен Форпатрил. Переминаясь с ноги на ногу и напряженно улыбаясь. Господи, что еще? Глупо надеяться, что ему просто надо облегчиться.

– Рад, что ты вернулся, Майлз, – бодро начал Айвен. – Точно в срок.

– Не хотел злоупотреблять расположением начальства: оно может мне пригодиться. Я и без того удивляюсь, как это Галени не заставил меня вернуться тотчас после недоразумения в космопорте...

– Ну, на это у него была причина, – загадочно ответил Айвен.

– О? – отозвался Майлз, стараясь говорить как можно беззаботнее.

– Капитан Галени ушел вчера из посольства – примерно через полчаса после тебя. С тех пор его никто не видел.

Глава 7

Посол провел их с Айвеном в запертый кабинет Галени. Он скрывал свое напряжение лучше, чем Айвен, только негромко заметил:

– Если что-то обнаружите, дайте мне знать. Может быть, указания на то, что придется уведомить местные власти о случившемся.

Значит, посол, который уже несколько лет знаком с Дувом Галени, тоже видит несколько вариантов. Неоднозначный и непростой человек, этот их пропавший капитан.

Айвен уселся за комм-пульт и пересмотрел несколько текущих дел, пытаясь отыскать последние записи, а Майлз бродил вокруг, стараясь отыскать... что? Послание, записанное кровью где-то на уровне его колена? Волокно инопланетного растения на ковре? Приглашение на надушенной бумаге? Любая находка была бы лучше полного отсутствия улики, которое он здесь обнаружил.

Айвен поднял руки:

– Ничего, кроме обычных записей!

– А ну вали отсюда! – Майлз подергал спинку вращающегося кресла Галени, чтобы побыстрее согнать кузена, и устроился на его месте. – Меня жутко интересуют частные финансы капитана Галени. Сейчас самое время выяснить этот вопрос.

– Майлз, – с трепетом начал Айвен, – разве это прилично?

– У тебя повадки настоящего джентльмена, Айвен, – усмехнулся Майлз, сосредоточенно пытаясь взломать закодированные файлы. – И как это тебя занесло в службу безопасности?

– Не знаю, – честно признался Айвен. – Я просто хотел летать.

– Разве мы все этого не хотели? – рассеянно произнес Майлз в тот момент, когда на экране наконец-то начали появляться данные. – До чего мне нравятся эти земные универсальные кредитные карточки! Такие откровенные.

– Бога ради, что ты рассчитываешь найти на расчетном счете Галени?

– Для начала, – пробормотал Майлз, постукивая по клавиатуре, – проверим общие результаты за последние несколько месяцев и посмотрим, не превышают ли его расходы доходов.

На этот вопрос ответ был получен спустя мгновение, и Майлз разочарованно нахмурился. Доходы и расходы совпадали, в конце месяца на счете Галени еще оставалось немного денег. Но накопления были весьма скромными. Если у Галени и были денежные затруднения, у него хватило ума не оставить после себя ни малейшей улики. Майлз принялся за список приобретений капитана.

Айвен беспокойно заерзал:

– А теперь ты что ищешь?

– Тайные пороки.

– И как ты это сделаешь?

– Очень просто. Например, сравню расходы Галени с твоими за тот же трехмесячный период.

Майлз разделил экран пополам и вызвал на вторую половину данные кузена.

– А почему бы не сравнить их с твоими? – спросил разобиженный Айвен.

Майлз улыбнулся алчной улыбкой настоящего ученого червя:

– Я пробыл слишком недолго, чтобы служить базой для сравнения. Ты послужишь гораздо более наглядной моделью. Например... Ну-ну! Вы только посмотрите! Кружевная ночная рубашка! Вот это вещь! Знаешь, Айвен, уставом они не предусмотрены.

– Это тебя не касается, – надулся Айвен.

– Вот именно! – не унимался Майлз. – У тебя нет сестры, и твоя мать таких не носит. Такая покупка подразумевает, что либо ты обзавелся девушкой, либо ты транссексуал.

– Обрати внимание – рубашка не моего размера, – с достоинством произнес Айвен.

– Да, тебе она коротковата. Значит, у тебя изящная подружка, которую ты знаешь настолько хорошо, что можешь дарить ей предметы туалета. Видишь, сколько я уже про тебя знаю. И все благодаря одной покупке. Кстати, это, случайно, не Сильвет?

– Мне казалось, ты проверяешь Галени, – строго напомнил Айвен.

– Да, ты прав. Так что за подарки покупает Галени? – Майлз вызвал перечень покупок. На его изучение ушло до обидного мало времени: таким коротким он оказался.

– Вино. – Айвен недоуменно глядел на экран. – Пиво.

Майлз проверил вторую половину экрана:

– Примерно треть того, что выпил за тот же период ты. Зато Галени покупает книги на дисках в отношении тридцать пять к... двум, Айвен?

Кузен насупился.

Майлз вздохнул.

– Девушек не видно. И юношей тоже... Я не думаю, а?... Ты ведь работал с ним целый год.

– Угу, – понимающе отозвался Айвен. – Я встречал пару таких, но они умеют дать тебе это почувствовать. По-моему, в этом отношении Галени чист как стеклышко.

Майлз взглянул на благородный профиль кузена. Да, наверное, с Айвеном заигрывают представители обоих полов. Можно вычеркнуть еще одно предположение.

– Он что – монах? – бормотал Майлз, просматривая записи. – Не андроид, судя по музыке, книгам и пиву, но... ужасно неуловимый.

Раздраженно постучав по клавиатуре, он закрыл файл и, мгновение подумав, вызвал личное дело Галени.

– Ого! А вот это действительно необычно. Айвен, ты знал, что капитан Галени, прежде чем поступить на имперскую службу, защитил докторскую по истории?

– Нет. Он никогда об этом не упоминал...

Айвен уже не отводил глаз от экрана: любопытство наконец взяло верх над повадками истинного джентльмена.

– Диплом доктора новейшей истории и политологии, выданный Императорским университетом Форбарр-Султана. А это что? Господи, взгляни на даты! В возрасте двадцати шести лет доктор Дув Галени променял новехонькое место преподавателя Белгрейвского колледжа на Барраяре, чтобы поступить в Императорскую военную академию вместе с восемнадцатилетними юнцами! На жалкую стипендию кадета.

Что-то здесь не вяжется с образом человека, для которого деньги – превыше всего...

– Угу, – отозвался Айвен. – Галени был выпускником, когда мы с тобой сдавали вступительные экзамены. Он окончил академию на два года раньше нас. И уже капитан!

– Видимо, он был одним из первых комаррцев, которым разрешили поступить на военную службу. Буквально в первые недели после указа. Он быстро продвинулся. Дополнительное обучение – языки, анализ информации, затем место в имперской штаб-квартире, а потом это завидное назначение на Землю. Похоже, наш Дуви ходит в любимчиках.

Теперь Майлз понимал, почему это случилось. Блестящий, высокообразованный, либеральный офицер, Галени служил ходячей рекламой нового порядка вещей. Пример. Майлзу прекрасно известно, каково это – быть примером. Он медленно втянул воздух сквозь сжатые зубы.

– Ну что? – не выдержал Айвен.

– Я начинаю бояться.

– Почему?

– Потому что все происходящее окрашивается в политические тона. А тот, кто не испытывает тревоги, когда нечто барраярское начинает отдавать политикой, не знает... истории. – Последнее слово Майлз произнес с иронически растянутым шипящим звуком и сгорбился в кресле. Мгновение спустя он снова принялся за файл с личным делом, продолжая поиски: – Первый... сюрприз...

– А?

Майлз указал на экран:

– Запечатанный файл. Эту часть не может читать никто, кроме офицера в ранге имперского штабиста.

– Значит, мы с тобой не можем.

– Вздор.

– Майлз!.. – простонал Айвен.

– Ты меня не так понял. Я не намерен делать ничего предвзятого, – успокоил его Майлз. – Пока. Иди приведи посла.

Явившись, посол поставил стул рядом с Майлзом.

– Да, у меня действительно есть код доступа на случай непредвиденных обстоятельств, – подтвердил он. – Однако под непредвиденными обстоятельствами подразумевалось нечто вроде войны.

Майлз прикусил указательный палец:

– Вы работаете с капитаном Галени уже два года. Каково ваше впечатление?

– Как от офицера или как от человека?

– И то, и другое.

– Очень ответственный исполнитель. Его образование...

– О, вы о нем знали?

– Конечно. Именно поэтому он так подошел для работы на Земле. Прекрасно знает свое дело, непринужденно чувствует себя в обществе, блестяще ведет разговор. До него эту должность занимал человек старой школы, типичный службист Безопасности. Компетентный, но бесцветный. Почти... гм!.. зануда. Галени выполняет те же обязанности, но более артистично, более непринужденно. Непринужденная безопасность – это невидимая безопасность. Невидимая безопасность не беспокоит моих дипломатических гостей, и моя работа идет намного легче. Прежде всего это касается... э-э... сбора информации. Как старший офицер я чрезвычайно доволен Галени.

– А его человеческие слабости, недостатки?

– «Недостатки» – это, пожалуй, сильно сказано, лейтенант Форкосиган. Галени слишком вышколенный, что ли. Мне в нем это нравилось. Но не могу не заметить, что в разговоре он узнает о вас гораздо больше, чем вы – о нем.

– Ха!

До чего дипломатично выражено! Вспоминая свои столкновения с пропавшим, Майлз признал, что суждение это абсолютно точное.

Посол нахмурился.

– Вы думаете, в этом файле может оказаться что-то проливающее свет на его исчезновение?

Майлз пожал плечами:

– Других источников у нас попросту нет.

– Мне не хотелось бы...

И посол замолчал, разглядывая строгие запреты на вход в файл, появившиеся на экране.

– Давайте подождем еще, – предложил Айвен. – А вдруг Галени просто нашел себе подружку? Это должно успокоить тебя, Майлз, и рассеять некоторые твои подозрения. Мне кажется, ты должен порадоваться за него. Сам-то Галени не слишком обрадуется, вернувшись

из первой за столько времени ночной отлучки и обнаружив, что мы вывернули наизнанку его файлы.

Майлз узнал распевные интонации, которые всегда использовал Айвен, прикидываясь дурачком и умаляя значение происходящего. Уловка острого, но ленивого ума, предпочитающего, чтобы другие работали за него. Молодец, Айвен.

– Когда ты отлучаешься на ночь, разве ты не сообщал, где тебя искать и когда ты вернешься? – спросил Майлз.

– Ну... Да.

– И возвращаешься ты вовремя?

– Мне случалось пару раз проспать, – честно признался Айвен.

– И что происходит в этом случае?

– Меня находят. «Доброе утро, лейтенант Форпатрил, мы будим вас по вашей просьбе». – В тоне Айвена явственно слышались сардонические интонации Галени. Несомненно, это прямая цитата.

– Как ты думаешь, Галени из тех, кто считает правила обязательными только для подчиненных?

– Нет! – воскликнули в один голос Айвен и посол, искоса поглядывая друг на друга.

Майлз сделал глубокий вдох, вздернул подбородок и ткнул пальцем в сторону экрана:

– Вскрывайте файл.

Посол поджал губы, но послушался.

– Будь я проклят! – потрясенно прошептал Айвен, пробежав несколько абзацев. Майлз пробился к экрану и начал считывать текст. Файл оказался чудовищно длинным – вот наконец и она, личная история капитана Галени.

При рождении он получил имя Дэвид Гален. Он был из тех самых Галенов, владельцев Галеновского орбитального торгового картеля, одной из самых влиятельных семей олигархии, которая правила Комаррой, усевшись на ее важнейших п-в-переходах, как древние бароны Рейна. Именно п-в-туннели обогащали Комарру: оттуда лились энергия и богатство, воздвигавшие роскошные купола ее городов. Оттуда, а не благодаря кропотливому труду на скудной, неплодородной почве планеты.

Майлз мысленно слышал голос отца, перечислявшего, загибая пальцы, факторы, которые сделали завоевание Комарры классической кампанией адмирала Форкосигана.

«Немногочисленное население, сосредоточенное в городах с управляемым климатом, – партизанам некуда отступить для подготовки нового наступления. Отсутствие союзников: нам достаточно было дать знать, что мы снизим двадцатипятипроцентный налог на все, что провозилось через их пространство, до пятнадцати процентов, и соседи Комарры оказались у нас в руках. Комаррцы даже не хотели сами сражаться, пока их наемники не поняли, с кем имеют дело, и не бежали...»

Конечно, основная причина нападения, которая не упоминалась, была совершенно иной. Она заключалась в грехах комаррских отцов предыдущего поколения, которые, получив взятку от цетагандийцев, пропустили их флот к нищему, полуфеодальному Барраяру. Завоевание третьей степенной планеты оказалось не быстрым, не легким и даже не завоеванием: через двадцать лет, оставив за собой реки крови, цетагандийцы отступили тем же путем, каким и пришли, – через «нейтральную» Комарру.

Может, барраярцы и были отсталой нацией, но никто не мог упрекнуть их в том, что они учатся медленно. Среди представителей поколения деда Майлза, которые пришли к власти в суровые времена цетагандийской оккупации, росла решимость не допустить повторения подобного. На долю поколения отца Майлза выпала задача воплотить эту одержимость, получив полный контроль над п-в-туннелем между Барраяром и Комаррой.

Основополагающей целью вторжения барраярского флота, его молниеносного нападения и тонких стратегических маневров был захват высокодоходной комаррской экономики с минимальным ущербом для нее. Во славу императора должно было покорить планету, а не мстить ей. Адмирал лорд Эйрел Форкосиган, командующий имперским флотом, считал, что внедрил это в общественное сознание достаточно глубоко.

Комаррская олигархия, состоящая из весьма гибких личностей, посредников, знающих, что такое компромисс и уступки, без труда поняла намерения лорда Форкосигана, и он максимально облегчил капитуляцию. Были даны всевозможные обещания и гарантии. Подчиненное существование и урезанный доход все же оставались существованием и доходом, смягченными надеждой на быстрое восстановление статус-кво. Благополучие Комарры было наилучшим во всех отношениях отмычкой планете.

Но потом произошла Солстисская бойня.

Слишком рьяный подчиненный, рычал адмирал Форкосиган. Тайный приказ, кричали уцелевшие члены семейств двухсот комаррских советников, расстрелянных на стадионе силами Барраярской безопасности. Истину знали только погибшие, только жертвы. Майлз сомневался, что на нее наткнется кто-нибудь еще, какой-нибудь историк. Только адмирал Форкосиган и командующий силами Безопасности знали все, но адмиралу Форкосигану не верили, а командующий силами Безопасности был убит адмиралом Форкосиганом без суда и следствия. Была ли казнь справедливым возмездием или глава Барраярской безопасности распрощался с жизнью, чтобы никто не узнал правды, – каждый выбирал суждение, руководствуясь собственными предпочтениями.

Впрочем, Майлз не склонен был сильно переживать из-за Солстисской бойни. В конце концов, атомная бомба цетагандийцев уничтожила целый город Форкосиган-Вашнуй, погубив не сотни, а тысячи, и никто не устраивал по этому поводу демонстраций. Но почему-то именно Бойня захватила досужие умы, и к имени Форкосигана прибавилось прозвище Мясник, а честь его оказалась запятнанной.

Вот почему это историческое событие приобрело столь личностную окраску. Тридцать лет назад... Майлз тогда еще не родился. Дэвиду Галену исполнилось четыре года в тот самый день, когда его тетка, советник Комарры Ребекка Гален, погибла на стадионе в покрытом куполом городе Солтис.

Высшее командование Барраяра обсуждало принятие Дува Галени на имперскую службу не день и не два.

«...Я не могу одобрить такой выбор, – писал шеф Имперской службы безопасности Иллиан в частной записке премьер-министру графу Эйрелу Форкосигану. – Я подозреваю, что вы поступаете с этим человеком по-рыцарски вследствие чувства вины. А чувство вины – роскошь, которую вы не вправе себе позволить. Если у вас появилось тайное желание получить пулю в спину, пожалуйста, дайте мне знать за сутки, чтобы я успел подать в отставку. Саймон».

Ответный меморандум был написан от руки, вернее, нацарапан неловкой рукой человека, для которого все пишущие принадлежности были слишком мелкими. Почерк был до боли знаком Майлзу:

«...Чувство вины? Возможно. Я немного прогулялся по тому стадиону вскоре после случившегося, пока еще не высохли лужи крови. Они были похожи на желе. Некоторые детали никогда не забываются. Но особенно хорошо запомнил я Ребекку Гален – из-за того, как она была убита. Она была из тех, кто умер, стоя лицом к убийцам. Сильно сомневаюсь, чтобы Дув Галени представлял опасность для моей спины.

Участие его отца в последней заварухе с Соппротивлением тревожит меня еще меньше. Мальчик изменил свое имя на барраярский лад не только ради нас.

Но если нам удастся приобрести верность такого человека, это сделает возможным нечто из того, что я с самого начала планировал в отношении Комарры. Конечно, это произойдет

поколением позже и после долгого и кровавого обходного пути, но, раз уж ты воспользовался теологической терминологией, это будет в какой-то степени искуплением. Конечно, у Галени куча политических амбиций, но осмелюсь предположить, что они гораздо более сложны и конструктивны, чем элементарное убийство.

Занеси его снова в список, Саймон, и больше не вычеркивай. Этот вопрос меня утомил, и я не хочу к нему возвращаться. Разреши ему участвовать в забеге и продемонстрировать свои способности – если сможет».

Дальше стояла привычная закорючка вместо подписи.

– Самое неприятное, – произнес Майлз, нарушив наконец молчание, стоявшее в комнате последние полчаса, – что, как это все ни интересно, область догадок не сузилась. Наоборот, стала шире, черт ее подери.

И это ничуть не опровергает его основную теорию относительно присвоения капитаном Галени дендарийских денег. Наоборот, она становилась еще убедительнее. А картина покушения в космопорте приобретала новые, крайне мрачные оттенки.

– Не исключено, – вставил Айвен Форпатрил, – что Галени стал жертвой обычного несчастного случая.

Посол тяжело поднялся, качая головой.

– В высшей степени странно. Я бы сказал даже – двусмысленно. Безопасность правильно сделала, закрыв эту часть дела. Карьера Галени могла быть испорчена в одно мгновение. Думаю, лейтенант Форпатрил, вам следует сделать следующий шаг и сообщить местным властям об исчезновении этого человека. Запечатайте файл, Форкосиган. – Посол вышел из комнаты.

Айвен вышел следом.

Но, прежде чем отключить пульт, Майлз вывел на экран документы, имевшие отношение к отцу Галени. После того как его сестра была убита в Солтисской бойне, Гален-старший стал вождем подпольного движения на Комарре. Те деньги, что барраярское завоевание оставило когда-то могущественному семейству, окончательно испарились к моменту Восстания, прошедшего шесть лет спустя. Старое расследование барраярской безопасности проследило их превращение в контрабандное оружие, затем плату террористам и текущие расходы, а позднее – взятки за выездные визы и корабль, захвативший уцелевших. Однако отцу Галени транспорт не понадобился: он подорвался на одной из собственных мин во время последней, безнадежной, бессмысленной атаки на штаб-квартиру Барраярской службы безопасности. Между прочим, вместе со старшим братом Галени.

Майлз вывел дополнительные данные. К счастью, среди земной эмиграции, зарегистрированной Барраярской службой безопасности, не оказалось случайных родственников Галени. Хотя за последние два года у Галени была масса возможностей подредктировать эти данные...

Майлз потер виски. Галени было пятнадцать, когда затихла последняя судорога Восстания. Он был слишком молод, чтобы принять во всем этом активное участие. Но даже если это было так и юноша находился среди восставших, Саймон Иллиан, который знал о Галени все, готов был списать это со счетов. Закрывать эту главу. И Майлз запечатал файл.

Майлз предоставил вести все переговоры с местной полицией Айвену. Конечно, распущенная Майлзом история о клонах отчасти защищала его на случай, если он повстречается с одними и теми же людьми, будучи в разных своих воплощениях. Но негоже злоупотреблять ею. Полиция наверняка окажется более бдительной и недоверчивой, чем обыватели, а он не готов к тому, чтобы вспенить сразу две волны криминальной деятельности.

По крайней мере к исчезновению военного атташе полиция отнеслась с должной серьезностью, пообещав всестороннее содействие и даже пойдя навстречу просьбе посла утаить происшедшее от средств массовой информации. Полицейские могли взять на себя всю рутинную

работу – например, идентифицировать останки человеческих тел в мусоросборниках и тому подобное. Майлз сам себя назначил главным следователем, и Айвен, старший по должности, вдруг обнаружил, что на него свалились повседневные обязанности Галени.

Для Майлза большая часть следующих суток прошла главным образом в кресле комм-зала, где он перепроверял все посольские данные относительно беглецов с Комарры. К несчастью, посольство собрало просто чудовищное количество такого рода информации. Если там и было что-то важное, оно прекрасно маскировалось тоннами пустяков. Такая работа могла удушить кого угодно.

В два часа ночи вконец выдохшийся Майлз сдался – он вызвал Элли Куин и свалил все материалы на дендарийскую разведку.

«Свалил» было самым точным словом: массив данных был переведен по экранированной линии комм-связи с компьютеров посольства на находившийся на орбите «Триумф». Узнай об этом Галени, его хватил бы удар. А-а, шел бы этот Галени куда подальше!.. Сам во всем виноват – нечего исчезать среди бела дня. Майлз предусмотрительно не стал просить разрешения на перевод данных у Айвена. Он и сам мог обосновать свои действия: дендарийцы являлись воинским подразделением Барраяра, следовательно, перевод данных произошел внутри имперских вооруженных сил. Майлз включил туда и данные о Галени, причем в открытой форме. Ведь секретность была введена, чтобы спасти Галени от барраярских «патриотов», каковыми дендарийцы явно не являлись... Какой-то из доводов Майлза наверняка должен сработать.

– Скажи нашим шпионам, что они получили контракт на обнаружение Галени, – объявил он Элли. – Это входит в работу флота по зарабатыванию средств. Но заплатят нам только в том случае, если мы доставим его в посольство. Между прочим, так оно и есть на самом деле.

Он рухнул в постель, надеясь, что за остаток ночи подсознание найдет какой-нибудь выход, но проснулся в том же туманном недоумении. Майлз поручил Барту и двум рядовым проверить действия курьера – еще одно возможное слабое звено в цепи. А сам просто сидел, ожидая звонка из полиции, пока воображение изобретало все более и более причудливые варианты. Майлз сидел в полутемной комнате, постукивая ногой об пол, и ему казалось, что голова у него сейчас лопнет.

На третий день на связь вышла Элли Куин.

Майлз поспешно подключил к комму экран, сгорая от желания увидеть лицо Элли. На прекрасном этом лице блуждала странная улыбка.

– Я решила, что тебя это заинтересует, – промурлыкала Элли. – К капитану Торну только что обратились с крайне интересным предложением относительно контракта для дендарийцев.

– А сумма в нем тоже крайне интересная? – любопытствовал Майлз. В голове со скрипом заработала система шестеренок, переключавшая его на проблемы адмирала Нейсмита, напроць забытые из-за треволнений последних дней.

– Сто тысяч бетанских долларов. Отмытых так, что происхождение проследить невозможно.

– О!.. – Получается что-то около полумиллиона имперских марок. – Кажется, я дал понять, что сомнительные деньги нас не интересуют. Нам и так неприятностей хватает.

– А как тебе нравится идея киднеппинга?

– Жуткая идея!

– О, для этого случая ты наверняка сделаешь исключение, – предсказала Элли с необъяснимой уверенностью.

– Элли!.. – зарычал Майлз.

Элли сделала глубокий вдох, чтобы справиться со смехом, но в глазах у нее по-прежнему бежали чертенята.

– Но Майлз! Наши таинственные богатенькие незнакомцы хотят нанять адмирала Нейсмита, чтобы он похитил из барраярского посольства лорда Майлза Форкосигана.

– Наверняка это ловушка, – нервничал Айвен, ведя нанятую Элли машину по городским туннелям. В полночь освещение тут было не менее ярким, чем днем. По их лицам скользили разноцветные блики, отбрасываемые источниками света, мелькавшими за прозрачным фонарем автомобиля.

Серая дендарийская форма сержанта сидела на Айвене идеально, словно сшитая на заказ. Как, впрочем, и парадный зеленый барраярский мундир, кисло отметил про себя Майлз. Айвен хорош в любой форме. Элли, сидевшая по другую руку от Майлза, казалась сестрой-близнецом Айвена. Она делала вид, что спокойна: гибкое тело удобно расслабилось на сиденье, одна рука небрежно заброшена за плечи Майлза. Но Майлз заметил, что Элли снова начала грызть ногти. Он сидел между ними в зеленом парадном мундире лорда Форкосигана, чувствуя себя листиком увядшего салата между двумя ломтями хлеба. Устал он для этих полуночных вечеринок.

– Конечно, ловушка, – пробормотал он. – Нам только надо выяснить, кто ее устроил и почему. И что им вообще известно. Считают они адмирала Нейсмита и лорда Форкосигана разными людьми или не считают? А если нет, не пронюхал ли кто о тайной связи Барраяра с дендарийцами?

Элли искоса взглянула на Майлза и встретила ответный взгляд. Вот именно. Если игра Нейсмита окончена, есть ли у них будущее?

– А может быть, – подсказал Айвен, – это совсем из другой оперы. Например, местные преступники решили нас чуть-чуть пошантажировать. Или цетагандийцы пытаются поссорить адмирала Нейсмита с Барраяром в надежде на то, что нам удастся прикончить этого прохвоста быстрее, чем им. Или, может...

– ...за всем этим кроется твой собственный умысел, Айвен, – усмехаясь, предположил Майлз. – Ты устраняешь возможных соперников, чтобы завладеть посольством.

Элли бросила на Айвена цепкий взгляд, словно проверяя, так ли это. Айвен улыбнулся в ответ:

– О, вот это мне по вкусу!

– Единственное, в чем мы можем быть уверены, – что это не цетагандийское покушение, – вздохнул Майлз.

– Хотела бы и я быть уверенной в этом на сто процентов, – пробормотала Элли.

Был поздний вечер четвертого дня после исчезновения Галени. Полтора дня, прошедшие с того момента, как дендарийцы получили этот странный контракт, дали Элли возможность поразмыслить. Первоначальный энтузиазм ее улетучивался по мере того, как Майлз раскручивал всевозможные варианты.

– Примите во внимание логику происходящего, – убеждал он ее. – Либо цетагандийцы уверены, что я – это два разных существа, либо нет. Убить они хотят именно адмирала Нейсмита, а вовсе не сына премьер-министра Барраяра. Убийство же лорда Форкосигана может послужить началом страшного кровопролития. По правде говоря, в тот день, когда цетагандийцы перестанут охотиться за Нейсмитом, мы будем знать совершенно точно, что моя тайна раскрыта. Они ни за что не согласятся упустить возможность насолить Барраяру. Особенно теперь, когда идут переговоры с Тау Кита относительно полетов через их пространство. Сейчас они могут одним движением испортить нашу галактическую торговлю.

– Они могли бы попытаться проверить тебя именно в этом плане, – глубокомысленно заметил Айвен. – Если, конечно, это не цетагандийцы.

– Я не говорю, что это не цетагандийцы, – кротко ответил Майлз. – Я просто говорю, что, если это они, речь пойдет не об обычном убийстве.

Элли застонала.

Майлз посмотрел на часы.

– Время последней проверки.

Элли включила наручный комм:

– Вы на месте, Бел?

Грудной голос капитана Торна пропел в ответ из аэрокара, который следовал за ними с отрядом дендарийцев:

– Я держу вас в поле зрения.

– Хорошо. Старайтесь не терять нас из виду. Следите за нами сверху, а мы будем смотреть вперед. Это – последний сеанс связи до приглашения спуститься.

– Будем ждать.

Майлз нервно потер шею. Заметив этот жест, Куин произнесла:

– Я, по правде говоря, не в восторге от вашей идеи – обнаружить западню, позволив им захватить вас.

– Я вовсе не намерен им это позволять, Элли. Как только они себя раскроют, Бел немедленно вступит в игру, и тогда мы их захватим, а не наоборот. Но если они не захотят прикончить меня на месте, мы позволим им зайти подальше. Учитывая... э-э... ситуацию в посольстве, риск может оказаться оправданным.

Элли молча покачала головой, демонстрируя свое несогласие.

Следующие несколько минут прошли в молчании. Майлз был где-то посередине мысленного обзора всех вариантов развития событий, когда машина затормозила перед древними трехэтажными зданиями, сдвинувшимися почти вплотную вдоль изогнутой полумесяцем улицы. Темные и тихие дома казались необитаемыми – видимо, подготовлены к сносу или реконструкции.

Элли взглянула на написанный на дверях номер и откинула прозрачный колпак автомобиля. Майлз вылез и встал рядом с ней. Оставшийся в машине Айвен включил сканеры.

– Никого нет, – доложил он, всматриваясь в показания приборов.

– Не может быть! – воскликнула Элли.

– А вдруг мы приехали слишком рано? – предположил Майлз.

– Чушь, – отозвалась Элли. – Как говорит адмирал Нейсмит, рассуждай логически. Люди, желающие заполучить лорда Форкосигана, не сообщали нам места встречи до последней минуты. Зачем? Чтобы мы не могли приехать первыми. Значит, они здесь и ждут нас. – Она нагнулась над панелью прибора, заглядывая через плечо Айвену. – Действительно, дом пуст, – признала она. – И все равно: что-то тут не так.

Было ли случайностью, что именно в этом месте разбита пара уличных фонарей? Майлз вглядывался в темноту.

– Не нравится мне это, – снова пробормотала Элли. – Давайте не будем вас связывать.

– А вы сможете со мной справиться?

– Мы накачали вас транквилизаторами.

Майлз пожал плечами, идиотски распустил губы и начал беспорядочно двигать зрачками. Он плелся рядом с Элли, а она держала его за плечо, направляя вверх по ступеням. Старомодная дверь на петлях оказалась открытой. Скрипя, она пропустила их в темноту.

Элли неохотно убрала парализатор в кобуру и отцепила от пояса карманный фонарик, осветивший темное помещение. Прихожая, слева поднимаются ветхие ступеньки. Две арки, одна напротив другой, ведут в жилые комнаты первого этажа, грязные и пустые. Слушая, как бьется ее сердце, Элли шагнула за порог.

– Есть тут кто-нибудь? – негромко окликнула она.

Молчание. Они вошли в левую комнату. Луч фонарика метнулся от одной стены к другой.

– Мы приехали не слишком рано, – пробормотала Элли. – Не опоздали, не ошиблись адресом... Где же они?

Майлз не мог ответить, не выйдя из роли. Элли выпустила его плечо, переложила фонарик в левую руку и снова вынула парализатор.

– Вы достаточно невменяемы, чтобы не бояться за вас, – решила она, словно прикидывая про себя. – Я немного осмотрюсь.

Веко Майлза на секунду опустилось в знак согласия. Пока Элли не выяснит, есть ли здесь подслушивающие устройства и сканеры, надо как можно убедительнее играть роль беспомощной жертвы. Мгновение поколебавшись, Элли направилась к лестнице. И унесла с собой фонарик, черт бы ее побрал.

Майлз все еще прислушивался к быстрому легкому скрипу ее шагов наверху, когда чья-то рука зажала ему рот и к его затылку нежно прикоснулся луч парализатора.

Майлз дернулся, пытаясь укунить зажавшие рот пальцы. Нападающий зашипел от боли и еще сильнее стиснул ему рот. Затем ему заломили руки за спину и всунули в рот кляп – прежде чем Майлз успел откусить хоть один палец. Кляп был пропитан каким-то сладким испаряющимся веществом; ноздри Майлза судорожно расширились, но голосовые связки онемели. Ему показалось, что его душа отделяется от тела, а через секунду оно и вовсе куда-то исчезло, не оставив адреса. Потом загорелся бледный свет.

Две крупные мужские фигуры, чуть расплываясь, двигались перед Майлзом. Один был постарше, другой помоложе. Сканер-щиты, черт подери! И очень качественные, раз ввели в заблуждение дендарийское оборудование. Майлз заметил ящички, прикрепленные к поясам бандитов, в десять раз меньше тех, что были на вооружении дендарийцев. Такие крошечные источники питания – это что-то новое. Посольству Барраяра тоже не мешало бы модернизировать засекреченные помещения... Майлз на секунду скосил глаза к переносице, пытаясь прочесть этикетку изготовителя, – и тут увидел третьего.

Ох, этот третий!

«Я сошел с ума, – бешено завертелось у Майлза в голове. – Окончательно рехнулся».

Третий был им самим.

Дубль-Майлз, аккуратно одетый в зеленый барраярский мундир, шагнул вперед, со странной жадностью всматриваясь в лицо, которое повернул к нему более молодой из двух мужчин. Затем начал перекладывать содержимое карманов Майлза в свои собственные. Парализатор... Удостоверение личности... Полпачки гвоздично-мятных пастилок для свежести дыхания... При виде пастилок он нахмурился, но потом, пожав плечами, сунул в карман и их. Потом указал на пояс Майлза.

Дедовский кинжал был завещан лично Майлзу. Трехсотлетний клинок был по-прежнему гибким, как резина, и острым, как алмаз. Усыпанная драгоценными камнями рукоять скрывала печать Форкосиганов. Они вытянули его у Майлза из-под мундира. Дубль-Майлз перекинул ремень с ножнами через плечо и быстро застегнул мундир. После чего снял с пояса сканер-щит и укрепил его на поясе Майлза.

Глаза дубль-Майлза горели возбуждением и ужасом. Он бросил на Майлза прощальный взгляд. Майлз уже видел однажды такое выражение на своем лице – в зеркальной стене на станции подземки.

«Нет!»

Он видел его на лице этого человека, отраженном в зеркальной стене на станции подземки.

Наверное, он стоял всего в нескольких шагах от Майлза, чуть сбоку. В зеленой форме – а на Майлзе тогда была дендарийская, серая.

Похоже, на этот раз они все-таки не ошиблись...

– Идеально, – прорычал дубль-Майлз, освободившись от звукового глушителя сканер-щита. – Нам даже не пришлось парализовать женщину. Она ничего не заподозрит. Я же говорил, все получится!

Он сделал глубокий вдох, вздернул подбородок и насмешливо улыбнулся Майлзу.

«Педантичный воображая, – горько подумал Майлз. – Ты мне за это заплатишь! Ну что ж, я всегда был себе врагом...»

Подмена заняла всего несколько секунд. Майлза пронесли через дверь, оказавшуюся у дальней стены комнаты. Героически дернувшись, он сумел удариться головой о дверную коробку.

– Что случилось? – тут же раздался сверху голос Элли.

– Ничего особенного, – моментально откликнулся дубль – Майлз. – Я все проверил. Тут тоже никого нет. Полный ноль.

– Ты уверен? – Майлз услышал, как Элли стремительно сбегает вниз. – Может, подождем еще немного?

Послышался сигнал наручного комм Элли.

– Элли? – донесся искаженный голос Айвена. – У меня тут минуту назад сканеры дали какой-то странный сигнал.

У Майлза радостно екнуло сердце.

– Проверь еще раз, – хладнокровно посоветовал Айвену дубль-Майлз.

– А сейчас – ничего.

– И здесь тоже ничего. Боюсь, их что-то спугнуло, и они отменили операцию. Снимайте охрану и везите меня обратно в посольство, командер Куин.

– Так скоро? Вы уверены?

– Да, прямо сейчас.

– Ну что ж, вы командуете. Дьявольщина, – с сожалением добавила Элли, – а я уже настроилась получить эти сто тысяч.

Синкопы их шагов гулко отдались в прихожей, потом затихли за закрывшейся дверью. Гул мотора замер вдали. Темнота и тишина, нарушаемая слабым шумом его собственного дыхания.

Майлза опять поволокли – через заднюю дверь, потом по узенькому проходу между домами. Запахнули на заднее сиденье машины, стоявшей в переулке, усадив между двумя мужчинами, как куклу. Третий похититель сел за руль. Мысли Майлза кружились на грани беспамятства. Чертовы сканеры... Технология окраинного мира пятилетней давности – лет на десять позади земной. Придется потуже затянуть пояса и поменять дендарийскую сканерную систему по всему флоту, прямо сейчас... Если только он выпутается из этой заварухи. Сканеры – черта с два! Виноваты не сканеры. Разве на мифического единорога не охотятся с зеркалами, чтобы очаровать тщеславного зверя, пока подбираются убийцы?..

Они ехали какими-то странными, кривыми улочками. Либо эта дорога рассчитана на то, чтобы он ничего не запомнил, либо они следуют кратчайшим путем, известным только местным жителями. Примерно через четверть часа машина нырнула в подземный гараж и с шипением остановилась. Гараж был крошечным, рассчитанным на одну-две машины.

Майлза протасили к лифту. Они поднялись на один этаж и оказались в коротком коридоре. Один из похитителей стащил с него сапоги и ремень со сканер-щитом. Действие парализатора заканчивалось. Ноги у Майлза были ватными, ступни покалывало, но по крайней мере он уже держался на них. Руки ему развязали, и он попытался растереть затекшие запястья. Потом изо рта извлекли кляп, и Майлз немедленно издал какой-то странный звук, больше похожий на хрип.

Еще через секунду перед ним отперли дверь и впахнули его в комнату без окон. Послышался щелчок замка – наверное, так захлопывается капкан. Майлз едва не рухнул, но сумел удержаться на ногах, пошатываясь и тяжело дыша.

Световая панель на потолке освещала узкую комнату, в которой не было ничего, кроме двух скамеек вдоль стен. Слева находился закуток туалета – без окон, со снятой с петель дверью.

На одной из скамеек лицом к стене лежал мужчина в зеленых брюках и кремовой рубашке. На ногах у него были носки. Мужчина как-то замедленно повернулся и сел. Одну руку он автоматически вскинул вверх, прикрывая от яркого света красные, слезящиеся глаза. Другая уперлась в скамейку, не давая ему упасть. Взлохмаченные темные волосы, четырехдневная щетина. Ворот рубашки расстегнут, и в нем белеет шея, такая беззащитная сейчас, когда ее не стискивает панцирь высокой, наглухо застегнутой стойки барраярского мундира. Помятое лицо мужчины было знакомо Майлзу.

Безупречный капитан Галени. Правда, чуточку потрепанный.

Глава 8

Галени, сощурившись, смотрел на Майлза.

– Дьявольщина, – без всякого выражения проговорил он.

– И вам того же, – прохрипел в ответ Майлз.

Галени выпрямился, сощуриив заплывшие глаза:

– Или... это вправду вы?

– Не знаю. – Майлз задумался. – А которого меня вы ждете? – Он проковылял к скамье напротив и уселся, вернее, упал на нее. Ступни его немного не доставали до пола. Несколько минут оба молча разглядывали друг друга. – Бессмысленно сводить нас в одной комнате, если она не прослушивается, – наконец сказал Майлз.

Вместо ответа Галени ткнул указательным пальцем в потолок.

– О! И просматривается?

– Да.

Майлз оскалил зубы и улыбнулся потолку.

Галени продолжал рассматривать его с недоверчивой, почти болезненной гримасой.

Майлз откашлялся. Во рту был горький привкус.

– Насколько я понимаю, вы встречались с моим двойником?

– Вчера. Да, по-моему, это было вчера. – Галени взглянул на световую панель на потолке.

Похитители отобрали часы и у Майлза.

– Сейчас примерно час ночи начала пятого дня с момента вашего исчезновения из посольства, – сказал Майлз, отвечая на невысказанный вопрос Галени. – Что, свет здесь не гасят?

– Нет.

– О!

Майлз подавил тошнотворную ассоциацию. Постоянное освещение было цетагандийской тюремной практикой и способствовало временной дезориентации заключенных. Адмирал Нейсмит уже имел возможность с ней познакомиться.

– Я видел его всего несколько секунд, – продолжил Майлз, – когда они нас поменяли. – Его пальцы машинально потянулись к месту исчезнувшего кинжала, потом начали растирать шею. – Я... действительно так выгляжу?

– Я думал, что это вы, до самого конца. Он сказал, что практиковался на мне. Проверял себя.

– И как прошла проверка?

– Он был здесь четыре или пять часов, и я ничего не заподозрил.

Майлз поморщился:

– Плохо дело. Хуже некуда.

– Я тоже так думаю.

– Ясно. – Комнату наполнила липкая тишина. – Ну что ж, ведь вы историк. Как отличить подделку от оригинала?

Галени покачал головой и тут же поднес руку к виску, словно пожалев об этом движении: видимо, его мучила мигрень. Майлз тоже страдал ею.

– Не знаю. Я уже ничего не понимаю. – Галени задумчиво добавил: – Он отдал честь.

Уголок рта Майлза искривился в сухой усмешке.

– Конечно, существую один я, а весь этот кошмар – уловка, чтобы свести вас с ума...

– Прекратите! – крикнул Галени. Тем не менее его лицо на мгновение осветилось ответной мертвенной улыбкой.

Майлз взглянул на световую панель:

– Ну, кто бы ни был я, вы-то, наверное, знаете, кто они. Надеюсь, не цетагандийцы? Это было бы не слишком весело, особенно при наличии моего... дубликата. Видимо, это какой-нибудь хирургический конструкт.

«Только не клон – пожалуйста, пусть он не будет моим клоном...»

– Он сказал, что он ваш клон, – тут же ответил Галени. – Хотя половина из того, что он мне наговорил, – ложь, кем бы он ни был.

– О!

Почему-то более сильные восклицания казались сейчас неуместными.

– Да. И это вызвало у меня интерес к вам. То есть в вашем оригинальном издании.

– А-хм! Да. Теперь я понимаю, почему из меня выскочила эта... эта сказка о клонах, когда журналистка прижала меня к стене. Я уже видел его однажды. В подземке, когда ехал с командером Куин. Дней восемь – десять назад. Наверное, они уже тогда пытались осуществить подмену. Я решил, что вижу себя в зеркале. Но одет он был по-другому, не так, как я, и, видимо, поэтому они прервали операцию.

Галени внимательно рассматривал собственный рукав.

– И вас это не встревожило?

– У меня в тот момент были другие заботы.

– Вы об этом не доложили!

– Я принял перед этим болеутоляющее и решил, что это просто небольшая галлюцинация. К тому моменту, как я вернулся в посольство, у меня уже все вылетело из головы. Кроме того, – Майлз ухмыльнулся, – я не хотел, чтобы вы усомнились в моей дееспособности. Это не пошло бы на пользу нашим взаимоотношениям.

Галени поджал губы, но через секунду лицо его исказилось гримасой отчаяния.

– Скорее всего, вы правы.

Майлза испугало лицо Галени, и он поспешно продолжил:

– Короче, я рад, что не сделался ясновидящим. Боюсь, мое подсознание намного сообразительнее рассудка. Я просто не воспринял его сигнал. – И Майлз снова ткнул пальцем вверх. – Не цетагандийцы?

– Нет. – Галени с каменным лицом прислонился к стене. – Комаррцы.

– А! – Майлз прикусил губу. – Комаррский заговор. Но это чревато...

Губы Галени изогнулись.

– Вот именно.

– Ну что ж, – неубедительно начал Майлз. – Они нас еще не прикончили. Должна быть причина, по которой мы нужны им живыми.

Галени мрачно, с вызовом усмехнулся:

– Абсолютно никакой причины! – Слова вырвались вместе с хриплым смешком, который резко оборвался. Видимо, какая-то шутка, понятная только Галени и осветительной панели. – Он воображает, что у него есть причина, – объяснил Галени, – но он глубоко ошибается.

Горькая фраза тоже была обращена к потолку. О чем это он? О ком?

Майлз сделал глубокий вдох.

– Ладно, Галени, выкладывайте. Что случилось в то утро, когда вы исчезли из посольства?

Галени вздохнул, пытаясь взять себя в руки:

– В то утро мне позвонили. Старый знакомый, комаррец. С просьбой о встрече.

– Звонок не был зарегистрирован. Айвен проверил ваш комм.

– Я его стер. Это было ошибкой, но тогда я этого не знал. Какие-то его слова заставили меня подумать, что встреча может прояснить тайну того странного приказа относительно вашего пребывания в посольстве.

– Так мне удалось убедить вас, что с моим приказом не все в порядке?

– О да. Я понимал, что если это так, значит, безопасность посольства взорвана изнутри. Вероятно, через курьера. Но я не рискнул обвинить его, не имея доказательств.

– Курьер, да, – кивнул Майлз. – Это было моим вторым предположением.

Галени приподнял брови:

– А первым?

– Боюсь, что вы.

Улыбка Галени была более чем выразительной.

Майлз смущенно пожал плечами:

– Я решил, что вы взяли да прикарманили мои восемнадцать миллионов марок. Но если вы действительно это сделали, почему вы не сбежали, думал я. И тут вы сбежали.

– О! – в свою очередь выдохнул Галени.

– Так все сошлось, – продолжал Майлз, – и я уверился в том, что вы растратчик, дезертир, вор и вообще комаррский сукин сын.

– И что вам помешало обвинить меня в этом официально?

– К сожалению, ничего. – Майлз откашлялся. – Простите.

Галени позеленел. Он был слишком расстроен, чтобы притворяться возмущенным.

– Простите, – повторил Майлз. – Но если мы отсюда не выберемся, ваше имя будет смешано с грязью.

– Значит, все было напрасно...

Галени облокотился о стену, запрокинул голову и закрыл глаза, словно от сильной боли.

Майлз представил себе политические последствия бесследного исчезновения Галени. Следователи наверняка сочтут его мошенником, плюс к тому замешанным в киднеппинге, и убийстве, и побеге, и Бог весть в чем еще. Можно не сомневаться, что скандал потрясет до основания систему интеграции Комарры, а может, вообще уничтожит ее. Майлз взглянул на сидящего напротив человека – его отец, лорд Форкосиган, когда-то решил дать ему шанс.

«Некое искупление...»

Одного этого достаточно, чтобы комаррское подполье уничтожило их обоих. Но существование – Господи, только не клона! – дубль-Майлза свидетельствовало, что тень, брошенная Майлзом на Галени, была на руку комаррцам. Интересно, какова будет их благодарность.

– Так вы пошли на встречу с этим человеком, – напомнил Майлз. – Не захватив с собой ни комм-устройство, ни охранника.

– Да.

– И быстренько были похищены. А еще критиковали мое легкомыслие!

– Да. – Галени открыл глаза. – Вернее, нет. Сначала мы вместе поели.

– Вы сели с этим типом за стол? Или... Она была хорошенькая?

Тут Майлз вспомнил, какое местоимение Галени употребил, обращаясь к осветительной панели.

– Ничуть. Но он действительно попытался меня завербовать.

– И ему это удалось?

В ответ на испепеляющий взгляд Галени Майлз объяснил:

– Видите ли, наш разговор напоминает мне пьесу... для моего развлечения.

Галени поморщился, наполовину раздраженно, наполовину соглашаясь. Подделки и оригиналы, правда и ложь. Как их проверить здесь? Чем?

– Я послал его подальше. – Галени произнес это достаточно громко, чтобы панель не пропустила мимо ушей. – Мне следовало догадаться, что за время нашей беседы он сказал слишком много и меня просто опасно оставлять на свободе. Но мы обменялись гарантиями. Я повернулся к нему спиной... позволил чувству взять верх над разумом. И очутился здесь. – Галени оглядел узкую камеру. – Но это ненадолго. Пока у него не пройдет внезапная вспышка сентиментальности.

Галени явно бросил это осветительной панели как вызов.

Майлз втянул сквозь зубы холодный воздух.

– Видно, ваше знакомство очень давнее и очень серьезное.

– О да.

Галени снова закрыл глаза, словно хотел уйти от Майлза и всего мира в благодатный сон.

Замедленные, осторожные движения Галени говорили о пытках...

– Они пытались убедить вас? Или допрашивали старым добрым способом?

Галени чуть прикоснулся к лиловому кровоподтеку под левым глазом.

– Нет, для допросов у них существует суперпентотал. Меня обрабатывали им уже три-четыре раза. Сейчас они должны знать о службе безопасности посольства практически все.

– Тогда почему вы в синяках?

– Я пытался вырваться... Кажется, вчера. Могу вас заверить: та тройца, что меня задерживала, выглядит гораздо хуже. Наверное, они еще надеются, что я передумаю.

– А вы не могли бы прикинуться, что согласны? Ненадолго, только чтобы выбраться отсюда? – спросил Майлз.

Галени гневно воззрился на него.

– Ни за что! – проскрежетал он. Но припадок ярости миновал почти мгновенно, и он с усталым вздохом кивнул головой: – Наверное, мне следовало это сделать. Но теперь уже поздно.

Не повредили ли они капитану мозги своими химическими средствами? Если холодный логик Галени позволяет чувствам до такой степени владеть им и его рассудком... Да, это должны быть мощные эмоции.

– Вряд ли они примут мое предложение о сотрудничестве, – уныло предположил Майлз.

К Галени вернулась его обычная ленивая растяжка:

– Конечно, нет.

Через несколько минут Майлз заметил:

– Это не может быть клон, знаете ли.

– Почему? – осведомился Галени.

– Любой клон, выращенный из клеток моего тела, должен выглядеть... ну, как Айвен. Шести футов ростом и не такой искривленный. С хорошими костями, а не моими палочками. Если только... (ужасная мысль!) медики не лгали мне всю жизнь относительно моих генов.

– Его должны были искривить в соответствии с вами, – задумчиво предположил Галени. – Химически или хирургически, или и так, и эдак. С вашим клоном это сделать не труднее, чем с любым другим хирургическим конструктором. Может, даже легче.

– Но то, что произошло со мной, – такой странный случай... Даже лечение было экспериментом. Мои собственные врачи не знали, что у них получится, пока все не закончилось.

– Наверное, было нелегко заполучить ваш дубликат. Тем не менее его заполучили. Может... индивидуум, которого мы видели, являет собой последнюю из таких попыток.

– А как они поступали с неудачными? – в ужасе воскликнул Майлз. Перед его мысленным взором предстала шеренга клонов, похожих на иллюстрацию эволюционного процесса, только в обратном порядке: прямоходящий Айвеноподобный кроманьонец, регрессирующий через потерянные звенья до обезьяноподобного Майлза.

– Полагаю, их устранили.

Голос Галени был мягким и высоким: он не столько отрицал, сколько бросал вызов ужасу. Майлза затошнило.

– Какая жестокость!

– О да, – все так же мягко согласился Галени.

Но Майлз пытался рассуждать, несмотря ни на что.

– Значит, он... клон... – «мой брат-близнец». Майлз заставил себя додумать эту мысль до конца. – Но тогда он должен быть много моложе меня.

– На несколько лет, – согласился Галени. – По моим подсчетам, на шесть.

– Почему на шесть?

– Арифметика. Вам было около шести, когда закончилось комаррское восстание. Примерно тогда эта группа должна была переключить свое внимание на какой-то другой, менее вызывающий план мести Барраяру. Раньше эта идея не могла интересовать их. А если бы они занялись ею позже, клон был бы сейчас слишком молод, чтобы заменить вас. Слишком молод, чтобы успешно сыграть свою роль. Сдается мне, он должен не только выглядеть, но и действовать, как вы.

– Но зачем вообще нужен клон? И почему именно мой?

– Полагаю, он должен стать детонатором крупной провокации, которая совпадет с восстанием на Комарре.

– Барраяр никогда не отдаст Комарры. Никогда. Вы – наша дверь в мир.

– Я знаю, – устало сказал Галени. – Но кое-кто готов скорее утопить наши города в крови, чем учиться у истории. Или вообще чему-то учиться. – И Галени невольно поднял глаза на осветительную панель.

Майлз сглотнул, собрал остатки воли и проговорил в пустоту:

– Когда вы узнали, что ваш отец не подорвался на той мине?

Взгляд Галени метнулся к нему, тело окаменело, но тут же обмякло. И он сказал:

– Пять дней назад. – Спустя некоторое время добавил: – А как узнали вы?

– Мы вскрыли ваше личное дело. Он ваш единственный близкий родственник, чья смерть не подтверждена документально.

– Мы считали, что он погиб. – Голос Галени звучал безжизненно и ровно, глаза были неживыми. – Мой брат определенно погиб. Барраярская служба безопасности явилась и заставила мать и меня опознать то, что осталось. А осталось немного. Было так легко поверить, что от отца не осталось и такой малости: по сообщениям, он находился гораздо ближе к эпицентру взрыва.

Галени превращался в мертвеца прямо на глазах. И Майлз понял, что должен предотвратить эту смерть. Бессмысленнейшая с точки зрения империи гибель офицера. Вроде убийства. Или аборта.

– Мой отец все твердил о свободе Комарры... – тихо продолжал Галени. Кому он это рассказывал: Майлзу, осветительной панели или себе самому? – ...и жертвах, на которые все мы должны идти ради свободы. Особенно о жертвах: либо жертвовать жизнью, либо все бесполезно. Но отца несколько не волновала свобода тех, кто жил на Комарре. Я стал свободен только в тот день, когда восстание на Комарре угасло. В тот день, когда не стало отца. Я стал волен смотреть на вещи по-своему, делать собственные выводы, выбирать свою жизнь... Или так я думал. Жизнь, – интонации Галени были до жути саркастическими, – полна сюрпризов. – И он одарил осветительную панель мертвой улыбкой.

Майлз зажмурил глаза, стараясь мыслить связно, что было нелегко: Галени сидел в двух метрах от него, излучая убийственное напряжение докрасна раскаленной спирали. У Майлза возникло неприятное ощущение, что его формальный начальник махнул рукой на все, кроме собственной схватки с призраками прошлого. Или не призраками. Так что действовать придется самому.

Действовать – но как? Майлз встал и начал, пошатываясь, расхаживать по камере. Галени молча наблюдал за ним. Выход только один. Майлз поскреб стены ногтями. Никакого результата. Швы у пола и потолка (несмотря на страшное головокружение, он забрался на скамейку и протянул руку вверх) были крепкими. Майлз прошел в санузел, облегчился, вымыл руки и лицо, прополоскал рот, чтобы избавиться от неприятного вкуса (в умывальнике оказалась

только холодная вода), попил из ладоней. Стакана нет, нет даже пластмассовой кружки. Вода тошнотворно заплескалась в желудке, руки задергались: последствия парализации. А что, если заткнуть слив рубашкой и пустить воду? Похоже, это единственная акция протеста, которая тут возможна. Майлз вернулся к своей скамье, вытирая руки о брючины, и поскорее плюхнулся на нее, чтобы не рухнуть на пол.

– Вас хоть кормят? – поинтересовался он.

– Два или три раза в день, – ответил Галени. – Тем, что готовят наверху. Похоже, в этом доме живут несколько человек.

– Видимо, это единственный момент, когда можно попытаться бежать.

– Был единственный, – вяло откликнулся Галени.

Был. Стало быть, теперь, после попытки Галени, их охрана будет усилена. Кроме того, Майлз не осмелился бы повторить ее вслед за Галени – побои, перенесенные тем, сделали бы Майлза инвалидом.

Галени уставился на запертую дверь.

– Все-таки небольшое развлечение. Когда дверь открывается, никогда не знаешь, обед это или смерть.

Неужели Галени свылся с мыслью о смерти? Похоже, что так. Камикадзе чертов! Майлзу прекрасно знакомо такое настроение. Можно даже полюбить кладбищенский настрой, но это злейший враг воли к жизни. Да нет, просто враг, и точка.

Но решимость Майлза не помогла ему найти выход, хотя он все прокручивал и прокручивал в уме разные варианты. Конечно же, Айвен сразу распознает самозванца. Хотя он может отнести любую ошибку клона на то, что Майлз сегодня не в форме. Такие случаи бывали. А если комаррцы четыре дня выкачивали из Галени сведения о посольских процедурах, вполне вероятно, что клон сможет безошибочно выполнять повседневные обязанности Майлза. В конце концов, если это существо действительно клон, оно должно быть не менее сообразительным, чем сам Майлз.

Или не менее глупым... Майлз ухватился за эту спасительную мысль. Если он в своем отчаянном беге по жизни делает ошибку за ошибкой, его клон делает их не меньше. Вопрос только в том, сможет ли кто-то отличить ошибки одного от ошибок другого.

А как насчет дендарийцев? Дендарийцы попали в руки... кого? Каковы планы комаррцев? Что они знают о дендарийцах? И каким образом клон может стать дублем и лорда Форкосигана, и адмирала Нейсмита, когда самому Майлзу с таким трудом дается переход из образа в образ?

А Элли... Если Элли не заметила разницы между ними в заброшенном доме, сможет ли она увидеть ее в постели? Осмелится ли этот грязный человечешка коснуться Куин? Но разве можно представить себе человеческое существо, к какому бы из трех полов оно ни принадлежало, которое отказалось бы порезвиться в постели со столь блестящей и прекрасной женщиной... У Майлза все внутри заледенело, когда он представил себе в деталях, как клон «занимается этим с его Куин» (причем «это» было такое, чего сам Майлз даже не успел попробовать). Он заметил, что мертвой хваткой впился в край скамьи, так что побелели фаланги.

Майлз медленно разжал пальцы. Нет, клон должен избегать близости с теми, кто хорошо знает Майлза, с кем легче всего оступиться. Если, конечно, он не нахальное дерьмецо, вроде того, что Майлз каждый день видит в зеркале, когда бреется. Майлз и Элли только-только стали близки: заметит она разницу или нет? Если она... Стиснув зубы, Майлз заставил себя вернуться к более важным вещам – стратегическому плану происходящего, например.

Клон создан явно не затем, чтобы свести Майлза с ума, – это неизбежно само по себе. Клон выкован как оружие, направленное против Барраяра. Через премьер-министра страны графа Эйрела Форкосигана – против Барраяра, словно они нераздельны, Форкосиган и Барраяр. Майлз тут же представил себе с полдюжины способов использования клона против отца,

начиная с относительно мягких и кончая ужасающе жестокими. Он взглянул на Галени, застывшего на скамейке в ожидании минуты, когда его собственный отец покончит с ним. Или, может быть, специально принявшего позу жертвы, чтобы вынудить отца сделать это, доказав... что? И Майлз молча исключил мягкий сценарий из списка возможных.

В конце концов усталость взяла свое, и он заснул на жесткой скамье.

Спал он скверно, несколько раз выныривая из неприятного сна для того, чтобы столкнуться с неприглядной реальностью: холодная, жесткая скамья, затекшее тело, Галени, ворочающийся на противоположной скамейке и поблескивающий глазами – проснулся или дремлет? И Майлз из самозащиты проваливался обратно в мир сновидений. Чувство времени окончательно покинуло его. Когда он в конце концов сел, одеревеневшее тело и водяные часы мочевого пузыря свидетельствовали, что проспал он немало. После того как он сходил в туалет, ополоснул заросшее щетиной лицо и выпил воды, мысли снова нахлынули на него, и сон пропал начисто. Майлз жалел, что с ним нет чудного кошачьего одеяла.

Щелкнул дверной замок. Галени мгновенно вышел из своего якобы дремотного состояния и сел: ноги вниз, лицо абсолютно непроницаемое. Оказалось, им принесли обед. Или скорее завтрак: теплая яичница, сладкая булочка с изюмом, благословенный кофе в бумажном стаканчике, ложки. Еду доставил один из невыразительных молодых людей, виденных Майлзом накануне. Второй застыл в дверях с парализатором наготове. Не спуская глаз с Галени, человек поставил тарелки на край скамьи и попятился к двери.

Майлз недоверчиво осмотрел еду. Но Галени спокойно взял свою порцию и начал есть. Уверен, что продукты не отравлены и не обработаны какими-нибудь психотропными средствами, или ему просто уже на все наплевать? Майлз пожал плечами и принялся за яичницу.

Проглотив последние капли драгоценного кофе, он обратился к Галени:

– Но у вас есть хоть какое-то предположение, в чем смысл всего этого маскарада? Они наверняка затратили уйму времени и средств, чтобы создать... мое второе «я». Тут банальным заговором не пахнет.

Галени, который стал чуть менее бледным благодаря завтраку, повертел в руках пустой стаканчик:

– Я знаю только то, что они мне сказали. А правда это или нет – я не знаю.

– Ясно, продолжайте.

– Группа моего отца – это радикальное ответвление от основного комаррского подполья. Два этих течения не общаются друг с другом уже много лет. Еще и поэтому мы, то есть Барра-ярская безопасность, – на губах Галени появилась чуть заметная ироническая улыбка, – прозевали их. Так вот, основная группа в последнее десятилетие начала терять силу. Дети эмигрантов, не помнящие Комарру, выросли гражданами других планет. А те, что постарше... старели, как водится. Вымирали. Поскольку дома дела шли неплохо, новых сторонников у них не появлялось. Их платформа стала сокращаться, опасно сокращаться.

– И радикалам не терпится сделать какой-то отчаянный ход. Пока у них еще остается шанс, – догадался Майлз.

– Да. Они в критическом положении. – Галени медленно смял в кулаке стаканчик из-под кофе. – Вынуждены рисковать.

– Но такой риск... Это выглядит дьявольски экзотично – делать ставку на шестнадцать – восемнадцать лет вперед. Как им удалось найти медицинские ресурсы? Ваш отец что, был врачом?

Галени фыркнул:

– Вовсе нет. Похоже, медицинская сторона задачи оказалась нетрудной, после того как им удалось получить с Барраяра украденный образец тканей. Хотя как они сумели это сделать...

– Ну, с этим просто. Первые шесть лет жизни я провел в руках врачей: меня шупали, резали, кололи, сканировали и разбирали на части. В лабораториях можно было выбрать образец из целых килограммов всевозможных анализов: настоящее блюдо из тканей. Это-то как раз легко. Но само клонирование...

– Было поручено специалистам. Некоей сомнительной медлаборатории на Архипелаге Джексона. Насколько я понял, за деньги там готовы на все.

Майлз глупо разинул рот.

– О!

– Вы знаете об Архипелаге Джексона?

– Я... знаком с их деятельностью, только в другом контексте. Будь я проклят, если не знаю лабораторию, которая этим занималась! Они специалисты по клонированию. Помимо всего прочего, они выполняют нелегальные операции по пересадке мозга; нелегальные повсюду, кроме Архипелага Джексона. Там выращивают молодого клона и переносят в него старый мозг – старый и богатый мозг, и... э-э... они выполняли некую генинженерную работу, о которой я не имею права рассказывать. И все это время у них в чулане сидела моя копия! Сукины дети! Они еще убедятся в моем существовании! – Майлз был вне себя от возмущения. Жаль, что личную месть Архипелагу Джексона придется отложить до лучших времен. – Так. Первые пятнадцать лет комаррское подполье никак не участвовало в операции, только деньгами. Неудивительно, что нам не удалось отследить ее.

– Да, – кивнул Галени. – Но пару лет назад они решили воспользоваться наконец этим козырем. Они получили выращенного клона – в то время это был подросток – и начали натаскивать его на вас.

– Зачем?

– Похоже, они намерены получить империю.

– Что?! – завопил Майлз. – Нет! Только не это.

– Этот... индивид... стоял вот тут, – Галени ткнул пальцем в сторону двери, – два дня назад. Он заявил мне, что передо мной будущий император Барраяра.

– Но им придется убить и императора Грегора, и моего отца, чтобы... – в полном отчаянии начал Майлз.

– По-моему, – сухо отозвался Галени, – они к этому готовы. – Он снова улегся на скамейку. Сверкнул глазами, заложил руки за голову и промурлыкал: – Но сначала им понадобится мой труп.

– Оба наших трупа. Они не посмеют оставить нас в живых, – пробормотал Майлз в ответ.

– Кажется, я вчера об этом упоминал.

– И все же, если у них что-то не заладится, – Майлз бросил быстрый взгляд в сторону осветительной панели, – они будут нуждаться в заложниках.

Он выговорил эти слова громко и четко, подчеркнув множественное число в слове «заложники». Хотя с точки зрения Барраяра только один из них имеет ценность. Галени не дурак: он тоже знает, кто будет козлом отпущения.

Проклятие, проклятие, проклятие! Майлз сам угодил в эту западню, зная, что это западня, и надеясь получить сведения именно такого рода, какие получил. Он в бессильном отчаянии начал растирать себе затылок: если бы можно было сотворить чудо и обратить ударную силу дендарийцев на это гнездо заговорщиков... Прямо сейчас...

Щелкнул замок. Для ленча рановато. Майлз резко обернулся, на какую-то безумную долю секунды надеясь, что увидит Элли, возглавляющую отряд наемников. Нет. Опять те двое громил – а в дверях третий с парализатором.

Один из них махнул рукой Майлзу:

– Ты! А ну иди сюда.

– Куда? – намеренно грубо спросил Майлз. Неужели это конец: отведут в подземные гаражи и там пристрелят или свернут шею? Добровольно идти на собственную казнь – это не для него.

Видимо, что-то в этом духе промелькнуло и в голове Галени, потому что, когда парочка бесцеремонно схватила Майлза, Галени кинулся на них. Тот, что держал парализатор, отключил его на полпути. Галени дернулся, оскалив зубы, и замер.

Оцепенев, Майлз позволил вытащить себя за дверь. Если смерть близка, он хочет по крайней мере встретить ее в сознании и успеть плюнуть ей в лицо, когда она подойдет к нему вплотную.

Глава 9

Когда Майлз понял, что лифт идет не вниз, а наверх, ему ненадолго полегчало. Значит, это случится не в подземном гараже. Вот Галени скорее всего прикончат там, чтобы не перетаскивать труп, но Майлз в этом смысле не представляет собой проблемы.

Комната, в которую его втолкнули те двое, оказалась кабинетом, на удивление светлым, несмотря на непрозрачные оконные стекла. На прозрачной полке стояли диски с базами данных, в углу – обычный комм-пульт. Сейчас на его экране светилось изображение камеры. Галени все еще лежал, парализованный, на полу.

Старший из тех, кто участвовал в похищении Майлза, сидел у затемненного окна на банкетке с мягким сиденьем и рассматривал иньектор, только что извлеченный из упаковки. Так. Значит, намечается не казнь, а просто допрос. Или по крайней мере допрос перед казнью. Если, конечно, этот тип не намерен попросту отравить его.

Майлз оторвал взгляд от сверкающего иньектора. Мужчина пошевелился, повернул голову и изучающе поглядел на него прищуренными синими глазами, потом скосил глаза на экран комм. Благодаря какому-то случайному совпадению позы, Майлз вдруг понял, с кем имеет дело, хотя явного сходства с капитаном Галени не наблюдалось, если не считать необычной бледности. На вид человеку с иньектором было около шестидесяти. Коротко стриженные седеющие волосы, морщинистое лицо, грузное тело, явно не принадлежавшее спортсмену или человеку, поддерживающему форму. На нем была земная одежда, отстающая примерно на одно поколение от исторических мод, которые демонстрировала нынешняя молодежь и которые Майлз вместе с Элли имел удовольствие наблюдать в пассаже. Его можно было принять за бизнесмена или преподавателя – за кого угодно, только не за террориста.

Если не учитывать его убийственной напряженности. Именно в этом – судорожно сжатых руках, раздутых ноздрях и жесткой линии рта – Сер Гален и Дув Галени – члены одной семьи, отец и сын.

Гален встал и обошел вокруг Майлза. У него был брезгливый вид человека, рассматривающего не слишком удачную скульптуру. Майлз стоял неподвижно, чувствуя себя совсем коротышкой без сапог. Наконец-то он оказался в самом центре своих напастей, обнаружил их тайный источник. И центром этим был человек, обходивший его кругом и разглядывавший с ненасытной ненавистью. Или, может быть, оба они, отец и сын, были двойным центром, сведенные вместе и наложенные друг на друга, как двойной фокус эллипса, чтобы получился наконец некий дьявольски идеальный круг.

Майлз казался себе до жути маленьким и хрупким. С Галена станет переломать ему все кости – с тем же отсутствующим видом, с каким Элли Куин грызет ногти. Просто чтобы снять напряжение.

«Видит ли он меня вообще? Или он видит только предмет, символ, обозначающий врага? Не покончит ли он со мной, как с какой-то аллегорией?»

– Так, – заговорил Сер Гален. – Наконец-то передо мной оригинал. Не слишком внушительный вид для того, кто украл у меня преданность сына. И что он в тебе нашел? Но вообще-то ты неплохо представляешь Барраяр. Чудовищный сын чудовища-отца: моральный генотип Эйрела Форкосигана, выставленный во плоти на всеобщее обозрение. Может, есть все-таки в мире справедливость.

– Очень поэтично, – с трудом выдавил Майлз. – Но поскольку вы меня клонировали, вы должны знать, что биологически это неверно.

Гален угрюмо улыбнулся.

– Не стану настаивать. – Он завершил очередной круг и остановился напротив Майлза. – Наверное, ты не виноват в том, что появился на свет. Но почему ты так и не восстал про-

тив этого чудовища – твоего отца? Он сделал из тебя то, что ты есть... – Широкий взмах руки Галена словно стер с лица земли нелепую, искореженную, подростковую фигуру, стоящую перед ним. – Какой властью обладает этот диктатор, если может гипнотизировать не только собственного сына, но и чужих сыновей? – Лежащая ничком фигура на комм-экране снова притянула к себе взгляд Галена. – Почему ты идешь за ним? Почему за ним идет Дэвид? Что за извращенное удовольствие получает мой сын, вползая в мундир барраярского громилы и шагая следом за Форкосиганом?

Гален очень неубедительно изображал насмешку: в его голосе была неподдельная боль.

Вспыхнув, Майлз отрезал:

– Но мой отец никогда не бросал меня в беде!

Голова Галена дернулась, последний намек на веселье исчез. Он резко отвернулся и двинулся к банкетке за инъектором.

А Майлз мысленно проклял свой длинный язык. Если бы не его мальчишество и тщеславное желание оставить за собой последнее слово, этот человек продолжал бы говорить, и он узнал бы что-то полезное. А теперь говорить будет он, а узнавать – Гален.

Двое охранников взяли его за локти. Тот, что стоял слева, поднял рукав. Ну вот, начинается. Гален прижал инъектор к вене на локтевом сгибе Майлза, и тот услышал шипение, а потом ощутил легкое жжение.

– Что это? – успел спросить Майлз. Он успел заметить, каким детски слабым и неуверенным стал его голос.

– Суперпентотал, разумеется, – деловито бросил Гален.

Майлз не удивился, хотя внутренне весь сжался, зная, что его ждет. Он изучал фармакологию суперпентотала, его применение и действие в курсе безопасности в Императорской военной академии Барраяра. Средство использовали для допроса не только в имперской службе, но и по всей галактике, поскольку это был почти идеальный препарат – безвредный для допрашиваемого даже при повторных дозах и обладающий сокрушающей эффективностью. Правда, он не представлял опасности вообще, а в частности... Существовало мизерное количество несчастных, у которых была на него естественная или искусственно созданная аллергическая реакция. Майлза никогда не считали нужным подвергнуть операции по созданию искусственной аллергии: он представлял собой гораздо большую ценность, чем любая секретная информация. Другие агенты-шпионы были не столь удачливы. Анафилактический шок – это еще менее красивая смерть, чем дезинтеграционная камера, к которой обычно приговаривают шпионов.

Майлз в отчаянии ждал, когда превратится в маразматика. Адмиралу Нейсмиту приходилось присутствовать при многочисленных допросах с применением суперпентотала. Это средство вызывало мощный прилив добродушия и болтливости и уносило всю способность логически мыслить. Наблюдать такое было забавно – человек вел себя как кошка, хлебнувшая валерьянки. Еще несколько секунд – и он сам превратится в такую вот кошку.

Отвратительно думать, что капитан Галени был так же постыдно обработан. Да еще четыре раза кряду, судя по его словам. Неудивительно, что он такой дерганный.

Майлз почувствовал, как у него колотится сердце, словно от слишком большой дозы кофеина. Его зрение обострилось до почти болезненной четкости. Контуры предметов начали светиться, а сами предметы почти физически стали давить на него. Гален, отступивший к пульсирующему окну, превратился в обнаженную электросхему, включенную в цепь и полную смертельного напряжения.

О нет, на добродушие это не походило.

Видимо, наступает естественная кома. Майлз сделал последний вдох. Вот удивятся допрашивающие...

Но, к великому изумлению Майлза, он продолжал тяжело дышать. Значит, это не анафилактический шок. Просто еще одна чертова индивидуальная реакция. Он только надеялся, что это не вызовет тех кошмарных галлюцинаций, которые случились после чертова успокоительного, которое ему дал когда-то неопытный доктор. Вдруг Майлзу захотелось кричать. Его зрачки резко дергались в ответ на малейший жест Галена.

Охранник пододвинул Майлзу стул и помог усесться. Майлз благодарно упал на сиденье, сотрясаясь от безудержной дрожи. Ему казалось, что сознание разрывается на части, как ветхая ткань, а потом куски складываются обратно, словно на экране кто-то крутит запись фейерверка сначала в одну, потом в другую сторону. Гален хмуро смотрел на него.

– Опиши процедуры системы безопасности для входа и выхода из баррайрского посольства!

Наверняка они уже выжали эту информацию из капитана Галена – значит, просто проверяют действие суперпентотала.

– ...действие суперпентотала. – Майлз услышал, как повторяет вслух свои мысли. О дьявол! Он надеялся, что его индивидуальная реакция включает в себя способность не вываливать свои мысли наружу. – ...Что за отвратительная картина...

Качая головой, Майлз уставился на пол у своих ног, словно ожидая увидеть там месиво из кровавых кусочков собственного мозга.

Сер Гален шагнул вперед и рывком приподнял ему голову, прошипев сквозь зубы:

– Опиши процедуры системы безопасности для входа и выхода в баррайрское посольство!

– Этим занимается сержант Барт, – импульсивно начал Майлз. – Несносный болван! Никакого *savoir-faire*³, полнейший солдафон.

Не в силах остановиться, он выдал не только шифры, пароли, места установки сканеров, но и расписание дежурств, свое личное мнение обо всех служащих, в придачу едко раскритиковав недостатки системы безопасности. Одна мысль влекла за собой следующую взрывной цепочкой, наподобие цепочки шуток. И Майлз говорил как заведенный, весело и бессвязно.

Он не только не мог остановиться сам – Гален тоже был бессилен остановить его. Обычно допрашиваемые под суперпентоталом, увлекаемые ассоциациями, отклоняются от предмета, и лишь постоянные подсказки следователя возвращают их к теме. Майлз обнаружил, что проходит через то же самое, только со страшной, небывалой скоростью. Обычных допрашиваемых можно остановить словом, но Майлз замолкал только тогда, когда Гален отвечивал ему несколько тяжелых пощечин. Тогда Майлз сидел некоторое время молча и тяжело дышал.

Пытка не входила в программу допроса под суперпентоталом, потому что счастливо одурманенные жертвы попросту не чувствовали боли. С Майлзом было иначе – боль то приливала, то уходила; то он испытывал сонливость, то мука обжигала его, полностью опустошая разум. К собственному ужасу, он вдруг расплакался. Потом так же неожиданно перестал, глупо икая.

Гален стоял как зачарованный и рассматривал Майлза с явным отвращением.

– Что-то не так, – пробормотал один из охранников. – Он что, нейтрализует действие суперпентотала благодаря какой-то новой обработке?

– Да нет, какая там нейтрализация, – возразил Гален и взглянул на часы. – Он не скрывает информацию. Только дает больше, чем надо. В тысячу раз больше.

Комм действительно засигналил.

– Я подойду, – предложил Майлз. – Наверное, это меня.

Майлз вскочил со стула, но колени у него подогнулись, и он повалился лицом в ковер. Жесткий ворс уколол щеку. Двое охранников тут же подняли его и снова усадили на стул. Комната медленно плыла кругами, то в одну, то в другую сторону. На вызов ответил Гален.

³ Сметливость, ловкость (*фр.*)

– Докладываю. – Из комм раздался собственный решительный голос Майлза в его барраярском воплощении.

Лицо клона показалось Майлзу не таким уж знакомым, как то, которое он каждый день видел в зеркале.

– У него пробор не на ту сторону, – заметил Майлз, ни к кому не обращаясь. – Ах нет...

Все равно никто его не слушал. Майлз начал размышлять об углах падения и отражения, и его мысли со скоростью света отскакивали от зеркальных стен его пустого черепа.

– Ну как? – Гален тревожно подался к пульта.

– Я чуть не провалился в первые пять минут. Тот здоровый сержант-водитель в дендарийской форме оказался чертовым кузеном. – Голос клона звучал тихо и напряженно. – К счастью, мне удалось превратить недоразумение в шутку. Но они поселили меня с этим подонком. А он храпит.

– Вот уж точно, – подхватил Майлз как ни в чем не бывало. – А чтобы развлечься по настоящему, подождите, пока он начнет во сне заниматься любовью. Черт, хотел бы я, чтобы мне снились такие сны. У меня бывают только кошмары: например, я играю в поло против команды мертвых цетагандийцев, а мячом служит голова лейтенанта Марко. Она кричит каждый раз, как я ударом гоню ее к воротам. А потом я падаю и попадаю под копыта...

Никто не обращал на него внимания, и бормотание Майлза стыдливо заглохло.

– Тебе придется иметь дело со множеством людей, которые его знали, прежде чем все будет кончено, – резко ответил Гален изображению дубль-Майлза. – Но если тебе удастся обмануть Форпатрила, ты сможешь продержаться где угодно...

– Можно обманывать всех некоторое время или некоторых все время, – прочирикал Майлз, – но Айвена можно обманывать всегда, везде и повсюду. Он ни на что не обращает внимания.

Гален бросил на него раздраженный взгляд.

– Посольство – идеальный испытательный микрокосм, – продолжил он, обращаясь к комм-пульту, – перед твоим выходом на большую арену Барраяра. Присутствие Форпатрила дает тебе великолепную возможность практиковаться. Если он тебя раскусит, что ж, мы найдем способ убрать его.

– Угу. – Похоже, клона это слабо утешило. – Пока мы не начали, мне казалось, ты набил мне голову всем, что только можно знать о Майлзе Форкосигане. А потом, причем в последнюю минуту, ты выясняешь, что все это время он вел двойную жизнь... Что еще ты пропустил?

– Майлз, мы уже все это обговорили...

Майлз с изумлением понял, что Гален называет клона его именем. Неужели он настолько слился со своим персонажем, что собственное имя отбросил за ненадобностью? Странно...

– Ты всегда знал, что будут существовать пробелы и тебе придется импровизировать на ходу. Но лучшей возможности, чем его случайный визит на Землю, у нас не будет. Бессмысленно ждать еще полгода, а потом пытаться устроить подмену на Барраяре. Нет. Сейчас или никогда. – Гален сделал глубокий вдох, успокаиваясь. – Так. Ночь ты провел нормально.

Клон фыркнул:

– Угу, если не считать того, что меня чуть не задушила проклятая черная шуба.

– Что? А, живой мех. Разве он не подарил его своей бабе?

– Оказывается, нет. Я чуть не обделался, прежде чем до меня дошло, что это такое. Даже кузена разбудил.

– Он что-нибудь заподозрил? – стремительно бросил лже-Майлзу Гален.

– Я сказал ему, что увидел страшный сон. Похоже, с Форкосиганом такое частенько случается.

Майлз рассудительно кивнул:

– И я вам говорил то же самое. Оторванные головы... сломанные кости... изуродованные родственники... необычные изменения важных частей моего тела...

Похоже, суперпентотал оказывал странное воздействие на его память: именно это, вероятно, и делает его таким эффективным допросным средством. Недавние сны вспоминались Майлзу сейчас гораздо отчетливее, чем сразу после пробуждения. Хотя это было великим утешением – что они имели свойство забываться.

– Форпатрил говорил что-нибудь об этом утром? – спросил Гален.

– Нет. Я с ним почти не разговариваю.

– Это на меня не похоже, – услужливо вставил Майлз.

– Делаю вид, что у меня небольшой приступ депрессии, которые описаны в докладе о его психоукладе... А это кто? – Клон вытянул шею, пытаясь разглядеть Майлза.

– Сам Форкосиган. Мы ввели ему суперпентотал.

– А, хорошо. А то меня все утро домогаются по зашифрованному комм-каналу его наемники – ждут указаний.

– Мы договорились, что ты будешь избегать их.

– Прекрасно, только скажи им об этом сам.

– Когда ты сможешь получить приказ о возвращении из посольства на Барраяр?

– В любом случае не так скоро, чтобы удалось избежать контактов с дендарийцами. Я заговорил об отъезде с послом, но оказалось, Форкосиган возглавляет поиски капитана Галени. Посол очень удивился, что это мне вздумалось уехать в такой момент, и я пошел на попятную. Капитан Галени еще не передумал относительно сотрудничества с нами? Если нет, тебе самому придется устроить мне приказ о возвращении, подсунув его курьеру.

Гален замялся:

– Я посмотрю, что тут можно предпринять. И ты не теряй времени даром – пытайся все устроить сам.

«Разве Гален не знает, что нам известно о предательстве курьера?» – подумал Майлз с почти нормальной четкостью. Ему удалось удержаться и только чуть слышно пробормотать эту мысль.

– Ладно. Ты обещал, что оставишь Форкосигана в живых, пока я не улечу. Без него мне не ответить на кое-какие вопросы. И вот первый, кстати. Кто такая лейтенант Боун и что она должна делать с избытком от «Триумфа»? Она не сказала, избыток чего.

Охранник ткнул Майлза в бок:

– Отвечай!

Майлз постарался мыслить и говорить четко:

– Боун – бухгалтер флота. Надо думать, она должна поместить остаток на инвестиционный счет и, как обычно, поиграть с ним. Остаток – это избыток денег. – Майлз чувствовал необходимость в этом разъяснении. И вдруг он горько рассмеялся: – Но им хватит его ненадолго, уверен.

– Этого достаточно? – спросил Гален, обращаясь к лже-Майлзу.

– Пока что – да. Я сказал Боун, что она опытный офицер и должна сама проявлять инициативу, но мне интересно, что именно я приказал ей сделать. Ладно, с этим все. Теперь следующий вопрос. Кто такая Розали Крю и почему она подала в суд на адмирала Нейсмита о возмещении убытков в размере полумиллиона федеральных кредиток?

– Кто? – разинул рот Майлз, искренне изумившись. Охранник снова ткнул его. – Что?

Майлз пытался в своем одурманенном уме перевести кредитки в барраярские марки с большей точностью, нежели просто «жуткое количество деньжищ!». На мгновение ассоциации, связанные с именем Розали Крю, оказались заблокированы, но потом исправно ожили.

– Боги, да это же бедная служащая из винного магазина! Я спас ее от верной гибели в огне. Почему она подала на меня в суд? Почему не подать на Данио, ведь это он спалил магазин... Ну конечно, у него нет денег...

– Но мне-то что с этим делать? – спросил клон.

– Ты хотел быть мной, – огрызнулся Майлз, – вот и соображай. – Но мысли все равно заработали. – Подай на нее ответный иск за ущерб здоровью. По-моему, я надорвал себе спину, когда взваливал ее на закорки. До сих пор ломит...

Тут вмешался Гален.

– Игнорируй это дело, – приказал он. – Ты выберешься отсюда раньше, чем оно получит ход.

– Ладно, – с сомнением отозвался Майлз-клон.

– И оставишь дендарийцев расхлебывать кашу? – возмутился Майлз. Он зажмурился, пытаясь соображать вопреки ужасному головокружению. – Хотя, что тебе дендарийцы. Но если ты не полный идиот, тебе должно быть до них дело! Они рискуют жизнью ради тебя... меня... А ты готов предать их, даже не поинтересовавшись, кто они, что они такое...

– Вот именно, – вздохнул клон. – Кстати, кто или что такое эта командер Куин? Ты выяснил или нет? Может, это его баба?

– Мы просто хорошие друзья, – фальшиво пропел Майлз и не менее фальшиво рассмеялся. Он кинулся к пульту (охранники бросились навстречу, но опоздали) и, перебираясь через стол, зарычал в экран: – Не прикасайся к ней, ты, дерьмецо! Она моя, слышишь? Моя, только моя. Куин, Куин, прекрасная Куин, вечерняя звездочка, милая Куин! – распевал он во все горло, пока охранники отгаскивали его обратно. И только удары кулаков заставили Майлза замолчать.

– Я думал, он у тебя на суперпентотале, – удивился клон.

– Да. Так оно и есть.

– Не похоже!

– Мне тоже все это не нравится. У него вроде бы не должно быть искусственной реакции... А если мы с ним промахнулись, на кой нам черт сохранять ему жизнь в качестве банка данных? Чего стоит такой банк?

– Великолепная мысль! – нахмурился клон. Он оглянулся через плечо. – Мне пора. Выйду на связь вечером. Если буду жив.

И он исчез в сопровождении раздраженного гудка.

Гален снова вернулся к Майлзу со списком вопросов: о барраярском Генштабе, об императоре Грегоре, о том, чем обычно занимается Майлз в столице Барраяра – Форбарр-Султане... И бесконечные вопросы о дендарийских наемниках. Содрогаясь, Майлз отвечал, отвечал и отвечал, не в силах управиться со стремительным потоком собственной речи. Но где-то на середине допроса он вдруг припомнил некую стихотворную строчку и закончил тем, что прочитал весь сонет целиком. Пощечины Галена не могли его сбить: цепочка ассоциаций оказалась настолько сильной, что разорвать ее было невозможно. После этого Майлз уже с большим или меньшим успехом мог игнорировать допрос. Лучше всего воспроизводились произведения с четким ритмом и размером: плохие эпические поэмы, непристойные застольные песни дендарийцев – словом, все, что вспыхивало в мозгу от случайного слова или фразы допрашивающих. Память его оказалась феноменальной. Лицо Галена мрачнело.

– С такой скоростью допроса мы просидим с ним до самой зимы... – высказался наконец один из охранников.

Кровоточащие губы Майлза раздвинулись в маниакальной улыбке.

– «Быть или не быть? Вот в чем вопрос, – прочирикал он. – Что благородней духом – покоряться пращам и стрелам яростной судьбы...»

Он знал эту древнюю пьесу с детства и сейчас живой, ритмичный стих неумолимо вел его за собой. Похоже, Гален заставит его замолчать, только избив до потери сознания. Майлз еще

не дошел до конца акта, как двое расвирепевших охранников поволокли его вниз и швырнули в камеру.

Но там скорострельные нейроны продолжали бросать его от стены к стене: Майлз расхаживал и декламировал, усаживался, вскакивал со скамейки. За женщин он читал высоким фальцетом, почти что пел. Добравшись до последней строки, он упал на пол и лежал, жадно ловя ртом воздух.

Капитан Галени, который забился на край скамьи и последний час сидел, зажав ладонями уши, рискнул поднять голову.

– Вы закончили? – мягко спросил он.

Майлз перекатился на спину и тупо уставился на осветительную панель.

– Гип-гип-ура грамотности... Меня тошнит.

– Неудивительно. – Галени и сам казался совсем больным. Он еще не пришел в себя после парализатора. – Что это было?

– Вы о чем – о пьесе или химсредстве?

– Пьесу я узнал, спасибо. Что за средство?

– Суперпентотал.

– Вы шутите.

– Какие шутки! У меня часто бывает странная реакция на лекарства. Есть целый класс успокоительных, к которым мне нельзя прикасаться. Видимо, суперпентотал из этой компании.

– Вот так везение!

«...На кой нам черт сохранять ему жизнь в качестве банка данных...»

– Не думаю, – сухо заметил Майлз. Он с трудом поднялся на ноги и бросился в туалет. Там его вывернуло наизнанку, и он потерял сознание.

Майлз пришел в себя и сразу почувствовал, как немигающий свет над головой колет глаза. Он прикрыл лицо рукой, стараясь спрятаться от него. Кто-то (Галени?) положил его на скамью. Сам Галени спал напротив, тяжело дыша. На краю скамейки Майлза стояла тарелка с остывшим обедом. Видимо, была глубокая ночь. Майлз с отвращением взглянул на еду и убрал ее с глаз долой, под скамейку. Время ползло адски медленно – медленнее не бывает. Он ворочался, метался, садился, снова ложился... Все тело болело, к горлу то и дело подступала тошнота. Даже сон не шел.

На следующее утро, после завтрака, охранники взяли не Майлза, а Галени. Во взгляде уходящего капитана отразилось суровое отвращение. Из коридора тут же донесся шум жестокой потасовки: Галени старался заставить применить против себя парализатор – зверский, но эффективный способ избежать допроса. Ему это не удалось. После марафонского промежутка времени тюремщики вернули его глупо хихикающим.

Галени бессильно лежал на скамье еще около часа, время от времени идиотски смеясь, а потом провалился в забытие. Майлз мужественно преодолел соблазн воспользоваться остаточным действием суперпентотала и задать Галени свои собственные вопросы. Увы, после применения препарата допрашиваемые прекрасно помнили, что с ними происходило.

Когда к Галени вернулось сознание, он казался полумертвым. Похмелье после суперпентотала – на редкость неприятное ощущение; в этом реакция Майлза не была индивидуальной. Он сочувственно поморщился, когда Галени совершил неизбежный визит в туалет.

Вернувшись, Галени тяжело опустился на скамью. Его взгляд упал на тарелку с холодным обедом, и Галени с сомнением ковырнул его пальцем.

– Хотите? – спросил он Майлза.

– Нет, спасибо.

– Угу.

Галени запрятал тарелку подальше и бессильно сгорбился на своей лавке.

– Чего они от вас добивались? – поинтересовался Майлз.

– На этот раз их интересовала моя личная жизнь. – Галени рассматривал свои носки, заскорузлые от грязи, но Майлзу показалось, что Галени не видит их. А что он видит? – Похоже, он почему-то не в состоянии поверить в мою искренность. Видимо, убедил себя, что ему стоит только объявиться, свистнуть – и я брошусь к нему, как бросался четырнадцатилетним подростком. Словно все мои прожитые годы ничего не значат. Словно я надел этот мундир шулки ради или от отчаяния, или от растерянности – только не вследствие добровольного и сознательного выбора.

Не было нужды спрашивать, кто такой «он». Майлз только улыбнулся:

– Неужели не из-за шикарных сапог?

– Я просто «ослеплен сверкающей мишурой неонацизма», – флегматично сообщил ему Галени.

– Вот как? Вообще-то у нас феодализм, а не фашизм, если, конечно, не считать попытки централизации, предпринятой покойным императором Эзаром Форбаррой. На «сверкающую мишуру неофеодализма» я бы согласился.

– Мне знакомы принципы барраярского правления, благодарю вас, – любезно заметил доктор исторических наук Галени.

– Если это можно назвать принципами, – пробормотал Майлз. – Все получилось в результате импровизации, знаете ли.

– Да, знаю. А еще меня радует, что вы сведущи в истории в отличие от большинства молодых офицеров, выпускников академии.

– Так... – неопределенно протянул Майлз. – А если не из-за золотых эполет и начищенных сапог, из-за чего вы все-таки с нами?

– О, ну конечно, – Галени закатил глаза к осветительной панели, – я «получаю садистское психосексуальное удовлетворение, реализуя себя как громила и головорез». Это просто «способ самоутверждения».

– Эй! – Майлз помахал ему рукой, не вставая с места. – Говорите со мной, а не с ним, ладно? Сейчас моя очередь, его уже прошла.

– Угу. – Галени мрачно скрестил руки на груди. – В некотором смысле это правда. Я действительно хочу самоутвердиться. Или хотел.

– Если уж на то пошло, для барраярского высшего командования это не секрет.

– Как и для всех барраярцев, хотя люди, не принадлежащие к вашей культуре, этого не видят. Как, по их мнению, такому закоснелому кастовому обществу, как ваше, удалось пережить столетие невероятных стрессов – я имею в виду время после Периода Изоляции – и не взорваться? В некотором роде имперская служба взяла на себя функцию, сходную с ролью средневековой церкви здесь, на Земле, – функцию предохранительного клапана. С ее помощью любой талант может отмыть свое кастовое происхождение. Двадцать лет на имперской службе – и ты выходишь из нее почетным фором. Может, имена и не меняются со времен Дорки Форбарры, когда форы были замкнутой кастой твердолобых громил-всадников...

Майлз с улыбкой отметил эту характеристику поколения своего деда.

– ...но изменилось самое главное. Изменилось мироощущение. Все это время форам удавалось, пусть с великим трудом, сохранять некие основополагающие принципы – служения и самопожертвования. Человек может не сгибаться в три погибели, чтобы взять, но бежит туда, где он может дать, одарить... – Галени резко остановился и покраснел. – Моя докторская диссертация, знаете ли, называлась «Барраярская имперская служба: столетие перемен».

– Я понимаю.

– Я хотел служить Комарре.

– Как ваш отец до вас, – договорил Майлз.

Галени быстро взглянул на него, заподозрив сарказм, но обнаружил, как и надеялся Майлз, только сочувственную иронию.

Галени понимающе кивнул.

– Да. И нет. Никто из кадетов, поступивших на службу одновременно со мной, не видел настоящей войны. А я видел.

– Я подозревал, что вы знакомы с Комаррским восстанием ближе, чем это значилось в докладах, – заметил Майлз.

– Я помогал отцу, – продолжал Галени. – Несколько ночных вылазок, диверсии... Я был не по возрасту низкорослым. Есть места, куда может попасть только заигравшийся ребенок – взрослого схватят и пристукнут. Мне еще не было четырнадцати, а я уже помогал убивать... У меня нет иллюзий относительно того, как вели себя великолепные имперские войска во время Комаррского восстания. Я видел, как люди вот в этих мундирах, – он махнул рукой на свои зеленые брюки с лампасами, – творят зло. Страшное зло. В гневе, от страха, досады или отчаяния, а иногда просто от скуки. Но разве для мертвых, для обычных людей, попавших под перекрестный огонь, имело значение, сожгли ли их плазменным огнем оккупанты или разнесли гравиколлапсами добрые патриоты? Свобода? Что толку притворяться, что на Комарре до появления барраярцев была демократия? Мой отец кричал, что Барраяр уничтожил Комарру, но когда я смотрел вокруг – Комарра оставалась прежней Комаррой.

– Нельзя обложить налогом пустыню, – пробормотал Майлз.

– Я видел одну маленькую девочку... – Галени замолчал, закусил губу и почти выкрикнул: – Единственное, что имеет значение, – это отсутствие войны. Всякой. Я хочу... хотел... чтобы мои поступки приближали это время. Карьера на имперской службе, почетная отставка, пост в министерстве – затем вверх по гражданской лестнице, а потом...

– Вице-король Комарры? – предположил Майлз.

– Так высоко я не метил, – чуть смутился Галени. – Но наверняка – один из его советников. – Майлз почти воочию увидел, как меркнет ослепительная надежда, когда Галени оглядел камеру и губы его растянулись в презрительной усмешке. – Но мой отец заиклился на мщени. «Иностранное правление не только ведет к злоупотреблениям властью, но по сути своей порочно...» «Попытка вернуть ему прежний статус путем интеграции – это не компромисс, а коллаборационизм, капитуляция...» «За твои грехи комаррские революционеры расплатились своими жизнями...» И так далее и тому подобное.

– Значит, он все еще пытается уговорить вас перейти на его сторону?

– О да. Мне кажется, он будет убеждать меня, даже спуская курок.

– Не то чтобы я просил... э-э... поступиться принципами или что-то в этом роде, но я пойму вас, если вы, скажем, попросите сохранить вам жизнь, – робко сказал Майлз. – «Отступивший выживает для следующего боя» и все такое прочее.

Галени покачал головой:

– Именно поэтому я не могу отступить. Не «не хочу», а «не могу». Отец так устроен, что не способен доверять. Если я перемену свои позиции, он тоже их переменит – и так же сильно захочет убить меня, как сейчас убеждает себя сохранить мне жизнь. Он уже пожертвовал моим братом. В определенном смысле смерть матери тоже связана с этой потерей – и другими потерями, на которые отец шел без колебаний ради своего Дела. – Галени добавил, внезапно смутившись: – Наверное, звучит все ужасно по-эдиповски. Но... это так романтично – выбирать самый трудный жребий. В этом весь отец.

Майлз покачал головой:

– Готов признать, что вы знаете его лучше меня. И тем не менее... Ну ладно, людей гипнотизирует трудный выбор. И они перестают искать альтернативу. Воля к безмыслию – великая сила...

Это замечание заставило Галени удивленно поднять брови.

– ...но альтернатива тем не менее существует. Всегда. Право же, важнее сохранять верность человеку, а не принципу.

Галени улыбнулся:

– Полагаю, я не должен удивляться, слыша такое от барраярца. От члена общества, которое традиционно связано цепью присяг, а не стройной законодательной системой... Это дает себя знать политика вашего отца?

Майлз подумал немного.

– Если честно – теология моей матери. Исходя из совершенно разных предпосылок, мать и отец пришли к странному на первый взгляд единству. Ее теория заключается в том, что принципы приходят и уходят, а человеческая душа бессмертна. Стало быть, человек и его душа – прежде всего. Мать бывает чрезвычайно логичной. Она ведь бетанка.

Галени с интересом подался вперед, зажав ладони между колен.

– Меня гораздо больше удивляет, что ваша мать вообще имела отношение к вашему воспитанию. Насколько я знаю, барраярское общество имеет тенденцию к... э-э... агрессивной патриархальности. А графиня Форкосиган славится тем, что она – самая невидимая из жен политиков.

– Угу, невидимая, – просияв, согласился Майлз. – Как воздух. Если бы он вдруг исчез, вы бы не заметили. До той минуты, когда придется делать следующий вдох.

Он подавил острую боль, представив лицо матери, и еще более острый страх: «Если я на этот раз не вернусь...»

Галени вежливо-недоверчиво улыбнулся:

– Трудно себе представить, чтобы великий адмирал уступал... э-э... супруге.

Майлз пожал плечами:

– Он уступает не супруге, а логике. Мать – одна из немногих известных мне людей, кто полностью победил волю к безмыслию. – Майлз задумчиво нахмурился. – Ваш отец – человек неглупый. Он скрылся от службы безопасности, он смог разработать план действий, оказавшихся успешными – по крайней мере на этот час, он имел запасной вариант, он энергичен, настойчив...

– Да, наверное, – согласился Галени.

– Гм. – Майлз нахмурился.

– Что?

– Один фактор этого заговора не дает мне покоя...

– А я думал, их немало!

Майлз медленно продолжал:

– Я пытаюсь рассуждать логически. Абстрактно. В заговоре как таковом есть нечто такое, что даже с точки зрения вашего отца невозможно понять. Конечно, идет политическая возня; приходится идти на риск. Так всегда бывает, когда пытаешься перевести планы в плоскость реальных действий. Но даже учитывая эти обстоятельства, что-то по сути не так.

– Конечно, это смелый шаг, – ответил Галени. – Но если отцу он удастся, у него будет все. Если ваш клон захватит империю, он окажется в центре барраярской структуры власти. Он будет управлять всем. Абсолютная власть.

– Чушь свиньячья, – отрезал Майлз.

Брови Галени поползли вверх, а Майлз продолжал:

– Пусть на Барраяре нет стройной законодательной системы, но это не значит, что там нет системы как таковой. Вы-то должны знать, что власть императора – не более чем суммарная поддержка военных, графов, министерств и народа в целом. Ужасные вещи происходят с теми императорами, которым не удается выполнить свои обязанности по отношению к вышеуказанным группам. Расчленение императора Ури Безумного произошло совсем недавно. Мой отец мальчишкой присутствовал на этой жуткой, почти средневековой казни. И тем не менее

люди удивляются, отчего он не хотел завладеть империей. Что же получается? Вы видите эту картину? Вот поддельный я, захватывающий трон в результате кровавого переворота, за которым следует быстрая передача власти и привилегий Комарре, скажем, даже предоставление ей независимости. А результаты?

– Продолжайте, – попросил зачарованный Галени.

– Военные будут оскорблены тем, что я отказался от их трудом добытых побед. Графы – что я возвысился над ними. Министерства тоже вознегодуют, поскольку потеря Комарры – источника налогов и крупнейшего торгового узла – резко ограничит их власть. Народ будет оскорблен по всем этим причинам плюс еще потому, что, по мнению большинства, я мутант, то есть нечистое, физически неполноценное существо. Знаете, как это ни дико, но в глубинке до сих пор убивают младенцев с врожденными уродствами, например заячьей губой, хотя закон уже сорок лет назад объявил это преступлением. Если вы можете придумать участь, худшую, чем расчленение заживо, то этот бедный клон идет прямо к ней в объятия. Я не уверен, что даже мне удалось бы взнудать империю и выжить, пусть без комаррских осложнений. А этому мальчишке, сколько ему? Семнадцать, восемнадцать? – И Майлз заключил: – Глупый план. Или...

– Или?

– Или совсем другой план.

– Гм.

– Кроме того, – еще медленнее проговорил Майлз, – для чего Серу Галену, который, если я правильно его понял, ненавидит моего отца гораздо сильнее, чем любит... кого-нибудь, идти на такие трудности только для того, чтобы посадить на барраярский трон потомка Форкосигана? В высшей степени незавершенная месть. И как, если ему каким-то чудом удастся дать мальчишке власть над империей, ваш отец собирается его контролировать?

– Предварительная обработка? – предположил Галени. – Угрозы разоблачения?

– Угу, может быть...

Зайдя в тупик, Майлз замолчал, но ненадолго:

– По-моему, настоящий план вашего отца гораздо проще и умнее. Он намеревается бросить клон в центр борьбы за власть просто для того, чтобы создать на Барраяре неразбериху. Результат борьбы не имеет значения. Клон – всего лишь пешка. Восстание на Комарре должно вспыхнуть в момент наибольшей сумятицы на Барраяре. А если при этом прольется кровь – еще лучше. Видимо, за спиной у вашего отца прячется некий союзник, который в нужный момент шагнет вперед и перекроет выход из пространства Барраяра. Господи, я надеюсь, он не заключил союз с Цетагандой! Дьявольский союз!

– Обмен барраярской оккупации на цетагандийскую кажется мне шагом с нулевым эффектом. Отец не сумасшедший. Но что будет с вашим дорогостоящим клоном? – осведомился Галени, пытаясь распутать клубок интриг.

Майлз жестко улыбнулся:

– Серу Галену на это наплевать. Клон не цель, а средство. – Майлз открыл рот. Закрыв. Снова открыл: – Только... я все слышу голос матери. Это от нее у меня великолепный бетанский выговор – тот, которым я пользуюсь в роли адмирала Нейсмита. Я и сейчас ее слышу.

– И что же она говорит? – Брови Галена изогнулись.

– «Майлз, – говорит она, – где брат твой Марк?»

– Ну, клон никак нельзя назвать вашим братом! – изумился Галени.

– Вы ошибаетесь. По бетанским законам он называется именно так.

– Безумие! – Ошеломленный Галени смотрел на Майлза во все глаза. – Ваша мать не могла требовать, чтобы вы заботились об этом создании!

– Еще как могла, – мрачно вздохнул Майлз. К горлу, как тошнота, подступил комок невыразимого ужаса. Как все переплелось, страшно, сложно...

– И это – женщина, которая, по вашим словам, стоит за спиной человека, чья спина – Барраярская империя? Я отказываюсь понимать такое. Граф Форкосиган – прагматик. Посмотрите только на план интеграции Комарры!

– Да, – сердечно предложил Майлз, – вы только посмотрите на него.

Галени кинул на него подозрительный взгляд.

– Люди важнее принципов, а? – догадался он наконец.

– Угу.

Галени устало опустился на скамью. Спустя минуту уголок его рта чуть приподнялся.

– А вот мой отец, – пробормотал он, – всегда был человеком... глубоко принципиальным.

Глава 10

С каждой минутой надежд на освобождение оставалось все меньше. Через некоторое время был доставлен еще один завтрак. Это означало – если можно положиться на такие часы, – что пошел третий день заточения Майлза. Судя по всему, клон не совершал грубых ошибок, которые непременно выдали бы его Айвену и Элли. А уж если ему удастся провести Айвена и Элли, он проведет кого угодно. Майлз содрогнулся.

Глубоко вздохнув, он соскочил со скамьи и заставил себя проделать несколько физических упражнений, пытаясь освободить мозг от остатков суперпентотала. Галени, олицетворявший малоприятный синдром лекарственного похмелья, депрессии и бессильной ярости, растянулся на скамье, молча глядя на Майлза.

Астматически хрипя, потев и с трудом держась на ногах, Майлз принялся расхаживать по камере, чтобы привести мысли в порядок. В камере начинало вонять, что отнюдь не способствовало хорошему самочувствию. Без особой надежды Майлз прошел в туалет и испытал свой трюк с затыканием носком раковины. Как он и подозревал, та же сенсорная система, которая включала воду, когда он подставлял руки под кран, отключила ее прежде, чем жидкость начала переливаться через край. Унитаз работал на таком же безотказном принципе. Но даже если бы Майлзу и удалось принудить тюремщиков открыть дверь, Галени уже продемонстрировал, что они не более чем кролики под дулами парализаторов.

Нет. Это все не годится. Единственной связью с противником был поток информации, которую те рассчитывали из него выжать. В конце концов, это единственная причина, почему он еще жив. Из всех рычагов, которые можно привести в действие, этот – самый действенный. Если клон ведет себя безупречно, ему надо помочь – научить делать ошибки. Но как этого добиться, если ты накачан суперпентоталом? Можно, конечно, встать посреди комнаты и декламировать фальшивые признания, взирая на осветительную панель, а-ля капитан Галени, но вряд ли такое воспримут всерьез.

Майлз сидел на скамье, хмуро разглядывая замерзшие ступни (влажные носки он разложил сушиться), когда щелкнул замок. Двое с парализаторами. Один из охранников направил оружие на Галени, который вызывающе улыбался, не двигаясь с места. Палец охранника лежал на спусковом крючке: сегодня колебаний не заметно, Галени в сознании им явно не нужен. Второй сделал Майлзу знак выходить. Если капитана Галени сразу же парализуют, как в прошлый раз, Майлзу нет смысла в одиночестве драться с охранниками. Он вздохнул и подчинился.

Оказавшись в коридоре, Майлз изумленно выдохнул: его ждал клон, пожирая своего двойника глазами.

Дубль-Майлз был одет в форму адмирала дендарийцев, сидевшую на нем просто идеально.

Нервным жестом он приказал охранникам ввести Майлза в кабинет. На сей раз его крепко привязали к стулу посередине комнаты. Как интересно – Галена не было!

– Ждите за дверью, – приказал клон. Охранники переглянулись, пожали плечами и послушно удалились, прихватив с собой пару мягких стульев.

Когда дверь за ними захлопнулась, воцарилась глубокая тишина. Двойник медленно обошел вокруг Майлза, держась от него на безопасном расстоянии, словно тот был коброй. Остановившись лицом к Майлзу примерно в полутора метрах от него, клон присел на письменный стол, покачивая ногой. Майлз узнал свою любимую позу. Он больше никогда не сможет ее принять, не смутившись: клон украл у него маленький кусочек жизни. Один из кусочков. Майлз вдруг почувствовал себя обворованным, измотанным, потрепанным. И испуганным.

– Как... э-э... – начал он и откашлялся, чтобы прочистить пересохшее горло. – Как тебе удалось удрать из посольства?

– Все утро я исполнял обязанности адмирала Нейсмита, – сказал клон. Майлзу показалось, что голос его звучит слишком самодовольно. – Твоя телохранительница думала, что передает меня службе безопасности барраярского посольства. Барраярцы сочтут мою комаррскую охрану за дендарийцев. Так я получил немного неучтенного времени. Ловко, а?

– Рискованно, – заметил Майлз. – И чего ты хотел этим добиться? Суперпентотал на меня не очень-то действует. – И в самом деле, Майлз заметил, что иньектора нигде не видно. Пропал, как и Сер Гален. Любопытно.

– Это не имеет значения. – Клон сделал резкое движение, словно что-то отбрасывая. (Вот и еще кусочек оторван от Майлза – р-раз!) – Мне безразлично, скажешь ты правду или соврешь. Я просто хочу услышать, как ты говоришь. Увидеть тебя, хотя бы раз. Ты, ты, ты... – Голос клона понизился до шепота: – До чего ж я тебя ненавижу!

Майлз снова прочистил горло.

– Я мог бы напомнить тебе, что мы только три дня как знакомы. Что бы с тобой ни происходило, я здесь ни при чем.

– Ты, – сдавленным голосом ответил клон, – убиваешь меня самым фактом своего существования. Мне больно от того, что ты можешь дышать. – Он прижал ладонь к груди. – Скоро все это кончится, к счастью. Но Гален обещал мне, что сначала я с тобой поговорю. – Клон отшатнулся от стола и стал расхаживать по комнате. Майлз вздрогнул. – Да, он обещал мне это!

– И где же сегодня Сер Гален? – осведомился Майлз.

– Отлучился. – Клон одарил его кислой улыбкой. – Ненадолго.

Майлз поднял брови:

– Так наш разговор идет без его разрешения?

– Он обещал мне! А потом пошел на попятную. И не говорит почему.

– Ага. Вчера?

– Да. – Клон перестал метаться по комнате и прищурился. – А что?

– Наверное, дело в том, что я сказал, размышляя вслух, – заметил Майлз. – Боюсь, я разгадал одну комбинацию, о которой тебе знать не следует. И Гален испугался, что я выболтаю это под суперпентоталом. Ну что ж, мне это на руку. Чем меньше ты из меня вытянешь, тем больше вероятность, что на чем-нибудь да споткнешься.

Майлз ждал, затаив дыхание, на какую из наживок клюнет клон? По телу пробежала нервная дрожь, как перед решающей фазой грандиозного сражения.

– Ладно, поверю, – добродушно согласился клон. Глаза его саркастически блеснули. – Выкладывай.

Когда ему было семнадцать, как сейчас клону, что он делал? Изобретал дендарийцев, вспомнил Майлз. Может, не следует недооценивать свое второе «я»? Каково оно – быть клоном? Где кончается сходство и начинается различие?

– Ты – пешка, – прямо заявил Майлз. – Гален не хочет, чтобы ты выжил.

– Ты думаешь, я сам до этого не додумался? – усмехнулся клон. – Я знаю, он не верит, что я смогу стать императором. Никто не верит...

У Майлза перехватило дыхание, как от удара в солнечное сплетение.

– Но я им докажу. Сера Галена, – блеснул глазами клон, – ждет большой сюрприз, как только я приду к власти.

– И тебя тоже, – мрачно предсказал Майлз.

– По-твоему, я тупица? – возмутился клон.

Майлз покачал головой:

– Боюсь, двух мнений тут быть не может.

Клон натянуто улыбнулся:

– Гален и его друзья целый месяц мотались по Лондону, пытаясь устроить подмену. Это я посоветовал им заставить тебя похитить самого себя. Я знаю тебя лучше, чем все они, вместе взятые. И я знал, что ты не устоишь. Я могу перехитрить тебя.

Что очевидно – по крайней мере в этом случае. Майлз постарался справиться с накатившим отчаянием. Парнишка хорош, слишком хорош: он усвоил все, вплоть до отчаянного напряжения, разрывающего каждый мускул его тела. Р-раз! Или это врожденное? Могли ли разные стрессы привести к одинаковым искажениям? А что там, за этими горящими серыми глазами, в голове...

Взгляд Майлза упал на дендарийский мундир. Его собственные знаки различия зловредно подмигнули ему.

– Но можешь ли ты перехитрить адмирала Нейсмита?

Клон самодовольно улыбнулся:

– Сегодня утром я освободил из тюрьмы своих солдат. А ты этого сделать не смог.

– Данио? – только и мог выдать из себя Майлз.

«Ох нет, скажи, что это не так...»

– Вернулся к исполнению своих обязанностей, – снисходительно кивнул клон.

Майлз подавил стон.

Клон помолчал, щурясь, посмотрел на Майлза и несколько утратил решимость:

– Кстати об адмирале Нейсмите: ты спишь с этой женщиной?

«Какую жизнь вел этот парнишка? – снова подумал Майлз. – Тайную, разумеется, за ним всегда наблюдали, его усиленно обучали, следили за всеми контактами... Почти монашескую жизнь. Сообразили ли комаррцы включить в его подготовку женщину или он – семнадцатилетний девственник? В таком случае клон явно сексуально одержим...»

– Куин, – сказал Майлз, – на шесть лет старше меня. Многоопытна. Привыкла видеть в партнерах высокую степень утонченности. Ты знаком с приемами любовных культов Дива Тау, которые практикуются на станции Клайн? – Безопасный вопрос, решил Майлз, поскольку импровизировал на ходу. – Знаешь ли ты Семь Тайных Путей к Женскому Наслаждению? После четырех-пяти оргазмов она может дать тебе передышку...

Клон обошел вокруг него с крайне неуверенным видом:

– А по-моему, все это враки.

– Может быть, – белозубо улыбнулся Майлз, жалея только о том, что его фантазия не соответствует действительности. – Но только подумай как следует, прежде чем это проверить.

Клон бросил на него яростный взгляд. Майлз ответил тем же.

– У тебя кости такие же ломкие, как у меня? – внезапно спросил Майлз. Ужасная мысль. Вдруг из-за каждого удара, перенесенного им, они ломали дубль-Майлзу соответствующую кость? Вдруг за каждый непродуманный риск клон платил сполна: тогда у него действительно есть повод для ненависти...

– Нет.

Майлз тайком облегченно вздохнул. Так. Значит, медсканеры дадут разную картину.

– Видимо, план рассчитан на короткий срок, а?

– Я намерен быть наверху уже через полгода. – Клон вскинул голову.

– Так я и понял. И чей космический флот блокирует подход к баррарейской неразберихе, пока на Комарре будет полыхать восстание?

Майлз старался говорить небрежно, словно этот «мелкий» факт мало интересовал его.

– Мы собирались обратиться к цетагандийцам. Но не понадобилось.

Вот этого он больше всего и боялся...

– Не понадобилось? Рад это слышать. Но почему во всем этом безумии вдруг мелькнул проблеск здравого смысла?

– Мы нашли кое-что получше. – Клон гадко ухмыльнулся. – Независимое военное соединение, очень опытное, формально ни с кем не связанное – всегда есть риск, что партнер или союзник захочет вмешаться куда не следует. А самое главное – прямо-таки яростно преданное мне. Готовое на смерть ради любой моей прихоти. Дендарийцы.

Майлз попытался схватить клона за горло. Тот отпрянул. Поскольку Майлз был крепко привязан к стулу, то упал вперед, ткнувшись носом в жесткий ворс ковра.

– Нет, нет, нет! – закричал он, пытаясь высвободиться. – Дебил! Это будет бойня!..

В дверь вломились двое комаррских охранников:

– Что случилось?

– Ничего. – Побледневший клон осмелился выйти из-за комм-пульта, куда поспешно отступил. – Он упал. Посадите его, ладно?

– Упал – или столкнули? – пробормотал один из комаррцев, когда они водрузили стул на место. Охранник с интересом уставился на лицо Майлза. Теплая влага, быстро остывая, текла по заросшей щетиной верхней губе. Нос разбит? Майлз скосил глаза и слизнул соленую кровь. Спокойно. Клон никогда не зайдет с дендарийцами так далеко. Однако ожидающее его фиаско вряд ли послужит утешением покойному Майлзу Форкосигану.

– Вам не нужна... э-э... помощь? – спросил у клона старший из комаррцев. – Попытки, знаете ли, это наука. Как причинить максимальную боль при минимальных повреждениях. У меня был дядя, который рассказывал, что выделявали барраярские громилы, когда не действовал суперпентотал.

– Ему не нужна помощь! – рявкнул Майлз в тот самый момент, когда клон начал отвечать:

– Мне не нужна помощь...

Оба замолчали, уставясь друг на друга. Майлз уже взял себя в руки и старался отдышаться. Клон несколько опешил.

Если бы не эта трехдневная щетина, сейчас самое время завопить, что Форкосиган привязал его к стулу, отобрал одежду и что клон – это он, неужели они не видят этого, кретины! Увы, шанс не для него.

Тем временем клон выпрямился, пытаясь вернуть утраченное было достоинство.

– Оставьте нас, пожалуйста. Когда вы понадобится, я позову.

– А может, это я вас позову, – во всеуслышание заявил Майлз.

Клон одарил его яростным взглядом. Комаррцы вышли, недоуменно переглядываясь.

– Пустая затея, – начал Майлз сразу же после ухода охранников. – Тебе следует усвоить, что дендарийцы и впрямь отборные воины, но в масштабах планеты это малая сила. Малая. Ты понимаешь, что такое «малая»? Малая сила предназначается для скрытых операций, удара и побега, сбора информации. А не для взаимного обмена ударами на громадном пространстве, где за противником ресурсы и воля целой планеты. Ты совершенно не разбираешься в военной экономике! Готов поклясться, дальше этих шести месяцев ты ничего не видишь. Что ж, зато и погибнешь до срока.

Улыбка клона была бритвенно-острой.

– Дендарийцам, как и мне, предназначена роль пешек. А мертвым наемникам платить не надо. – Он помолчал, с любопытством глядя на Майлза: – Ну и на сколько месяцев вперед видишь ты?

– В последние дни – лет на двадцать, – мрачно ответил Майлз.

Так оно и было, но много ли от этого пользы? Взять, к примеру, капитана Галени. Майлз уже видел его вице-королем Комарры (лучшего и представить нельзя). Его гибель означала бы не просто кончину имперского офицера с туманным прошлым, а потерю первого звена в цепи тысяч жизней, стремящихся к менее мучительному будущему. К будущему, где лейтенанта Майлза Форкосигана наверняка сменит граф Майлз Форкосиган, которому понадобятся здра-

вомыслящие друзья у кормила власти. Если ему удастся вытащить капитана Галени из этой заварушки живым и в здравом уме и трезвой памяти...

– Хотя, – признался Майлз, – в твоём возрасте я жил ближайшей минутой.

Клон хмыкнул:

– И это было лет сто тому назад, а?

– Так теперь кажется. У меня всегда было чувство, что я должен спешить, если хочу все успеть.

– Как в воду глядел. Посмотрим, сколько ты успеешь в ближайшие сутки. Именно тогда мне приказано улетать. А ты в этот момент станешь лишним.

Так скоро... На эксперименты времени не осталось. Ни на что не осталось времени – надо оказаться правым и сразу же. Сию минуту. Без промедления.

Майлз сглотнул.

– Вам следовало запланировать и смерть премьер-министра. Иначе не произойдет децентрализации барраярской власти, даже если император Грегор будет уничтожен. Так скажи мне, – Майлз тщательно подбирал слова, – какую судьбу вы с Галеном готовите нашему отцу?

Голова клона дернулась.

– Не выйдет! Ты мне не брат, и Мясник Комарры мне не отец.

– А как насчет матери?

– У меня нет матери. Я – из репликатора.

– И я тоже, – заметил Майлз. – Ведь медики поставили на мне крест. Насколько я знаю, для матери это не имело никакого значения. Будучи бетанкой, она полностью свободна от предубеждений относительно репликаторной технологии. Для нее не важно, как вы появились на свет, важно то, что вы делаете потом. Боюсь, что судьбы иметь мать тебе не избежать – с той самой минуты, как она узнает о твоём существовании.

Клон жестом отогнал призрак графини Форкосиган.

– Нулевой фактор. Она в барраярской политике никакой роли не играет.

– Вот как? – пробормотал Майлз, но не стал настаивать. Не до того. Времени нет. – И ты все-таки продолжаешь игру, зная, что Сер Гален обрек тебя на смерть?

– Вот стану императором Барраяра, тогда посмотрим, как быть с Сером Галеном.

– Если он для тебя ничего не значит и ты намерен предать его, зачем ждать?

Клон склонил голову набок и прищурился:

– Это как?

– У тебя есть выбор. – Майлз заставил себя говорить размеренно и спокойно. – Освободи меня сейчас. И поедem со мной. Домой, на Барраяр. Ты мой брат. Нравится тебе или нет, но это биологический факт, и от него никуда не деться. Родню не выбирают, клон ты или нет. Скажи, выбрал бы ты себе в кузены Айвена Форпатрила, будь у тебя возможность выбирать?

Клон чуть не поперхнулся, но прерывать Майлза не стал. В глазах у него загорелся мальчишеский блеск.

– Но Айвен существует. И он такой же твой кузен, как и мой. А ты знаешь, что у тебя есть имя? – вдруг переменял тему Майлз. – Это еще одна вещь, которую на Барраяре не выбирают. Второй сын (это ты, мой брат-близнец, появившийся на свет на шесть лет позже) получает вторые имена своих дедов по матери и отцу, а первому достаются их первые имена. Значит, ты Марк Пьер. Прости за Пьера – дед всегда ненавидел это имя. Ты – лорд Марк Пьер Форкосиган. На Барраяре титул дается с рождения.

Майлз говорил все быстрее и свободнее, черпая вдохновение в горящих глазах клона.

– Кем бы ты хотел быть? Мать позаботится о твоём образовании. Бетанцы высоко ценят образованных людей. Ты когда-нибудь мечтал сбегать? В таком случае как насчет дипломированного звездного пилота Марка Форкосигана? Коммерция? Сельское хозяйство? У нас есть своя, семейная винодельческая фирма. Там все требует трудов – от виноградной лозы до экс-

порта готового вина... Тебя интересует наука? Поезжай к бабушке Нейсмит, на Колонию Бета. Там лучшие в галактике исследовательские академии. А еще у тебя там дядя и тетя, хоть ты их и не знаешь. Двоюродные. Есть еще и троюродные, но они не в счет. А если тебя не привлекает отсталый Барраяр, на Колонии Бета тебя ждет совершенно другая жизнь. Ты даже не представляешь, насколько другая. И там Барраяр со всеми своими неурядицами покажется тебе очаровательной и немного странной ерундой. Там никого не удивит, что ты клон, – это там дело обычное. Выбирай любую жизнь. Вся галактика у твоих ног. Скажи только слово, и они твои!

Майлз вынужден был замолчать, чтобы перевести дыхание.

Клон был бледен.

– Ты лжешь, – прошипел он. – Барраярская служба безопасности не оставит меня в живых.

Увы, этот страх небезоснователен.

– Но ты представь себе на минуту, что все так, как я тебе говорю. Что это может быть так. Что ты можешь обрести все это. Даю тебе слово Форкосигана. Я, будучи лордом Форкосиганом, защищу тебя от всех посягательств, включая Имперскую службу безопасности. – Давая это обещание, Майлз чуть не откусил себе язык. – Гален предлагает тебе смерть на блюде. Я – жизнь. Господи, да я могу закупить ее тебе оптом!

И это называется информационной диверсией? А ведь он собирался подготовить провал клона, если получится...

«Майлз, где брат твой Марк?»

Клон запрокинул голову и истерически захохотал.

– Господи, да ты посмотри на себя! Пленник, привязанный к стулу, в двух шагах от смерти... – Он отвесил Майлзу глубокий иронический поклон. – О благородный лорд, я покорожен вашим благородством. Но почему-то мне кажется, что ваше покровительство гроша ломаного не стоит. – Он шагнул к Майлзу ближе – так близко он еще не подходил. – Чертов псих! Даже защитить себя не можешь! – И клон ударил Майлза по лицу, попав по вчерашним ссадинам. – Ведь не можешь?

Пораженный тем, что сделал, клон бессознательно поднес к губам окровавленную руку. Разбитые губы Майлза раздвинулись в усмешке. Клон поспешно опустил руку.

«Так. Этот тип никогда не бил человека. Готов биться об заклад, и не убивал. Ах, маленький девственник, ну не кровавая ли тебя ждет дефлорация!»

– Не можешь? – повторил клон.

«Ха! Принял правду за ложь, а я-то хотел, чтоб он принял ложь за правду. Да, диверсант из меня... Почему я чувствую, что должен говорить ему правду?.. Потому что он мой брат, и мы все перед ним виноваты. Виноваты, что не обнаружили его раньше, виноваты, что не спасли...»

– Ты мечтал когда-нибудь об освобождении? – негромко спросил Майлз. – Когда узнал, кто ты такой? Или раньше? Да и вообще, какое у тебя было детство? Считается, что сироты всегда мечтают об идеальных родителях, которые спасут их от всех бед. Для тебя это могло бы стать реальностью.

Клон хмыкнул с горьким презрением.

– Вряд ли. Я всегда знал, что к чему. Я с самого начала знал, кто я такой. Видишь ли, клонов на Архипелаге Джексона отправляют на воспитание к платным родителям. У искусственно выращенных клонов вечные проблемы со здоровьем: подверженность инфекциям, сердечно-сосудистая недостаточность... А люди, которые платят за пересадку мозга, хотят очнуться в здоровом теле. У меня был сводный брат... чуть старше меня... – Клон помолчал, сделал глубокий вдох. – Мы вместе выросли. Но он не получил образования. Я научил его немного читать... Перед тем как за мной явились комаррцы, лаборанты увели его. Чисто случайно я снова увидел его. Меня отправили получить пакет в космопорте, хотя я не должен был появляться в городе.

Я увидел брата в здании вокзала: он входил в зал для пассажиров первого класса. Я бросился к нему. Только это был уже не он. В его голове сидел какой-то отвратительный старик. Охранник оттолкнул меня...

Клон резко повернулся к Майлзу:

– О да, я знал, что к чему! Но на этот раз... На этот раз клон с Архипелага Джексона повернет по-своему. Я не позволю тебе сожрать мою жизнь, я выпью твою.

– А куда денешь собственную? – с отчаянием спросил Майлз. – Где тогда будет Марк? Похоронишь его вместе с Майлзом? Ты уверен, что в могиле буду лежать я один?

Клон содрогнулся.

– Когда я стану императором Барраяра, – сказал он сквозь зубы, – никто меня не достанет. Власть – это безопасность.

– Позволь дать тебе совет, – устало улыбнулся Майлз. – Безопасности не существует. Только разные степени риска. И провал.

А если он позволит запоздалому синдрому единственного ребенка погубить себя в последний момент? Есть ли кто-то живой там, за этими до ужаса знакомыми серыми глазами, которые с такой яростью глядят на него? Чем его пронять? Начала. Клон явно чувствует начала. Это в окончаниях у него нет опыта.

– Я всегда знал, – тихо проговорил Майлз (клон придвинулся ближе), – почему у моих родителей не было детей, кроме меня. Дело не только в повреждении тканей, вызванном солтоксином во время покушения на мать. С технологиями, которые уже тогда существовали на Колонии Бета, можно было иметь кучу детей. Мой отец делал вид, что у него нет ни секунды, что он занят до смерти и потому не может оставить Барраяра, но мать могла взять его генетический материал и полететь на Колонию Бета одна.

Причиной отсутствия других детей был я. Мое уродство. Если бы у отца с матерью родился другой, здоровый сын, на них оказали бы чудовищное социальное давление, чтобы сделать наследником здорового ребенка. Ты думаешь, я преувеличиваю ужас, который испытывает Барраяр перед мутациями? Мой родной дед сам хотел решить этот вопрос, попытавшись удушить меня в колыбели, после того как ему не удалось уговорить мать сделать аборт. Сержант Ботари – у меня с рождения был личный охранник – был ростом в два метра и, не смея поднять оружие на Великого Генерала, поднял его самого и держал у себя над головой, стоя на балконе тридцатого этажа, пока генерал Петер не попросил – очень вежливо – опустить его на пол. После этого они пришли к согласию. Я узнал эту историю от деда много лет спустя. Сержант был неразговорчив.

Позже дед научил меня ездить верхом. И подарил мне кинжал, который ты прицепил себе на пояс. И завещал мне половину своих владений, большая часть которых все еще светится по ночам после цетагандийского ядерного удара. И поддерживал меня в тысяче мучительных, типично барраярских ситуаций, не позволяя отступать, пока я не научусь справляться с ними – или не умру. А умереть мне хотелось часто.

Родители в отличие от деда были невероятно добры и осторожны со мной... Полное отсутствие замечаний с их стороны было ужаснее любого крика. Даже когда мне разрешали рисковать, даже тогда они чересчур опекали меня, ведь они позволили мне задушить всех моих братьев и сестер еще до их рождения. Лишь бы я ни на миг не усомнился, что достаточно хорош для них... – Майлз резко оборвал рассказ, потом добавил с грустью: – Может, и хорошо, что у тебя не было родных. В конце концов, они только сводят вас с ума.

«И как мне теперь спасти этого брата, о существовании которого я не знал, не ведал? Мне нужно выжить, сбежать, разоблачить комаррский заговор, устроить побег капитану Галени, предотвратить убийство императора и отца, не допустить, чтобы дендарийцы попали в мясорубку, а я...

Ладно. Если я спасу брата, все остальное получится само собой. Я прав. Место и время для сражения – здесь и сейчас, пока не вынуто настоящее оружие. Если разорвать первое звено, рассыпется вся цепь».

– Я точно знаю, что я такое, – медленно, каким-то ржавым голосом произнес клон. – Тебе не превратить меня в мертвого глупца.

– Ты – то, чем себя делаешь. Сделай другой выбор – и изменишься.

Клон медлил, чуть ли не впервые встретившись с Майлзом взглядом.

– Какую гарантию ты дашь, чтобы я поверил тебе?

– Слово Форкосигана!

– Ха!

Майлз всерьез рассмотрел эту проблему с точки зрения клона – то есть Марка. Потом, глядя на клона, заговорил:

– До этого дня твоя жизнь строилась на предательстве. Вся. Поскольку у тебя нет опыта доверия, естественно, ты не можешь с уверенностью выносить суждения. Скажи мне сам – какой гарантии ты ждешь? Во что ты можешь поверить?

Клон открыл рот. Потом закрыл его и покраснел.

Майлз едва не улыбнулся.

– Видишь, в чем загвоздка? – тихо спросил он. – Ущербная логика. Человек, который исходит из того, что все – ложь, ошибается так же жестоко, как и тот, что верит, что все – правда. Если тебя не устраивает никакая гарантия, значит, дело не в гарантиях, а в тебе самом. Но ты – единственный, кто может это изменить.

– Что же я могу сделать? – пробормотал клон. В его глазах мелькнуло сомнение...

– Проверь меня! – выдохнул Майлз.

Клон застыл. У Майлза раздулись ноздри. Уже горячо, ох как горячо! Он почти убедил брата...

Распахнулась дверь. В комнату ворвался дымящийся от ярости Гален в сопровождении ошалелых охранников.

– Ах черт, время!... – пробормотал клон. Он нехотя выпрямился и вздернул подбородок.

«Ах черт, как не вовремя!», – мысленно завопил Майлз. Если бы у него была хоть пара минут...

– Какого дьявола ты здесь делаешь? – яростно проскрежетал Гален, будто сани по булыжнику проехали.

– Увеличиваю время на выживание с тех пяти минут, которые продержался бы, ступив на Барраяр, – хладнокровно ответил клон. – Тебе ведь нужно, чтобы я там хоть немного продержался? Разве нет?

– Я же говорил тебе – это слишком опасно! – Гален почти кричал. – Я всю жизнь сражаюсь с Форкосиганами. Они самые хитроумные лжецы, когда-либо облакавшие свой эгоизм, свою алчность в одежды псевдопатриотизма. И этот такой же. Его ложь собьет тебя с пути, одурманит, погубит в конце концов: он тонкая штучка, этот подонок, и он никогда не забывает о собственной выгоде.

– Но ложь, которую он избрал, ужасно интересна. – Клон бил ногой по ковру, как норовистая лошадь: наполовину бунтуя, наполовину извиняясь. – Ты сам заставлял меня учить, как он двигается, разговаривает, пишет. Но я никогда не знал, как он думает.

– А теперь? – угрожающе спросил Гален.

Клон пожал плечами:

– Он псих. По-моему, искренне верит собственной пропаганде.

– Вопрос в том, веришь ли ей ты.

«Ну ведь веришь, веришь?» – затаив дыхание, отчаянно взывал Майлз.

– Нет, конечно. – Клон фыркнул, гордо вскинув голову. Р-раз!

Гален мотнул головой в сторону Майлза:

– Увести! Запереть.

Майлза отвязали от стула и поволокли к двери. Гален шел следом. Через его плечо Майлз увидел клона, который смотрел в пол, возя ногой по ковру.

– Тебя зовут Марк! – крикнул ему Майлз из-за закрывающейся двери. – Марк! Слышишь?

Гален заскрежетал зубами и замахнулся на Майлза. Удерживаемый охранниками, тот не смог увернуться, но отклонился так, что кулак Галена не разбил ему челюсть. К счастью, к Галену тут же вернулись остатки самообладания. Второго удара не последовало.

– Это предназначалось мне или ему? – сладко осведомился Майлз.

– Заприте его! – прорычал Гален. – И не выпускайте, пока я сам не прикажу.

Он резко повернулся и ушел обратно в кабинет.

«Двое на двое, – соображал Майлз, пока охранники поднимали его на следующий этаж. – Или два на полтора. Лучшего шанса не представится, а фактор времени может только ухудшиться».

Когда дверь камеры открылась, Майлз увидел Галени, спавшего на скамье. Уловка человека, уходящего от неизбежной боли единственным доступным способом. Большую часть ночи он размеренно шагал по камере, словно душевнобольной. Бежавший от него сон пришел к нему только сейчас. Чудненько! Именно теперь, когда Майлзу нужно, чтобы он был на ногах в полной боевой готовности!

Все равно попытаться стоит.

– Галени! – завопил Майлз. – Сейчас, Галени! Давай!

Майлз спиной навалился на ближайшего охранника, стараясь захватить руку, державшую парализатор. В одном из пальцев хрустнула косточка, но Майлз вытряс парализатор из руки охранника и бросил на пол. Ошалевший Галени начал подниматься со скамьи, словно кабан из лужи. Несмотря на полубессознательное состояние, отреагировал он быстро: бросившись к парализатору, схватил его и откатился по полу в сторону от линии огня.

Но охранник уже держал Майлза за горло, отрывая от пола. Серый прямоугольник оказался так близко к лицу, что Майлзу пришлось скосить глаза к носу. Когда комарец нажал на спуск, жужжание парализатора раскололось на кусочки, и голову Майлза разорвала дикая вспышка сине-желтой боли.

Глава 11

Майлз очнулся на больничной койке: обстановка негостеприимная, но привычная. Вдали, за окном, у самого горизонта мерцали во тьме странным зеленым светом остроконечные башни Форбarr-Султана, столицы Барраяра. Значит, он в Императорском госпитале – главной больнице империи. Голые, чистые стены – все тот же строгий суровый стиль, знакомый с детства, когда обследования и операции повторялись так часто, что госпиталь казался Майлзу домом.

Вошел врач. Лет шестидесяти на вид: коротко стриженные седеющие волосы, бледное морщинистое лицо, расплывшаяся с годами фигура. «Др. Гален» – гласила надпись на значке. В карманах у него позвякивали инъекторы. Вероятно, совокупаются там и размножаются. Майлза всегда интересовало, откуда берутся инъекторы.

– Вот вы и очнулись, – радостно сказал врач. – Вы ведь больше от нас не уйдете?

– Уйду?

Майлз был весь опутан трубками и капельницами. Трудно себе представить, что он вообще способен куда-то уйти.

– Кататония. Мир болезненных фантазий. Ку-ку. Короче, безумие. Короче – единственное, куда вы могли бы уйти, насколько я понимаю, а? Это у вас семейное. Голос крови.

Майлз услышал биение красных кровяных телец: они нашептывали тысячи военных тайн, водили пьяные хороводы с молекулами суперпентотала, а их гидроксильные группы полоскались на ветру. Он отогнал от себя странное видение.

Гален опустил руку в карман.

– Ой! – Он выдернул руку, стряхнул с нее инъектор и сунул кровоточащий палец в рот. – Эта дрянь меня тяпнула!

Он взглянул на пол, где молоденький инъектор неуверенно семенил на тоненьких металлических ножках, и раздавил его каблуком. Тот скончался, тоненько пискнув.

– Такой мысленный уход характерен для оживленных криотрупов. У вас это пройдет, – успокоил Майлза доктор Гален.

– Я был мертв?

– Убиты наповал. На Земле. Провели год в криогенной камере.

Как ни странно, это Майлз помнил. Он лежал в хрустальном гробу, как сказочная принцесса, а за заиндеветыми стеклами мелькали шаловливые призрачные фигуры.

– И вы меня оживили?

– Нет, не то. Вы испортились. Худшего случая морозильного ожога я не встречал.

– О! – Майлз озадаченно помолчал, а потом робко добавил: – Значит, я все еще мертвый? Можно, чтобы у меня на похоронах были лошади, как у бабушки?

– Нет-нет-нет, конечно, нет. – Доктор Гален кудахтал, как наседка. – Вам не дозволено умирать, ваши родители запретили. Мы пересадили ваш мозг в новое тело. К счастью, оно оказалось под рукой. Бывшее в употреблении, конечно, но почти новое. Примите мои искренние поздравления, вы опять – девственник. Ну, не умно ли было с моей стороны держать для вас наготове клон?

– Мой кло... мой брат? Марк? – Майлз резко сел, стряхивая с себя трубки. Дрожа, он придвинул к себе столик и уставился, как в зеркало, в полированный металл крышки. Лоб был расчерчен пунктиром больших черных швов. Майлз с ужасом разглядывал свои руки. – Боже мой! На меня напялили труп!

Он взглянул на Галена:

– Если я здесь, что вы сделали с Марком? Куда дели его мозг?

Гален молча ткнул пальцем.

На тумбочке у кровати Майлза стояла большая стеклянная посуда. В ней плавал неповрежденный мозг, напоминавший гриб на ножке, резиновый, мертвый, злобный. Консервирующая жидкость была зеленоватой и вязкой.

– Нет, нет, нет! – завопил Майлз. – Нет-нет-нет!

Он соскочил с постели и схватил банку. Холодная жидкость выплеснулась ему на руки, когда он босиком помчался по коридору в развевающейся больничной рубашке. Здесь всегда найдется лишнее тело: ведь это госпиталь. Вдруг Майлз вспомнил, где оставил одно из них.

Вбежав в какую-то дверь, он оказался в боевом катере над Дагулой IV. Люк катера заело, он не закрывался, и за ним жутко вскипали черные облака, прорезанные желтыми зигзагами молний. Внезапно катер резко накренился, и раненые мужчины и женщины в обгоревшей дендариийской форме повалились на пол, крича и чертыхаясь. Майлз подкатился к краю люка, крепко прижимая к себе банку, и шагнул в пустоту.

Часть времени он парил, часть – падал. Мимо пронеслась кричащая женщина, умоляюще протягивая руки, но он не мог отпустить банку. Ударившись о землю, тело женщины взорвалось.

Майлз каким-то чудом встал на онемевшие ноги. Он чуть не выронил банку. Почва была густая и черная, не земля, а грязь, и она мгновенно засосала его по колено.

Тело и голова лейтенанта Марко лежали на поле битвы – там, где он их оставил. Холодными трясущимися руками Майлз достал содержимое банки и попробовал запихнуть спинной мозг клона в обожженную плазменным огнем чужую шею. Но мозг упрямо отказывался соединяться.

– У него все равно нет лица, – критически заметила голова лейтенанта, лежавшая в нескольких метрах от собственного тела. – Он будет страшен как смерть в моем теле с этой штукой наверху.

– Заткнись, ты не имеешь права голоса, тебя нет, – огрызнулся Майлз.

И тут скользкий мозг вывернулся и упал в грязь. Майлз поднял его и неловко попытался стереть грязь рукавом адмиральского мундира, но грубая ткань, как терка, цепляла кусочки мозга. Она зацепила целый лоскут драгоценной субстанции. Майлз тайком вернул содранный лоскут на место, надеясь, что все решат, что так оно и было, и продолжил запихивать мозг в шею.

...Он распахнул глаза и уставился в пустоту. Майлз задыхался, его била дрожь. Со лба стекали холодные капли пота. Осветительная панель ровно горела на неподвижном потолке камеры, скамья была жесткой и холодной.

– О Господи! Слава Богу! – выдохнул Майлз.

Галени встревоженно склонился над ним, опираясь рукой о стену:

– Все в порядке?

Майлз сглотнул и сделал глубокий вдох.

– И какая же жуть должна привидеться, если радуешься пробуждению даже здесь.

Он провел рукой по холодной надежной скамье. Потом судорожно ощупал швы на лбу. Лоб, слава Богу, был гладкий, голова болела так, будто над ней хорошо поработал хирург-недоучка. Майлз моргнул, зажмурился, снова открыл глаза и с трудом приподнялся на правом локте. Левая рука распухла и саднила.

– Что случилось?

– Сыграли вничью. Мы с одним из охранников парализовали друг друга. К несчастью, второй оставался на ногах. Я очнулся примерно час назад. Получили максимальную дозу. Не знаю, сколько времени мы провели без сознания.

– Много. Но попытка была хорошая. Черт побери! – Майлз с трудом удержался, чтобы не хватить больной рукой о скамью. – Я был так близок к победе! Почти ухватил его!

– Охранника? Мне казалось, это он вас ухватил.

– Да не охранника, клона. Моего брата. Или кто он там. – Обрывки сна всплыли в его сознании, и Майлз содрогнулся. – Какой он, однако, нервный. По-моему, боится угодить в банку.

– А?

– Ага. – Майлз попытался привстать – его мутило после парализатора. Мышцы рук и ног спазматически сокращались. Галени, который явно был не в лучшей форме, проковылял к своей скамье и сел.

Через некоторое время дверь открылась. «Обед», – подумал Майлз.

Охранник махнул парализатором.

– Выходите. Оба!

Второй охранник страховал его сзади, отступив на несколько шагов, и добраться до него не было никаких шансов. Он тоже держал парализатор. Майлзу не понравились их лица: одно серьезное и бледное, второе – нервно подергивающееся.

– Капитан Галени, – подсказал Майлз (его голос прозвучал слишком пискляво), – по-моему, сейчас самое время поговорить с вашим отцом.

На лице Галени сменилось множество чувств: гнев, упрямство, тревога, сомнение...

– Сюда.

Охранник велел им идти к лифту. Они начали падать вниз, к уровню гаражей.

– Вы можете это сделать, а я нет, – уговаривал Майлз чуть слышно и монотонно, стараясь не открывать рта.

Галени зашипел сквозь зубы: разочарование, злоба, понимание, решимость. Когда они вошли в гараж, капитан резко повернулся к ближайшему охраннику и послушно выдавил:

– Я хочу поговорить с отцом.

– Это невозможно.

– Думаю, лучше вам это мне позволить. – В голосе Галени прозвучала угроза, усиленная страхом.

– Это не от нас зависит. Он отдал приказ и уехал. Его здесь нет.

– Так вызовите его!

– Он не сказал мне, где его искать, – устало и раздраженно ответил охранник. – А если б и сказал, я бы все равно его не вызвал. Встаньте вон у того аэрокара.

– А как вы собираетесь покончить с нами? – неожиданно спросил Майлз. – Мне действительно было бы любопытно узнать. Считайте это моей последней просьбой.

И он медленно двинулся к аэрокару, шаря глазами в поисках прикрытия, любого прикрытия. Если удастся перескочить через аэрокар или нырнуть под него, прежде чем они выстрелят...

– Парализуем вас, полетим к южному берегу и сбросим в воду. – Охранник был лаконичен. – Если груз отцепится и вас вынесет на берег, вскрытие покажет, что вы утонули. Больше ничего.

– Не вполне откровенное убийство, – деловито заметил Майлз. – Наверное, вам так проще.

Если он верно оценил этих ребят, они не профессиональные убийцы. Но все когда-то бывает в первый раз. Вон та колонна, пожалуй, достаточно толста, чтобы защитить от парализатора. Разложенные у дальней стены инструменты выглядят многообещающе... Ноги Майлза судорожно напряглись.

– Итак, Мясник Комарры наконец получит свое, – торжественно объявил охранник. – Опосредованно.

Он поднял парализатор.

– Подождите! – взвизгнул Майлз.

– Зачем? Кого еще ждать?

Майлз пытался выдавить хоть подобие ответа, когда двери гаража распахнулись.

– Меня! – крикнула Элли Куин. – Стоять!

И отряд дендарийцев ворвался в гараж. За ту секунду, пока комаррский охранник наводил парализатор на новую цель, дендарийский снайпер успел отключить его. Вторым охранником в панике бросился к лифтовой шахте. Дендариец в мгновение ока налетел на него сзади и уложил лицом вниз.

Элли была уже рядом с Майлзом и Галени, на ходу вытаскивая из уха звуковой датчик подслушивания.

– Господи, Майлз, никак не могла поверить, что это ваш голос! Как вам это удалось?

Тут только она заметила, как он выглядит. На лице ее отразилась тревога.

А Майлз уже поймал ее руки и прижался к ним губами. Может, было бы уместнее отдать честь, но в крови скопилось слишком много адреналина, и этот жест показался сейчас более сердечным. Кроме того, на нем не было мундира.

– Элли, вы гений! Я знал, что клон вас не проведет!

Она уставилась на него почти с ужасом и спросила срывающимся голосом:

– Какой клон?

– То есть как это – какой клон? Вы ведь поэтому здесь? Он выдал себя – и вы пришли спасать меня. Так?

– Спасать? От кого? Майлз, вы же неделю назад приказали мне найти капитана Галени? Помните?

– А! – сказал Майлз. – Действительно приказал.

– Ну мы его и нашли. Целую ночь мы просидели в этом квартале, надеясь получить акустический спектр голоса капитана, чтобы уведомить местные власти (они не одобряют ложных тревог). Но то, что зафиксировали наши датчики, заставило предположить, что не стоит дожидаться прихода местных властей, и мы рискнули. Я так боялась, что полиция нас всех арестует за взлом...

Оказавшись рядом с ними, сержант-дендариец отсалютовал Майлзу:

– Черт подери, сэр, как это вам удалось?

И, не дожидаясь ответа, пошел дальше, помахивая сканером.

– ...И тут оказывается, что вы всех опередили.

– Ну, можно сказать и так...

Майлз потер лоб. Галени стоял рядом, скребя щетину, и молча слушал. Впрочем, комментарии были излишни.

– Помните, три-четыре дня назад мы приехали сюда, чтобы меня похитили, и я попал к заговорщикам? И все разузнал – кто они и чего им от меня надо?

– Ага...

– Ну вот, – Майлз сделал глубокий вдох, – наш план сработал. Поздравляю! Вы только что превратили позорный провал в ослепительный успех. Благодарю вас, командер Куин. Кстати, тип, с которым вы вышли тогда из пустого дома, – это был не я.

Элли широко распахнула глаза и поднесла руку к губам. Потом темные глаза яростно сощурились.

– Подонок! – выдохнула она. – Но, Майлз... я думала, та история насчет клона – ваша очередная фантазия!

– И я тоже. Это и сбilo всех с толку.

– Так это был... Он вправду настоящий клон?

– Да, кажется. Отпечатки пальцев, сетчатка, акустический спектр голоса – все как у меня. Но, слава Богу, есть одно объективное отличие. Если снять рентгенограмму моих костей, то сразу можно заметить сетку старых переломов – за исключением ног, где установлены синте-

тические протезы. В его костях нет никаких следов. – Майлз прижал к себе пульсирующую болью левую кисть. – Думаю, я пока не стану бриться – на всякий случай.

И он повернулся к капитану Галени.

– Как мы, то есть Имперская служба безопасности, будем действовать, сэр? – почтительно спросил он. – Обратимся к местным властям?

– О, так я снова «сэр»? – пробормотал Галени, внезапно обретая дар речи. – Конечно, нам нужна полиция. Иначе мы не добьемся выдачи этих людей. Теперь, когда их можно обвинить в преступлении, совершенном на Земле, представители Европолиции их задержат. Это разрушит все радикальное крыло.

Майлз очень старался говорить бесстрастно и вразумительно:

– Но любой суд вытащит на свет божий эту историю с клоном. Во всех подробностях. Это привлечет ко мне внимание, что нежелательно с точки зрения безопасности. В том числе, а может быть, прежде всего – внимание цетагандийцев.

– Поздно прятать концы в воду.

– Не думаю. Да, от слухов не скроешься, но иногда слухи бывают даже полезными. Эти двое, – Майлз указал на охранников, – мелкая рыбешка. Мой клон знает гораздо больше, чем они, а он сейчас в посольстве, которое с юридической точки зрения является территорией Барраяра. Зачем нам эти люди? Теперь, капитан, когда мы нашли вас и захватили клона, планы комаррцев лопнули, как мыльный пузырь. Возьмите эту группу под наблюдение, как и всех остальных комаррских эмигрантов на Земле. Я уверен, они больше не опасны.

Галени встретился с ним взглядом и отвернулся. Майлз изучал бледное, напряженное лицо Галени. Конечно, капитан прекрасно понял недосказанное: «И вашу карьеру не оборвет безобразный громкий скандал. Кроме того, вам не придется встречаться с вашим отцом».

– Я... не знаю.

– Поверьте, так будет лучше, – спокойно подытожил Майлз. Он жестом подозвал стоявшего в ожидании дендарийца: – Сержант, возьмите пару техников, ступайте с ними наверх и выжмите все, что можно, из комм-пульта этих типов. Отыщите там пару поясов с противосканерными устройствами и передайте коммодору Дездеку, чтобы он выяснил, кто изготовитель. Как только закончите, уходим.

– А вот это незаконно, – заметила Элли.

– И что они сделают: пожалуются в полицию? Нет, конечно. Может быть, вы хотите оставить на комме сообщение, капитан?

– Нет, – тихо ответил Галени после секундного размышления, – никаких сообщений.

– Хорошо.

Тем временем один из дендарийцев оказал Майлзу первую помощь: наложил на сломанный палец шину и обработал кисть. Сержант вернулся минут через двадцать, он принес пояса с антисканерами и вручил Майлзу диск:

– Все здесь, сэр.

– Спасибо.

Гален еще не вернулся. Майлз решил, что так оно и лучше.

Затем он опустился на колени рядом с тем комаррцем, который был в сознании, и приставил к его виску парализатор.

– Что вы с нами сделаете? – хрипло спросил тот.

Сухие растрескавшиеся губы Майлза раздвинулись в невеселой улыбке:

– Ну, разумеется, парализуем, отвезем к южному берегу и сбросим в воду. Что же еще? Спокойной ночи.

Парализатор зажужжал, комаррец дернулся и обмяк. Дендарийские солдаты развязали пленника, и Майлз оставил его на полу гаража рядом с бесчувственным напарником. После чего все вышли и тщательно закрыли за собой двери.

– Теперь в посольство – будем брать ублюдка, – мрачно заявила Элли, набирая код на пульте взятой напрокат машины. Остальные дендарийцы рассредоточились и скрылись из виду.

Майлз с Галени уселись в машину. На них было страшно смотреть.

– Ублюдка? – со вздохом переспросил Майлз. – Боюсь, так его назвать нельзя.

– Сначала мы его возьмем, – пробормотал Галени, – а потом уж решим, как лучше называть.

– Ладно, – согласился Майлз.

– Как мы войдем? – спросил Галени, когда машина припарковалась у здания посольства. Был полдень. Обычный земной полдень.

– У нас одна дорога, – улыбнулся Майлз. – Через парадный подъезд. Маршевым шагом. Элли, подождите у входа.

Майлз с Галени осмотрели друг друга и дружно захихикали. Майлз не так зарос, как Галени – в конце концов, у того было четыре дня форы, – но запекшиеся губы, лиловые синяки и грязная окровавленная рубашка вполне искупали отсутствие щетины. Майлз пришел к выводу, что они запросто сойдут за сумасшедших. Правда, Галени отыскал у комаррцев сапоги и мундир, а вот Майлз – нет. Наверное, клон забрал. Определить, от кого сильнее воняет, не представлялось возможным. Галени сидел дольше, но Майлз решил, что потел чаще. А что, если попросить Элли выступить судьей и обнюхать их? Галени блаженно улыбался, полуприкрыв глаза, – видимо, его охватило то же безудержное веселье, как от шампанского. Они живы – это невероятно. Это чудо.

Поднимаясь по эстакаде, они чеканили шаг. Элли шла следом, как зачарованная.

Охранник у входа машинально отдал честь и изумленно уставился на них.

– Капитан! Вы вернулись! И... э-э... – Он взглянул на Майлза, открыл рот, снова закрыл его и наконец выдавил: – И вы тоже... сэр.

Галени как ни в чем не бывало козырнул в ответ и приказал:

– Вызовите сюда лейтенанта Форпатрила. Одного Форпатрила.

– Да, сэр. – Охранник посольства заговорил в наручный комм, почему-то не отводя глаз от Майлза. – Э-э... рад снова видеть вас, капитан, – спохватился он, вытягиваясь перед Галени.

– Благодарю вас, капрал. Взаимно.

Через несколько секунд из лифтовой шахты выскочил Айвен и бегом бросился к ним, поскальзываясь на мраморных плитах.

– Боже мой, сэр, где вы были?! – воскликнул он. Потом, опомнившись, отдал честь.

– Уверяю вас, мое отсутствие было вынужденным. – Галени дернул себя за мочку уха, моргнул и поскреб грязную щетину. Его явно тронул энтузиазм Айвена. – Объяснимся позднее. А сейчас... Лейтенант Форкосиган! Кажется, настало время удивить еще одного вашего... родственника.

Айвен взглянул на Майлза.

– Значит, тебя выпустили? – Он пригляделся: – Майлз...

Майлз усмехнулся и отвел потрясенного кузена подальше от капрала, уставившегося на него, как удав на кролика.

– Ты все поймешь, когда мы арестуем мое второе «я». Кстати, где оно?

Начиная понимать, Айвен поморщился:

– Майлз... Опять пытаешься провести меня? Это уже не смешно.

– Вовсе нет. Не провести. И совсем не смешно. Тот тип, с которым ты последние четверо суток делил комнату, – не я. Я был с капитаном Галени в камере. Комаррское подполье попыталось подсунуть тебе двойника, Айвен. Тот олух – мой клон, настоящий. Только не говори, что ты ничего не заметил!

– Ну... – начал Айвен. Он почти что пришел в себя. По крайней мере смутился: – Ты действительно казался – как бы получше выразиться? – не в форме последние пару дней.

Элли безмолвно кивнула.

– В чем именно это выражалось? – спросил Майлз.

– Как тебе сказать... Я видел тебя в маниакальной стадии. И в депрессивной. Но никогда не видел тебя спокойным.

– И все-таки ты ничего не заподозрил. Неужели он настолько убедителен?

– О, я в первую же ночь заподозрил, что тут что-то не так.

– И что? – в ужасе воскликнул Майлз.

– И решил, что этого не может быть. В конце концов, ты же сам придумал эту историю с клоном несколько дней назад!

– А теперь я продемонстрирую свои способности прорицателя. Где он?

– Именно поэтому, Майлз, я так удивился, когда увидел тебя...

Галени стоял, скрестив руки. Но губы его непрерывно двигались – может, он считал до десяти, чтобы не взорваться.

– Так почему, Айвен, – спокойно спросил Галени.

– О Боже, неужели он улетел на Барраяр? – завопил Майлз. – Надо остановить его!

– Нет-нет, – успокоил Айвен. – Это местные. Вот почему мы здесь все так переполошились.

– Ты мне скажешь наконец толком, где он? – зарычал Майлз, хватая Айвена за рукав здоровой рукой.

– Успокойся. Именно это я и пытаюсь сделать. – Айвен взглянул на побелевшие костяшки пальцев Майлза. – Точно, это ты. Так вот. Пару часов назад явилась местная полиция и арестовала тебя, то есть его... не важно. И даже не арестовала, а задержала по подозрению, запретив отлучаться куда бы то ни было. Ты... он был в ужасе. Ты должен был улетать сегодня. Тебя вызвали к муниципальному следователю, чтобы проверить, достаточно ли фактов для предъявления официального обвинения.

– Обвинения? В чем? Что ты несешь, Айвен?

– В этом-то все и дело. Поэтому-то все здесь с ума посходили. У полиции, видимо, короткое замыкание в мозгах: ее люди пришли и арестовали тебя, лейтенанта Форкосигана, по подозрению в заговоре с целью убийства. А подозреваешься ты в том, что нанял тех двух гангстеров, которые пытались прикончить адмирала Нейсмита на прошлой неделе в космопорте.

Майлз не выдержал – он забежал кругами, издавая нечто среднее между стоном и рычанием.

– Посол просто засыпал их контору официальными протестами. Естественно, мы же не можем открыть им глаза.

Майлз быстро сжал локоть Куин:

– Без паники!

– Я и не паникую, – спокойно заметила Элли. – Я просто смотрю, как вы сходите с ума. Это гораздо забавнее.

Майлз прижал ладонь ко лбу:

– Так. Начнем с того, что не все потеряно. Предположим, парень не испугался и не раскололся. Пока. Предположим, он аристократически молчит. У него это хорошо получится: видимо, он считает, что фор должен вести себя именно так. Предположим, он держится.

– Предполагай, предполагай, – согласился Айвен. – И что дальше?

– А что дальше... Если мы поспешим, мы можем спасти...

– ...твою репутацию? – осведомился Айвен.

– Вашего брата? – предположил Галени.

– Наши задницы? – высказалась Элли.

– ...адмирала Нейсмита, – спокойно окончил Майлз. – Сейчас опасность грозит именно ему. Либо легенда летит ко всем чертям, либо укрепитесь уже надолго. – Майлз встретился взглядом с Элли – ее брови тревожно приподнялись. – Нам с вами, – кивнул он Галени, – надо привести себя в порядок. Встречаемся здесь через четверть часа. Айвен, захвати бутерброд. А лучше два. Ты едешь с нами в качестве телохранителя – нам понадобятся твои мускулы. – Этого добра Айвену и впрямь хватало. – Элли, поведете машину.

– Куда? – спросила Куин.

– В муниципальный суд. Мы едем освобождать бедного оклеветанного лейтенанта Форкосигана, который будет счастлив вернуться с нами, пожелает он того или нет. Айвен, еще прихвати иньектор с двумя кубиками толизона.

– Постой, Майлз, – запротестовал Айвен, – уж если посол не смог его освободить, что сделаем мы?

Майлз усмехнулся:

– Не мы. Адмирал Нейсмит.

Лондонский муниципальный суд располагался в большом черном зеркальном здании двухвековой давности. Подобные строения тут и там нарушали древний архитектурный стиль, напоминая о пожарах и разрушениях времен Пятых Гражданских Беспорядков. Лондон – огромный, перенаселенный город, нагромождение противоречивых стилей, но лондонцы упорно цеплялись за остатки прошлого. Существовал даже комитет по защите уродливых развалюх конца двадцатого столетия. «Интересно, – подумал Майлз, – что будет через тысячу лет с Форбарр-Султаном? Будет ли он похож на Лондон или в своем стремлении к новизне разрушит свое прошлое?»

Они остановились в высоком вестибюле суда. Майлз одернул дендарийский мундир.

– Я хоть прилично выгляжу? – спросил он у Куин.

– Как вам сказать... Из-за этой щетины вы выглядите...

Майлз поспешил ей на помощь:

– Внушительнее? Старше?

– Под мухой.

– Хм.

Все четверо поднялись в лифте на девяносто седьмой уровень.

– Зал Дубль-В, – ответил на запрос справочный терминал. – Комната 19.

В комнате 19 находились двое – терминал Евросуда и живое существо – серьезный молодой человек.

– А, следователь Рид, – приветливо улыбнулась ему Элли, войдя в комнату. – Рада вас снова видеть.

Майлз быстро окинул взглядом кабинет – следователь Рид действительно был здесь единственным живым существом. «Только без паники», – сказал себе Майлз.

– Следователь Рид возглавляет расследование неприятного инцидента в космопорте, – объявила Элли, напустив на себя самый официальный вид. – Познакомьтесь, следователь Рид – адмирал Нейсмит. Помнится, наша прошлая беседа была весьма продолжительной и плодотворной.

– Я уже понял, – предельно вежливо сказал Майлз.

Рид уставился на него с откровенным любопытством:

– Ну и ну! А ведь и впрямь – клон Форкосигана!

– Я предпочитаю думать о нем как о пропавшем брате-близнеце, – с достоинством ответил Майлз. – Обычно мы с ним стараемся держаться друг от друга как можно дальше. Так вы с ним разговаривали?

– Да. И достаточно долго. Но он не пожелал сотрудничать с нами. – Рид неуверенно перевел взгляд с Майлза и Элли на сопровождающих их людей в барраярских мундирах. – Более того, вел себя вызывающе – грубил и мешал работать.

– Могу себе представить. Вы наступили ему на любимую мозоль. Я – его слабое место. Он предпочитает не упоминать о моем неуместном существовании.

– Да? Почему?

– Детская ревность, – симпровизировал Майлз. – Я больше преуспел в военной карьере. Он почему-то воспринимает это как укор, даже насмешку над собой.

«Господи, хоть бы кто-нибудь подсказал мне другую версию – Рид смотрит на меня все подозрительнее и подозрительнее...»

– Ближе к делу! – рявкнул капитан Галени.

«Благодарение Богу!»

– Вот именно. Следователь Рид, я не стану притворяться, что мы с Форкосиганом друзья, но почему вы решили, будто он пытался отправить меня на тот свет?

– Ваше дело и впрямь запутанное. Двое предполагаемых убийц, – Рид взглянул на Элли, – и никаких фактов. Нам пришлось искать другую информацию.

– Уж не обратились ли вы за информацией к Лайзе Вэллери? Боюсь, я нечаянно ввел ее в заблуждение. У меня несколько странный юмор. Порок, от которого...

– ...страдают окружающие, – пробормотала Элли.

– Я нашел подозрения Вэллери любопытными, но неконструктивными, – продолжал Рид. – Хотя она весьма серьезно подошла к делу. Не боится ответственности. И охотно предоставляет следствию свои материалы.

– А что она сейчас исследует? – поинтересовался Майлз.

Рид спокойно ответил:

– Нелегальное клонирование. Возможно, вы могли бы просветить ее по этому поводу.

– О... Боюсь, мои факты устарели лет на двадцать.

– Ну, это не важно. В данном случае мы располагаем вполне объективной информацией. Во время покушения из космопорта вылетел аэрокар, который пересек контролируемое пространство. Мы выяснили, что он приписан к посольству Барраяра.

«Сержант Барт». У Галени было такое лицо, словно он вот-вот выругается с досады. Айвен напустил на себя бладушный, несколько идиотический вид, который всегда помогал ему уйти от ответственности.

– А, вот вы о чем, – небрежно бросил Майлз. – Это была обычная настырная барраярская слежка. Честно говоря, тут скорее чувствуется рука цетагандийцев. Последние дендарийские операции в их сфере влияния (вне пределов вашей юрисдикции) несколько огорчили их. Но я не в состоянии это доказать. Поэтому и предоставил действовать вашим людям.

– А, сносшибательная операция на Дагуле! Слышал, слышал. Да, это убедительный мотив.

– Смею предположить, гораздо более убедительный, нежели та давняя история, которую я поведал Лайзе Вэллери.

– И вы что-то получаете за ваши благотворительные акции в пользу барраярского посольства, адмирал?

– Наградой мне – мои добрые дела. Нет-нет, вы правы, я предупреждал вас относительно моего чувства юмора. Скажем так – вознаграждение меня вполне устраивает.

– Ничего, что можно расценить как препятствие отправлению правосудия, надеюсь? – Рид сурово поднял брови.

– Я ведь жертва, вы не забыли? – Майлз прикусил язык. – Уверяю вас, мое вознаграждение не имеет никакого отношения к уголовному кодексу Лондона. Простите, могу ли я попро-

силь вас передать несчастного лейтенанта Форкосигана в руки, скажем, его непосредственного начальника, капитана Галени?

Рид с еще большим подозрением уставился на Майлза, и Майлз почувствовал себя не слишком уютно.

«А теперь-то что не так, черт его возьми?» – изумился он.

Между тем Рид сцепил пальцы и откинулся на спинку стула, продолжая все так же рассматривать Майлза.

– Лейтенант Форкосиган ушел час назад с человеком, который назвался капитаном Галени.

– А-а-а... – протянул Майлз. – Пожилой человек в гражданском? Седеющие волосы, полноватый такой?

– Да.

С застывшей улыбкой Майлз откланялся:

– Благодарю вас, господин Рид. Не смею больше занимать ваше драгоценное время.

В вестибюле Айвен спросил:

– И что дальше?

– Думаю, – размышлял вслух капитан Галени, – пора вернуться в посольство. И отправить полный отчет в штаб-квартиру.

«Потребность исповедаться, а?»

– Нет-нет, никогда не следует посылать промежуточных отчетов, – мгновенно возразил Майлз. – Только готовые. Промежуточные отчеты влекут за собой приказы, которым надо либо подчиняться, либо тратить драгоценное время и силы на то, чтобы их обойти.

– Интересная философия, буду иметь ее в виду. Вы разделяете такую точку зрения, командер Куин?

– О да!

– Похоже, с дендарийскими наемниками не соскучишься.

Куин усмехнулась:

– И я того же мнения.

Глава 12

Несмотря ни на что, они вернулись в посольство: Галени – отдать приказ о проверке подозреваемого курьера, Майлз – переодеться в парадный барраярский мундир и заглянуть к посольскому врачу. Сломанный палец беспокоил его. Если после всей этой кутерьмы случится затишье, решил Майлз, надо заменить синтепротезами кости и суставы рук. Операция на ногах была мучительной и нудной, но дальше откладывать с руками бессмысленно. И бесполезно притворяться перед самим собой, будто он все еще растет.

Поскучнев ввиду такой перспективы, Майлз вышел из посольской клиники и спустился в кабинет службы безопасности. Галени, разослав подчиненных со всевозможными поручениями, сидел один в полутьме за комм-пультом. Он откинулся на спинку кресла, положив ноги на стол, и Майлзу показалось, что капитану больше пристало сейчас вертеть в руках бутылку со спиртным, чем световое перо.

Устало улыбнувшись, Галени выпрямился и заговорил, постукивая пером по столу:

– Я тут подумал, Форкосиган, и решил – боюсь, нам не удастся обойтись без обращения к местным властям.

– Не думаю, что вам следует идти на это, сэр. – Майлз придвинул стул вплотную к комм-пульту. – Мы можем потерять контроль над ситуацией.

– Но понадобится небольшая армия, чтобы отыскать на Земле этих двоих.

– У меня есть небольшая армия, – напомнил Майлз. – И она только что продемонстрировала свои возможности.

– Да. Верно.

– Так пусть посольство наймет дендарийцев для поиска наших... пропавших.

– Наймет? Я думал, Барраяр их уже нанял!

Майлз изобразил наивность:

– Но, сэр, дендарийцы-то об этом не знают. В этом суть их прикрытия. Если посольство нанимает их, заключая с ними официальный контракт, тем самым оно, так сказать, прикрывает прикрытие.

Галени насмешливо поднял брови:

– Ясно. И как вы объясните им существование клона?

– Если понадобится, я скажу, что это клон... адмирала Нейсмита.

– Итак, уже трое? – Галени вопросительно поглядел на Майлза.

– А вы просто поручите им отыскать вашего... Сера Галена. Где он, там и клон. Один раз это сработало.

– Гм-гм... – сказал Галени.

– И еще, – добавил Майлз, задумчиво проведя пальцем по спинке стула. – Если нам удастся схватить их – что мы с ними будем делать?

Световое перо продолжало постукивать.

– Существует, – сказал Галени, – только два, от силы три варианта. Первый: их можно арестовать, судить и посадить в тюрьму за преступления, совершенные на Земле.

– И таким образом, – резюмировал Майлз, – почти наверняка адмирал Нейсмит будет разоблачен и скомпрометирован. Конечно, я далек от мысли, что Барраярская империя держится только на дендарийских наемниках, но служба безопасности находила наши услуги полезными. Командование может, я надеюсь, счесть такой ход нежелательным. И потом, разве мой клон совершил на Земле преступления, за которые сажают? Подозреваю, по еврозаконам он вообще считается несовершеннолетним.

– Второй вариант, – продолжил Галени. – Похитить их и тайно переправить на Барраяр, вопреки земным законам о невыдаче. Если бы мы получили приказ сверху, полагаю, он был

бы именно таким – наименее соответствующим параноидальным наклонностям нашей службы безопасности.

– Переправить на Барраяр для суда, – уточнил Майлз, – или для пожизненного заключения... Для моего... брата это не так уж плохо, как кажется. На Барраяре у него есть высокопоставленный покровитель. Если, конечно, его не прикончат по дороге туда. – Галени и Майлз обменялись понимающими взглядами. – Но за вашего отца не вступится никто. Барраяр рассматривает убийства во время Комаррского восстания как тягчайшее уголовное преступление, не поддающееся под амнистию. Вашему отцу не избежать смертной казни.

– Не избежать. – Галени стиснул зубы и уставился на носки начищенных сапог. – А третий вариант – секретный приказ об их уничтожении.

– Преступные приказы можно и не выполнять, – заметил Майлз. – Если, конечно, у вас хватит мужества. К счастью, у нашего высшего командования не так развязаны руки, как во времена императора Эзара. Я предлагаю четвертый вариант. Может, лучше начать с того, что вообще не ловить этих... родственников?

– Будем говорить прямо, Майлз: если я не поймаю Сера Галена, моя карьера кончена. Я уже под подозрением, потому что не отыскал его за два года моего пребывания на Земле. Ваше предложение граничит не с неповиновением (для вас это, видимо, нормальный образ действий), но кое с чем похуже.

– А как насчет вашего предшественника, который не мог их обнаружить (и не обнаружил) за пять лет? Даже если вы и отыщете Сера Галена, это не пойдет на пользу вашей карьере. Все равно вы останетесь под подозрением – они по-другому не умеют.

– Хотел бы я, – лицо Галени было застывшим, как маска, голос звучал еле слышно, – хотел бы я, чтобы он не воскресал из мертвых. Его первая смерть была намного лучше: славная смерть в огне сражения. Он вошел в историю, а я остался один, боль ушла в прошлое, и никто не терзал меня. Какое счастье, что наука не сделала человека бессмертным. Великое благо, что мы умеем забывать старые войны. И старых воинов.

Майлз задумался. Гален, заключенный в тюрьме на Земле, губит и Галени, и адмирала Нейсмита, зато остается в живых. На Барраяре его ждет смерть. Может, этот факт мало скажется на карьере Галени, но сам Галени скорее всего никогда не оправится от потрясения. Конечно, отцеубийство не гарантирует спокойной уверенности в себе, которая необходима для служения Комарре. «Но Нейсмит будет жить», – мелькнула соблазнительная мысль. И пропала. Гален и Марк, оставленные на воле, – не просто угроза, но зловещая угроза. Если Майлз и Галени ничего не сделают сами, власти Барраяра наверняка примут решение за них. А учитывая все обстоятельства, с Марком и Галеном поступят как с врагами.

Майлзу претило жертвовать будущностью Галени ради заматеревшего старого террориста, который не желает смириться с реальностью. Но устранение Галена тоже дискредитирует Галени. Черт побери, почему этот старикан не желает удалиться от дел и провести остаток дней в каком-нибудь тропическом раю, вместо того чтобы ходить по кругу, создавая неприятности молодому поколению? Отправить надо всех террористов в отставку, и немедленно – вот с чего надо начать.

Из чего выбирать, когда не из чего выбирать?

– Это мне решать, – сказал Галени. – Попробуем выследить их.

Они устало посмотрели друг на друга.

– Предлагаю компромисс, – ответил Майлз. – Прикажите дендарийцам выследить их, но пока не трогать. А ваши люди смогут спокойно заняться посольским курьером – чисто внутренняя проблема, как ни крути.

Нависло молчание.

– Согласен, – наконец сказал Галени. – Но что бы ни случилось, я хочу, чтобы это поскорее осталось позади.

– Согласен, – сказал Майлз.

Майлз нашел Элли в кафетерии посольства. Она сидела, устало склонившись над остатками обеда, не обращая внимания на взгляды, которые украдкой бросали на нее сотрудники посольства. Майлз взял сэндвич и чай и тихонько сел напротив нее. Их руки на мгновение встретились над столом.

– Итак, что дальше? – спросила Элли.

– Как обычно награждают в армии за успешное выполнение задания?

Ее темные глаза насмешливо сощурились.

– Дают новое задание.

– Угадала. Я убедил капитана Галени поручить дендарийцам отыскать Галена, как ты отыскала нас. А кстати, как ты нас отыскала?

– Чертовски много работала, вот как. Мы начали с того, что перемололи все то жуткое количество данных, которые ты прислал нам из посольства о комаррцах. Отбросили проверенных людей, детей и так далее. Потом отправили на планету команду компьютерной разведки, которая проникла в экономическую сеть и считала данные с кредитных файлов, и в сеть Европолиции (вот это-то оказалось труднее всего) и считали файлы с данными о преступниках. Мы приступили к поиску несоответствий. Вот тут-то мы и нашли зацепку. Тут и случился прорыв. Примерно год назад рожденный на Земле сын комаррского эмигранта был взят Европолицией за какое-то пустяковое нарушение. В кармане у него обнаружили незарегистрированный парализатор. Поскольку это не смертельное оружие, он отделался легким штрафом, и Европол закрыл дело. Но парализатор был произведен не на Земле – это был старый барраярский парализатор военного образца.

Мы установили за парнем слежку – обычную и компьютерную, через сеть. Мы выявили круг его знакомств, людей, информация о которых в посольских компьютерах отсутствовала. Одновременно мы разрабатывали еще несколько направлений, но те ничего не дали. Впрочем, с самого начала у меня было чувство, что мы на верном пути. Один из тех, с кем часто встречался этот парень, мужчина по имени Ван дер Пул, был зарегистрирован на Земле как эмигрант с планеты Фрост IV. А во время расследования, которое я вела года два назад относительно похищенных генов на Архипелаге Джексона...

Майлз кивнул, вспомнив это.

– ...я узнала, что там без всякого труда можно купить задокументированное прошлое. Были бы деньги. Определенные лаборатории предоставляют новые лица, голоса, новые отпечатки пальцев и новую сетчатку. Для этого они прибегают к услугам планеты Фрост IV. Около тридцати лет назад сильнейшее землетрясение уничтожило базу данных жесткой компьютерной сети. И не только ее. Множество совершенно нормальных людей, покинувших тогда Фрост IV, не имели документов, поддающихся проверке. Так вот, если вам нужны новые документы и если вам больше двадцати восьми, Архипелаг Джексона подарит вам новую родину – Фрост IV. Так что когда я вижу людей старше определенного возраста, утверждающих, что они с Фроста IV, у меня сразу же просыпаются подозрения. Естественно, Ван дер Пул оказался Галеном.

– Естественно. Кстати, мой клон – еще один замечательный продукт Архипелага Джексона.

– А-а. Все сходится. Славненько.

– Поздравляю тебя и всю разведку. Напомни мне вынести им официальную благодарность, когда окажусь на «Триумфе».

– А когда это будет...

Элли грызла льдинку, оставшуюся на дне бокала, стараясь делать вид, будто этот вопрос интересует ее с чисто профессиональной точки зрения.

«Губы у нее будут прохладные и терпкие...»

Майлз постарался перейти на официальный тон, ощущая устремленные на них со всех сторон взгляды работников посольства.

– Не знаю. У нас тут еще куча дел. Следует перенести данные, собранные дендарийцами, в посольский банк. Айвен сейчас работает с тем материалом, который мы нашли на комм-пульте Галена. Дендарийской разведке предстоит нелегкая работа. Ведь у Галена – Ван дер Пула большой опыт по части исчезновений. Но если... Элли, когда вы его обнаружите, сообщите мне немедленно. Именно мне. Я сам доложу обо всем барраярскому посольству.

– Доложите – о чем? – переспросила Элли, уловив нечто странное в его интонациях.

Майлз встряхнул головой:

– Пока не знаю. Вот выплусь, буду лучше соображать.

Элли кивнула и встала.

– Куда ты? – встревожился Майлз.

– На «Триумф», куда еще? Приводить массы в движение.

– Но ты можешь передать... Кто там сейчас дежурит?

– Бел Торн.

– Ага. Пойдем разыщем Айвена – он поможет отправить сообщение на «Триумф». – Он посмотрел на фиолетовые тени вокруг глаз Элли. – И вообще, сколько ты уже на ногах?

– Ну, как минимум... – Элли взглянула на часы, – часов тридцать.

– Пора бы вам научиться разумно распределять обязанности, командер Куин. Используйте своих помощников. И вообще, тебе надо выспаться, не то свалишься. Я найду вам комнату в посольстве... – Элли встретила его взгляд и внезапно улыбнулась. – Если, конечно, хочешь, – поспешил добавить Майлз.

– Правда найдешь? – спросила она. – Ну что ж, буду очень рада.

Они навестили Айвена, потевшего за комм-пультом, и связались по секретному каналу с «Триумфом». Майлз с радостью отметил, что у Айвена еще куча работы. И они направились в апартаменты к Майлзу.

Элли кинулась в ванную по праву «чур, я первая». Вешая мундир в шкаф, Майлз обнаружил свое кошачье одеяло, скомканное в углу: видимо, перепуганный клон запихнул его туда в первую же ночь. Майлз поднял черный мех, тот нежно замурлыкал. Майлз расстелил его на постели, тщательно разгладил:

– Вот так.

Элли удивительно быстро вышла из душа, расправляя пальцами влажные кудри. Вокруг бедер у нее было соблазнительно обернуто полотенце. Завидев кошачье одеяло, она улыбнулась, вспрыгнула на кровать и зарылась в него пальцами ног. Мех задрожал и замурлыкал еще громче.

– О! – сказал Майлз, не отрывая глаз от дивного зрелища. Потом в райский сад его наслаждения вползло сомнение. Он с трудом сглотнул. – Ты здесь... э-э... в первый раз? – спросил Майлз, надеясь, что говорит небрежно.

– Угу. Не знаю почему, но я ожидала увидеть что-то средневековое. А здесь как в обычной гостинице. Барраяр и гостиница – вот чудеса!

– Это же Земля, – напомнил ей Майлз. – А Период Изоляции Барраяра миновал сто лет назад. У тебя вообще какие-то странные представления о Барраяре... Элли, я там, в камере, думал, что мой клон не... э-э... Ты уверена, что не заметила никакой разницы за эти четыре дня? Неужели он был настолько правдоподобен?

И Майлз вымученно улыбнулся, со страхом ожидая ответа. А что, если она ничего не заметила? Неужели в его шкуру может влезть кто угодно, любая примитивная особь? Или того хуже – что, если она все-таки заметила разницу и клон ей понравился больше?..

Элли смутилась:

– Заметила, да. Но перейти от ощущения, что с тобой что-то неладно, к уверенности, что это вообще не ты... И потом, мы так мало общались с твоим клоном. Только разговаривали по комму, да еще была двухчасовая поездка в город, когда мы вырвали Данио и его веселую компанию из лап местной полиции. В это время я решила, что ты сошел с ума. Потом подумала, что ты, наверное, задумал что-то, но не хочешь поделиться со мной, потому что я... – голос у нее вдруг померк, – тебе разонравилась.

Майлз облегченно вздохнул. Значит, клон не успел... гм! Он виновато улыбнулся Элли.

– Видишь ли, когда ты на меня так смотришь, – принялась объяснять она, – я чувствую себя... хорошо. Не в смысле тепло и пушисто, хотя это тоже есть...

– Тепло и пушисто, – счастливо вздохнул Майлз, прижимаясь к ней.

– Перестань, дурачок! – закричала Элли и крепко обняла его. Так крепко, словно готовясь немедленно вступить в схватку с любым, кто захочет отнять его у нее. – Все. Ты сделал меня бесстрашной. О Боже... я... я все могу. Я теперь ничего не боюсь. Не боюсь пробовать. Не боюсь того, что могут подумать. Твой клон – какое облегчение узнать это! – заставил меня думать, что со мной что-то не так. Хотя как вспомню, насколько легко они тебя захватили, я готова...

– Ш-ш, ш-ш. – Майлз прижал палец к ее губам. – С тобой все в порядке, Элли. – Он блаженно уткнулся в ее ладони. – Ты – королева.

«Моя королева».

– Теперь понимаешь? Может, это и спасло тебе жизнь. Я собиралась держать тебя... его... в курсе поисков Галени, пусть даже это будут промежуточные отчеты. И если бы я исполнила свое намерение, он бы узнал, что мы усиленно разыскиваем Галени...

– И приказал бы прекратить поиски...

– Конечно. Но тут, когда наметился успех, я решила еще раз все проверить. А потом сделать тебе сюрприз – преподнести результат на блюдечке с голубой каемочкой... Честно говоря, мне хотелось одного – вернуть твое расположение. В некотором смысле он сам помешал рассказать о наших находках.

– Если тебя это утешит, дело не в том, что ты не нравилась ему. Твое лицо, не говоря уж об остальном, на некоторых мужчин действует именно так. Сковывает их.

– Да, лицо... – Ее пальцы бессознательно прикоснулись к щеке, а потом нежно взъерошили Майлзу волосы. – Кажется, ты точно определил это. Ведь ты один знал меня, когда у меня было мое прежнее лицо, и никакого лица, и новое лицо. И только для тебя это было всегда одно и то же лицо.

Незабинтованной рукой он провел по дугам ее бровей, идеально правильному носу, задержался у губ, получив поцелуй, тронул гордый подбородок, спустился на атласную кожу шеи.

– Да, твое лицо... Я был тогда молодым дурачком. В тот момент это казалось мне прекрасным и только потом я понял, как трудно с таким лицом.

– Я тоже поняла это не сразу, – вздохнула Элли. – Первые полгода я была в восторге. Но когда какой-то солдат во второй раз попробовал за мной поухаживать, вместо того чтобы выполнять приказ, я поняла, что столкнулась с проблемой. Мне пришлось найти и усвоить приемы, которые заставляли людей реагировать на мою суть, а не внешность.

– Я понимаю, – сказал Майлз.

– О боги, конечно, ты понимаешь! Ты все понимаешь! – Она мгновение смотрела на него так, словно видела впервые, потом нежно поцеловала. – Я только сейчас поняла, сколько узнала от тебя. Сколько переняла. Как я люблю тебя!

Когда они прервали поцелуй, чтобы отдышаться, Элли предложила:

– Хочешь массаж?

– Ты – мечта алкоголика, Куин.

Майлз плюхнулся на мех и отдался Элли душой и телом. В пять минут ее сильные руки заставили его расстаться со всеми желаниями, кроме, может быть, двух. Удовлетворив которые оба заснули как убитые, и их не мучили никакие кошмары.

Майлз с трудом проснулся, когда в дверь постучали.

– Убирайся, Айвен, – простонал он, уткнувшись в мех. – Иди поспи где-нибудь на скамейке, а?

Элли включила свет, вскочила с постели, натянула черную футболку и серые форменные брюки и прошлепала к двери, не обращая внимания на бормотание Майлза:

– Нет, нет не впускай его...

Стук стал громче и настойчивее.

– Майлз! – Айвен уже ввалился в дверь. – А, привет, Элли. Майлз!

И Айвен принялся тормошить его.

Майлз только глубже зарылся в меховое одеяло.

– Ладно, можешь лечь в постель, – промямлил он. – Только не жди, чтобы я тебя укладывал...

– Вставай, Майлз!

Майлз наконец высунул голову из-под одеяла.

– Вот еще! А который час?

– Примерно полночь.

Возмущенно фыркнув, Майлз снова нырнул под одеяло. Три часа сна – и это после всего, что он перенес за последние четыре дня?! Но Айвен с несвойственной ему безжалостностью вырвал у Майлза из рук живой мех и отбросил в сторону.

– Тебе надо встать, – отрезал он. – Быстро. Одевайся. И щетину с лица соскобли. Надеюсь, у тебя найдется чистый мундир... – Он уже рылся в шкафу. – Вот!

Майлз ошалело сжимал зеленую тряпку, которую швырнул ему Айвен.

– Что такое? Пожар что ли? – выговорил он наконец.

– Почти. Элен Ботари-Джезек только что явилась с Тау Кита. А я и не знал, что ты отправил ее туда.

– О! – Майлз проснулся мгновенно. Куин уже оделась и проверяла, на месте ли парализатор. – Ага, одеться надо. Но бриться ради нее не обязательно.

– Поскольку раздражения кожи от щетины у нее не будет, – пробормотала Элли рассеянно.

Майлз подавил ухмылку.

– Ради нее, может, и не обязательно, – сурово заявил Айвен, – но не думаю, что commodore Дестанг придет в восторг от твоей помятой физиономии.

– Дестанг? Он здесь? – Тут Майлз проснулся окончательно. – Что это ему вздумалось? – Но, припомнив кое-какие факты, которые он включил в отправленный с Элен рапорт, Майлз все понял. Шеф службы безопасности сектора просто не мог не приехать и не возглавить расследование. – О Боже... Надо ему все растолковать, пока он не пристрелил беднягу Галени на месте...

Он включил холодный душ на полную мощность. Элли сунула ему в здоровую руку чашку кофе, а когда он оделся, придирчиво осмотрела.

– Все в порядке, кроме лица, – сообщила она. – Тут ничего не попишешь.

Майлз провел рукой по гладко выбритому подбородку:

– Я пропустил какой-нибудь кусок?

– Нет, я в восхищении от ваших синяков. И глаз, разумеется, также. После недельного запоя глаза и то не такие...

– Что ж, и на том спасибо.

– Сам напросился.

Пока они поднимались в лифте, Майлз прикидывал, что ему известно о Дестанге. Предыдущие встречи с коммодором были непродолжительными и официальными, но вполне корректными. Командующий службой безопасности второго сектора был опытным офицером и привык выполнять свои нелегкие обязанности (координацию разведывательной деятельности, обеспечение безопасности барраярских посольств, консульств и приезжающих важных персон, помощь барраярским подданным, попадающим в неприятности) самостоятельно, почти без вмешательства далекого Барраяра. Во время двух или трех операций, которые дендарийцы проводили в его секторе, приказы и деньги шли через него вниз, а рапорты – вверх без всяких осложнений.

Коммодор сидел в рабочем кресле Галени, перед его комм-пультом. Когда Айвен, Майлз и Элли оказались в кабинете, Майлз заметил, что Галени стоит навтыжку, хотя стульев было предостаточно. Он стоял по стойке «смирно», словно закованный в латы, полуприкрытые глаза, непроницаемое лицо. Элен Ботари-Джезек неуверенно наблюдала за происходящим, как человек, бросивший камешек с горы и услышавший отдаленный гул камнепада. Завидев Майлза, она облегченно перевела дух и отдала ему честь (хотя он был не в дендарийском мундире) почти символическим жестом – это была передача ответственности. Так человек избавляется от сумки с живыми змеями, которую ему дали посторожить.

«Все. Занимайся этим сам».

Майлз кивнул: «Ладно».

– Сэр! – Майлз козырнул Дестангу.

Дестанг ответил тем же, бросив на него пронзительный взгляд, напомнивший Майлзу первую встречу с Галени. Ну вот. Еще один недовольный командир. Дестангу было около шестидесяти: худой, сидящий, ниже среднего роста. Несомненно, родился после окончания цетагандийской оккупации, когда всеобщее недоедание сказалось на целом поколении. Во время покорения Комарры вполне мог быть молодым офицером, во время восстания – в средних чинах. Обладает всесторонним боевым опытом, как все выросшие в смутные времена.

– Вас уже ознакомили с обстановкой, сэр? – начал Майлз. – Мой первый рапорт безнадежно устарел.

– Я только что прочел версию капитана Галени. – Дестанг кивнул в сторону комм.

Естественно, Галени не мог не написать рапорт. Майлз мысленно вздохнул. Надо полагать, привычка дипломированного историка. Он еле удержался, чтобы не подсмотреть текст на экране.

– У вас, похоже, своей еще нет, – жестко отметил Дестанг.

Майлз рассеянно помахал забинтованной рукой:

– Я был в лазарете, сэр. Но вам уже известно, что комаррцы контролировали курьера посольства?

– Мы арестовали курьера шесть дней назад на Тау Кита, – сказал Дестанг.

Майлз облегченно вздохнул:

– И он?..

– Обычная история, – нахмурился Дестанг. – Когда-то совершил мелкий грешок. Комаррцы получили возможность давить на него, он скатывался все ниже и ниже, пока не загнал себя в угол.

«Странное интеллектуальное дзюдо, а попросту – шантаж, – размышлял Майлз. – В итоге курьер попал в руки врага из-за того, что боялся своих. Система, рассчитанная на то, чтобы обеспечивать верность, в конце концов сама ее и уничтожает... Тут что-то не так...»

– Они его завербовали по крайней мере три года назад, – продолжил Дестанг. – С тех пор все, что исходило из посольства или направлялось в него, поступало к ним без промедлений.

– Ох! – Майлз подавил улыбку и попытался изобразить возмущение и скорбь – более подходящие в данном случае. Вербовка курьера произошла до приезда Галени на Землю! Отлично!

– Да, – подтвердил Айвен. – Я совсем недавно обнаружил копии наших данных в том материале, что ты извлек из коммун Сера Галена, Майлз. Меня чуть удар не хватил.

– Меня это не удивляет, – отозвался Майлз. – Как только я понял, что нас надувают, вариантов было не так уж много. Надеюсь, допрос курьера снял все подозрения с капитана Галени?

– Если он и был связан с комаррскими эмигрантами на Земле, – сдержанно проговорил Дестанг, – курьер об этом ничего не знал.

Вряд ли можно счесть такое заявление выражением доверия. Майлз пошел в атаку.

– Совершенно ясно, – начал он, – что капитан был картой, которую, по мнению Сера Галена, можно пустить в ход в любое время. Но карта отказалась вступить в игру. С риском для жизни. В конце концов, капитан Галени был направлен на Землю случайно... – Галени качал головой, поджав губы. – Разве я не прав?

– Нет, – сказал Галени, все еще стоя по стойке «смирно». – Я сам попросился на Землю.

– О! Ну, по крайней мере я-то попал сюда случайно, – поспешил загладить неловкость Майлз. – Из-за моих криотрупов, которым были необходимы услуги крупного медицинского центра. Кстати о дендарийских наемниках, коммодор. Так это курьер перехватил те восемнадцать миллионов марок, посланных с Барраяра?

– Их никогда и не посылали, – ответил Дестанг. – Пока капитан Ботари-Джезек не появилась у меня в кабинете, нашим последним контактом с вашими наемниками был рапорт, который вы отправили с Махата Солярис по окончании операции на Дагуле. Потом вы исчезли. Для штаб-квартиры второго сектора вы более двух месяцев числились без вести пропавшими. Представляете нашу тревогу? Особенно когда еженедельные запросы шефа Имперской службы безопасности Иллиана превратились в ежедневные.

– Я... понимаю, сэр. Так вы вообще не получали наших запросов о деньгах? И меня вовсе не прикомандировывали к посольству?!

Чуть слышный стон вырвался у Галени, обратившегося в соляной столб.

Дестанг ответил:

– Да, это все дело рук комаррцев. Видимо, такая уловка им понадобилась, чтобы вы оставались на Земле, пока им не удастся произвести подмену.

– Я так и думал. А... вы, случайно, не захватили с собой мои восемнадцать миллионов? Это-то осталось неизменным. Я упоминал о деньгах в моем рапорте.

– Да, и не раз, – неодобрительно заметил Дестанг. – Разумеется, мы оплатим ваши расходы. Как обычно.

– О! – Майлз почувствовал, что с плеч его сняли тяжелый груз. Он порывисто воскликнул: – Спасибо, сэр! Это просто замечательно!

Дестанг с любопытством наклонил голову:

– А на что вы жили последний месяц?

– Не так просто объяснить, сэр. Но я попробую...

Дестанг открыл рот, словно собираясь задать следующий вопрос, но вдруг передумал:

– Ясно. Ну, лейтенант, можете вернуться к своим людям. Ваше пребывание на Земле подходит к концу. Хотя вам вообще не следовало появляться здесь в качестве лорда Форкосигана.

– К своим людям... Вы имеете в виду – к дендарийцам?

– Вряд ли Саймон Иллиан столь настойчиво разыскивает вас просто потому, что соскучился. Можно смело предположить, что, как только штаб-квартира узнает о вашем местонахождении, вы получите новый приказ и новое назначение. Готовьтесь к вылету.

Элли с Элен, перешептывавшиеся в уголке, радостно повернулись к Майлзу. Айвен насторожился.

– Да, сэр, – спокойно ответил Майлз. – А как же тогда мои здешние заботы?

– Поскольку вы, слава Богу, не уведомили местные власти, мы сами разберемся с этой попыткой измены. Я захватил с Тау Кита отряд...

Майлз догадался, что этот отряд – спецназ. Они пойдут на все, чтобы восстановить порядок в посольстве.

– Мы бы давно бросили на розыски Сера Галена все силы, если б не считали его погибшим. Гален! – Дестанга аж передернуло. – Подумать только! Все это время он был здесь, на Земле. Во время Комаррского восстания я служил в барраярской армии, а потом перешел в Безопасность. Наш отряд разбирали развалины казарм Халомара после того, как эти подонки ночью взорвали их... Мы искали тех, кто остался в живых, и собирали улики, а находили одни только трупы... В то утро в службе безопасности появилось много вакансий. Проклятие! Как вспомню... Если мы сможем найти Галена после того, как вы его упустили, – Дестанг с откровенной неприязнью взглянул на Галени, – мы доставим его на Барраяр, и он ответит сполна за то кровавое утро. Хотел бы я, чтобы он ответил за все свои деяния, но его на это просто не хватит. Как императора Ури Безумного.

– Достойный план, сэр, – ответил Майлз. Галени стиснул зубы, помощи от него ждать не приходилось. – Но по Земле наверняка бродит с полдюжины комаррских террористов, и их прошлое мало чем отличается от прошлого Сера Галена. А теперь, когда он разоблачен, нам и вовсе нечего опасаться.

– Те террористы все эти годы бездействовали, – отрезал Дестанг. – А Гален не сидел сложа руки. Вам это известно лучше, чем кому бы то ни было.

– Но нелегальное похищение может испортить наши дипломатические отношения с Землей. Стоит ли оно того?

– Справедливость стоит любой официальной ноты, смею вас уверить.

Галена Дестанг уже похоронил. Ну что ж.

– А на каком основании вы собираетесь похитить моего... клона? Он-то не совершал преступлений на Барраяре. Он даже не был там. Никогда.

«Заткнись, Майлз! – прошептал одними губами Айвен, стоявший за спиной у Дестанга. – С commodорами не спорят!»

Майлзу было не до него.

– Судьба моего клона не может не беспокоить меня, сэр.

– Охотно верю. Надеюсь, мы скоро покончим со всей этой неразберихой.

Майлзу оставалось надеяться, что эти слова не значат того, что они значат. Если надо сбить Дестанга со следа, он готов.

– Никакой неразберихи нет, сэр. Простой медсканер обнаружит разницу между мной и клоном. У него кости нормальные, у меня – нет. Так я не понял, что вы ему инкриминируете?

– Государственную измену, естественно. Заговор против императора.

Поскольку вторая часть обвинения была бесспорной, Майлз сосредоточился на первой:

– Государственную измену? Но клон родился на Архипелаге Джексона. Он не является подданным императора. Чтобы обвинить его в государственной измене, – Майлз сделал глубокий вдох, – вы должны признать его подданным императора по праву рождения. А если он подданный императора по праву рождения, тогда он лорд-фор, обладающий всеми соответствующими правами, включая суд равных – Совет Графов в полном составе.

Дестанг поднял брови:

– И вы думаете, он догадается прибегнуть к столь нетрадиционной защите?

«Разумеется, ведь я ему подскажу».

– Почему бы и нет?

– Благодарю вас, лейтенант. Такого осложнения я действительно не предвидел. – Дестанг задумался. Лоб пересекла глубокая морщина.

Майлз не выдержал:

– Вы рассматриваете возможность убийства, сэр?

– Подобная возможность представляется мне все более желательной. – Дестанг решительно выпрямился.

– В связи с этим может возникнуть весьма непростая юридическая проблема, сэр. Либо мой клон – не подданный императора и мы вообще не имеем на него никаких прав, либо он – подданный, и тогда находится под защитой законов империи... – Майлз облизнул губы. Галени, догадавшийся, к чему он клонит, закрыл глаза, как перед прыжком в холодную воду. – В любом случае его убийство будет преступным шагом.

Дестанг кинул на него нетерпеливый взгляд:

– Я и не собирался отдавать такой приказ вам, лейтенант.

«Он думает, я не хочу марать руки...»

Если Майлз доведет спор с Дестангом до логического конца в присутствии двух имперских офицеров, есть шанс, что коммодор пойдет на попятную. Но скорее всего сам Майлз окажется далеко... в стороне от происходящего. Если их противостояние дойдет до трибунала, победителей не будет. И Барраяру это не на пользу, и сорок лет службы Дестанга не заслуживают столь позорного конца. А если Дестанг упрячет его под домашний арест, все возможные варианты (а что именно он задумал, о Господи!) пойдут прахом. Тем временем отряд Дестанга без колебаний выполнит любой приказ своего командира.

Майлз оскалился, пытаясь изобразить вежливую улыбку:

– Благодарю вас, сэр.

Айвен перевел дух, а Дестанг, поколебавшись, спросил:

– Юриспруденция – необычное хобби для специалиста по секретным операциям, вы не находите?

– Со всяким бывает, – кротко ответил Майлз.

Элли смотрела на Майлза в упор, словно спрашивая: «Как быть?»

– А вы постарайтесь не увлекаться, лейтенант Форкосиган, – миролюбиво порекомендовал Дестанг. – У моего адъютанта лежит для вас чек на восемнадцать миллионов марок. Зайдите к нему перед уходом. И заберите с собой женщин.

Он махнул рукой в сторону двух дендариек в военной форме.

Айвен злорадно фыркнул.

«Черт побери, это мои офицеры, а не гаремные жены», – мысленно огрызнулся Майлз. Ни один барраярский военный в возрасте Дестанга все равно бы этому не поверил. Некоторые предрассудки не меняются, просто они со временем уходят в прошлое.

Слова Дестанга прозвучали как приказ немедленно удалиться. Игнорировать его было невозможно. Но Дестанг не упомянул...

– Да, лейтенант, отправляйтесь. – Голос Галени звучал весьма благодушно. – Я так и не дописал рапорт. Коммодор дает вам восемнадцать миллионов марок, а я могу предложить еще Марку – если вы заберете с собой своих дендарийцев.

Глаза Майлза расширились: Галени явно произнес это слово с нажимом.

«Галени не успел сказать Дестангу, что поручил дело дендарийцам. Значит, тот не сможет нам это запретить!»

Стало быть, у него есть фора – если только он успеет найти Галена и Марка раньше, чем Дестанг...

– Отлично, капитан, – услышал Майлз собственный ответ. – Я-то знаю, какой весомой может оказаться одна Марка.

Галени коротко кивнул и повернулся к Дестангу.

Майлз поспешил удалиться.

Глава 13

Когда Майлз отправился к себе, чтобы переодеться в дендарийскую форму, за ним увязался Айвен. Майлзу казалось, что с тех пор, как он переступил в этой самой форме порог посольства, прошла целая жизнь.

– Глаза бы мои на это на все не глядели, – бормотал Айвен. – Дестанг хорошо взялся за дело. Спорим, он так и продержит Галени на ногах всю ночь, стараясь расколоть его. Если, конечно, есть на что раскалывать.

– Черт побери! – Майлз скомкал свой баррарийский мундир и со всей силы швырнул его об стенку. Но это не принесло облегчения. Плюхнувшись на кровать, Майлз стянул с себя сапог, поднял его, словно взвешивая, затем покачал головой и с омерзением разжал пальцы. – Меня это просто бесит. Галени заслуживает награды, а не порицания. Одно утешение – если уж Сер Гален не смог его сломать, не думаю, что Дестангу это удастся. Но это несправедливо, несправедливо... – Майлз погрузился в горестные размышления. – И я тоже его подставил! Проклятие, проклятие, проклятие...

Элли, никак не реагируя, протянула ему адмиральский мундир. Айвен был не так умен.

– А-а, не грусти, Майлз. Мне будет приятно думать, что ты в безопасности, когда головорезы Дестанга возьмутся наводить порядок. Подозрительны, как бесы, – не поверят даже собственной бабушке. Ох и достанется нам всем! Нас выстирают, выполошут, выжмут и повесят сушиться на холодном-холодном ветру... – Он подошел к кровати и с тоской посмотрел на нее. – Нет смысла ложиться. Все равно я им для чего-нибудь еще понадоблюсь.

И Айвен с мрачным видом уселся на кровать.

Майлз посмотрел на кузена с неожиданным интересом.

– Эй, ты что, собираешься топтаться в самом центре событий?

Почувствовав подвох, Айвен с подозрением взглянул на него:

– Именно так. А что?

Майлз встряхнул брюки. На кровать вывалился его секретный комм.

– Допустим, я вспомню перед уходом, что комм надо вернуть; допустим, Элли забудет это сделать. – Элли тут же перестала копаться в карманах мундира и вся обратилась в слух. – И допустим, ты сунешь его себе в карман, чтобы отдать сержанту Барту, как только получишь вторую половину. – Майлз кинул Айвену комм; тот машинально схватил его, но тут же, вытянув руку, отстранил от себя, как ядовитую гадину.

– А допустим, я сейчас вспомню, что случилось, когда я в последний раз помог тебе тайно получить информацию? – язвительно спросил Айвен. – Маленький фокус, который я проделал, чтобы провести тебя в посольство той ночью, когда ты пытался спалить весь Лондон, занесен в мое личное дело. У ищеек Дестанга начнутся конвульсии, когда они об этом прочтут. Особенно в нынешней ситуации. Допустим, я воткну этот комм тебе в... – тут Айвен вспомнил об Элли, – ухо?

Майлз, ухмыльнувшись, просунул голову и руки в черную футболку, надел ее на себя и начал натягивать дендарийские боевые сапоги.

– Айвен, это простая предосторожность. Не более. Может, комм нам и не понадобится. Только если возникнут непредвиденные обстоятельства...

– Не могу представить себе, – непреклонно заявил Айвен, – обстоятельства, о которых преданный делу младший офицер не вправе сообщить своему командующему. И Дестанг не сможет себе представить. Что ты опять задумал, радость моя?

Майлз застегнул сапоги и помолчал. Он был серьезен.

– Сам не знаю. Но должен же хоть кто-то расхлебать эту заварушку!

Элли, молчавшая до сих пор, заметила:

– Мне казалось, мы уже кое-что расхлебали. Обнаружили предателя, перекрыли утечку информации из посольства, предотвратили похищение и раскрыли крупнейший заговор против Барраярской империи. И все – бесплатно. И все – за неделю. Тебе что, мало? Что тут еще можно спасти?

– Ну, если б эти акции были запланированными... А ведь получилось-то все по чистой случайности, – заметил Майлз.

Айвен с Элли переглянулись поверх его головы: на их лицах отразилась одинаковая тревога.

– Тебе что, мало? Что ты еще собираешься расхлебывать? Что тут можно спасти? – как эхо повторил Айвен.

Майлз нахмурился, уставясь на свои сапоги:

– Кое-что. Будущее. Еще один шанс... Возможность.

– Ты это о клоне, да? – прошипел Айвен сквозь зубы. – Ты просто заиклился на этом сукином сыне!

– Плоть от плоти моей, Айвен. – Майлз горестно развел руками. – На некоторых планетах его называли бы моим братом. На других – даже сыном, в зависимости от закона о клонировании.

– Да это же попросту клетка! – Пояснил Айвен. – А тот, кто в тебя стреляет, на Барраяре называется врагом. У тебя нелады с памятью, Майлз? Эти люди только что пытались убить тебя! Сегодня... вчера утром!

Майлз отстраненно улыбнулся, но ничего не ответил.

– Знаешь, – осторожно начала Элли, – если ты на самом деле хочешь завести клона, ты мог бы его заказать. Без... э-э... проблем, связанных с этим. У тебя триллионы клеток...

– Я не хочу заводить клона, – ответил Майлз. «Я хочу брата». – Но, кажется, мне его выдали.

– По-моему, его заказал и оплатил не кто иной, как Сер Гален, – парировала Элли. – Единственное, что он намеревался «выдать» тебе, – это смерть. По законам Архипелага Джексона – планеты, откуда он родом, – клон принадлежит Галену.

«Джек Норфлок, ты дерзок, но все равно, – мелькнуло в голове у Майлза. – Хозяин твой Дикон уж продан давно».

– Даже на Барраяре, – тихо сказал Майлз, – ни один человек не может владеть другим. Гален слишком далеко зашел в погоне за своими... принципами...

– В любом случае, – Айвен был непреклонен, – ты уже вышел из игры. Высшее командование взяло все в свои руки. Я слышал, тебе приказали готовиться к вылету.

– А ты слышал, как Дестанг говорил о намерении убить моего... моего клона... если ему это удастся?

– Ага. И что? – Айвен, кажется, с перепугу закусил удила. – И правильно. Мерзкий змееныш!

– Дестанг – хороший игрок, – спокойно сказал Майлз. – Даже если бы я сейчас ушел в самоволку и вернулся на Барраяр: вымолить у отца жизнь клона, заставить его надавить на Саймона Иллиана, – все равно приказ дошел бы до Земли слишком поздно.

Айвен был потрясен.

– Майлз! Уж на что я стеснялся просить дядю Эйрела о чем бы то ни было, но ты... Я был уверен, что ты скорее дашь с себя шкуру содрать, чем обратишься к отцу с просьбой. Ты хочешь начать с того, чтобы обойти начальство? Да ни один командующий после этого не захочет иметь с тобой дело!

– Да, ты прав. Я скорее умер бы, чем обратился с просьбой к отцу, – безразлично согласился Майлз. – Но я не могу требовать, чтобы за меня умер кто-то другой. Однако сейчас это к делу не относится. Все равно ничего не выйдет.

– Слава Богу, – только и мог сказать ошарашенный Айвен.

«Если я не могу убедить двух моих лучших друзей в том, что я прав, – подумал Майлз, – возможно, я ошибаюсь. Или, возможно, мне придется действовать в одиночку».

– Айвен, я просто прошу тебя оставить у себя этот комм, – сказал он. – Я не прошу, чтобы ты что-то делал...

– Пока не просишь, – мрачно вставил Айвен.

– Я бы передал комм капитану Галени, но за ним наверняка установят слежку. Если у него конфискуют комм – это покажется подозрительным.

– А если комм конфискуют у меня? – жалобно спросил Айвен.

– Сделай это. – Майлз застегнул мундир, встал и протянул руку за коммом. – Или не делай.

– А-а... – Айвен сдался и сунул комм в карман. – Ладно, я подумаю.

Майлз благодарно кивнул.

Они успели на дендарийский катер, который как раз собирался вылететь из лондонского космопорта с возвращающимися из увольнения на борту. Элли связалась с пилотом и приказала ему задержаться и подождать их. Майлз был бы рад никуда не спешить. Он и не спешил бы, если б не обязанности адмирала Нейсмита. Пришлось ускорять шаг.

Но задержка оказала добрую услугу еще одному дендарийцу. Размахивая сумкой, тот стрелой промчался по бетону и еле успел вскочить на исчезающий в люке трап. Бдительный охранник узнал бегущего и, протянув руку, втащил его в набирающую скорость машину.

Майлз, Элли Куин и Элен Ботари-Джезек устроились на заднем сиденье. Опоздавший дендариец, отдышавшись, заметил Майлза, широко улыбнулся и отдал ему честь.

Майлз улыбнулся в ответ:

– А, сержант Съембьеда. – Райанн Съембьеда был ответственным сержантом-техником из инженерной команды и отвечал за обслуживание и ремонт боевых доспехов. – Вас разморозили?

– Да, сэр.

– Мне говорили, что ваш прогноз был одним из самых благоприятных.

– Меня выпустили из больницы две недели назад. Я был в увольнении. Вы тоже, сэр? – Съембьеда кивнул на серебряный пакет у ног Майлза, в котором лежал живой мех.

Майлз постарался запихнуть его каблуком под сиденье.

– И да, и нет. По правде говоря, вы развлекались, а я работал. В результате мы все очень скоро возьмемся за дело. Хорошо, что вы уже успели отдохнуть.

– Земля – это великолепно, – вздохнул Съембьеда. – Я ужасно удивился, когда очнулся на ней. Вы уже видели Парк Единорога? Он как раз на этом острове. Я был там вчера.

– Боюсь, я мало что видел, – с сожалением отозвался Майлз.

Съембьеда вытащил из кармана голокуб и вручил его Майлзу.

«Парк Единорога и Диких животных (отдел «Галак-Тэк-биоинжиниринг») расположен на территории огромного исторического поместья Вутон в Суррее», – сообщал путеводитель. На экране возник сияющий белый зверь, нечто среднее между лошадью и оленем, и грациозно побежал по зеленой лужайке к фигурно подстриженным деревьям.

– Там даже разрешают кормить ручных львов, – сообщил Съембьеда.

Майлз моргнул, внезапно представив себе одетого в тогу Айвена, которого бросают из грузовика стае голодных бежевых кошек, несущихся следом. Пожалуй, он перечитался книг по земной истории.

– А что они едят?

– Протеиновые кубики, как и мы.

– А, – сказал Майлз, стараясь, скрыть разочарование, и вернул голокуб.

Однако сержант медлил.

– Сэр... – нерешительно начал он.

– Да? – подбодрил его Майлз.

– Я восстановил все свои навыки, меня проверили и разрешили выполнять легкую работу, но... Я не смог ничего вспомнить про день, когда меня убили. А медики не желают говорить. Это... меня слегка беспокоит, сэр.

Во взгляде карих глаз была тревога.

Майлз прекрасно понимал, в чем дело.

– Ну, медики и не могли ничего сказать. Их там просто не было.

– Но вы были, сэр, – неуверенно подсказал Съембьеда.

«Это уж точно, – подумал Майлз. – Если бы меня там не было, ты и не принял бы на себя смерти, предназначавшейся мне».

– Вы помните, как мы прилетели на Махата Солярис? – спросил он.

– Да, сэр. Я помню все вплоть до предыдущего вечера. Но тот день исчез полностью – не только бой.

– А. Ну, тут нет ничего загадочного. Коммодор Джемек, я, вы и ваша техническая команда отправились на склад проверить качество поставок: возникла проблема с одним из товаров.

– Я помню. – Съембьеда кивнул. – Источники питания. Там была проблема с радиоактивным излучением.

– Совершенно верно. Кстати, именно вы заметили дефект, когда их выгружали. А ведь есть и такие, кто просто отправил бы их на склад не глядя.

– Из моих ребят – никто, – пробормотал Съембьеда.

– Так вот, на складе нас уже поджидал отряд цетагандийцев. Мы так и не узнали, кто это подстроил. Хотя были подозрения, что в деле замешан кто-то из власть имущих, поскольку нам было велено немедленно покинуть пространство Махата Солярис. Возможно, им не понравилось, что мы доставили им некоторое беспокойство. Короче, взорвалась гравиграната и разнесла часть склада. Вам в шею попал осколок, и вы в считанные секунды истекли кровью. (Просто удивительно, сколько ее оказалось в этом худощавом молодом человеке. Тяжелый запах крови и треск огня ясно вспомнились Майлзу, но голос его звучал обыденно ровно.) Мы доставили вас на «Триумф» и заморозили. Хирург был преисполнен оптимизма, поскольку серьезного повреждения тканей у вас не оказалось. – «В отличие от одного из техников, которого самым серьезным образом разнесло на кусочки в тот же самый момент», – мысленно добавил Майлз.

– Я... все думал, что я сделал. Или не сделал.

– У вас практически не было времени: вы оказались первой жертвой.

Съембьеда, похоже, успокоился. «И что происходит в голове у ходячего мертвеца? – задумался Майлз. – Какого провала мог он бояться больше смерти?»

– Если вас это утешит, – вставила Элли, – подобные провалы в памяти свойственны пострадавшим при любых травмах, а не только криооживленным. Поспрашивайте других – узнаете, что вы отнюдь не исключение.

– Пристегнитесь-ка лучше, – посоветовал Майлз, когда катер накренился.

Повеселевший Съембьеда кивнул и устроился в кресле перед ними.

– А ты помнишь свой ожог? – с любопытством спросил Майлз у Элли. – Или все ушло в благословенное забытие?

Элли невольно провела рукой по лицу:

– Я так и не потеряла сознания.

Катер рванулся вперед и вверх. Майлз решил, что управление находится в руках лейтенанта Птармигана. Негодующие замечания других пассажиров подтвердили его опасения. Он потянулся было к кнопке экстренной связи с пилотом, но тут же отдернул руку: незачем отвле-

кать Птармигана, пока тот не перевернет катер вверх тормашками. К счастью для Птармигана, катер пришел в равновесие.

Внизу рассыпались огни Большого Лондона, и Майлз вытянул шею, чтобы взглянуть в иллюминатор. Мгновение спустя он увидел устье реки с дамбами и шлюзами, протянувшимися на сорок километров. Береговая линия была полностью переделана. Она отделяла город от моря, защищая исторические ценности и несколько миллионов душ, проживавших у берегов Темзы. Гигантский мост, перекинутый через пролив, сверкнул на фоне свинцовой воды. Да, люди способны объединиться ради того, чтобы спасти город, но они никогда не пойдут на это ради принципов. С политикой моря не поспоришь.

Катер развернулся, резко набирая высоту, и Майлз в последний раз взглянул на удаляющийся Лондон. Где-то там, внизу, в этом чудовищном городе, скрываются Гален и Марк, а разведывательный отряд Дестанга прочесывает одно за другим все убежища Галена и ищут следы в комм-сети. Смертельная игра в прятки. Разумеется, Галену хватит ума не обращаться за помощью к старым друзьям и не включать комм. Если он сейчас смирится с неудачей и исчезнет, у него появится шанс отложить на будущее знакомство с барраярским правосудием.

Но если он надумал скрыться, зачем он вернулся за Марком? Какой ему прок от клона? Или это чувство ответственности за свое детище? Почему-то Майлзу слабо в это верилось. Не похоже, чтобы этих двоих связывала любовь. Может, клон нужен Галену как слуга, как раб, как солдат? И можно ли его продать, а если да, то кому – цетагандийцам, медлаборатории, паноптикуму?

А ему самому? Может ли клон быть продан Майлзу?

Ага! На это способен купиться даже сверхподозрительный Гален! Пусть он думает, что Майлзу нужно новое тело, без ломких костей, которые мучают его всю жизнь... Пусть думает, что Майлз готов заплатить любые деньги, лишь бы заполучить клона... Тогда Майлз обретет Марка, даст Галену деньги и поможет ему ускользнуть от барраярцев, а тот никогда не догадается, что стал объектом благотворительности только из-за собственного сына. Правда, у этой идеи два существенных недостатка: во-первых, нет связи с Галеном и переговоры невозможны, а во-вторых, если Гален и пойдет на эту дьявольскую сделку, сам Майлз отнюдь не уверен, что после всего случившегося жаждет спасти Галена от мести барраярцев. Да, забавная дилемма.

Ступив на борт «Триумфа», Майлз почувствовал, что он наконец дома. Напряжение, ставшее уже привычным, тут же отпустило, стоило вдохнуть знакомый регенерированный воздух, ощутить еле уловимые шумы и вибрации идеально функционирующего живого корабля. Все сверкало как новенькое, и Майлз дал себе слово узнать, кто сотворил это чудо. Ох, как приятно снова стать простым адмиралом Нейсмитом и ни о чем не думать, кроме недвусмысленных указаний Генштаба.

Майлз отдал несколько распоряжений. Прекратить поиски контрактов. Объявить общую шестичасовую готовность. Всем кораблям за двадцать четыре часа подготовиться к вылету. Прислать ко мне лейтенанта Боун. Это потешило свойственную ему манию величия: все стягивается к центру – то есть к нему, Майлзу. Но стоило вспомнить о нерешенной проблеме, ожидающей его в дендарийской разведке, как веселье мигом поухло.

Прихватив Куин, Майлз отправился с визитом к разведчикам. Там он обнаружил Бела Торна, который сидел за комм-пультом. Если, конечно, в данном случае уместно было слово «сидел»: Тортн принадлежал к гермафродитному меньшинству Колонии Бета – злополучным плодам генетического проекта столетней давности и сомнительного качества. По мнению Майлза, это был самый безумный из всех безумных экспериментов. Большинство гермафродитов оставались верны своему маленькому уютному миру в сверхтерпимой Колонии Бета; и то, что Тортн осмелился шагнуть на просторы галактики, свидетельствовало либо об отваге со скуки,

либо (что более вероятно), о любви к эпатажу. Мягкие темно-русые волосы Торн стриг нарочито двусмысленно, но форму капитана дендарийцев носил как истинный солдат.

– Привет, Бел. – Майлз выдвинул сиденье и закрепил его в пазах. Торн приветствовал его небрежным взмахом руки, отдаленно напоминавшим салют. – Прокрути мне все данные, полученные из дома Галена, – разумеется, после того, как мы с Куин вызволили барраярского военного атташе.

Куин выслушала эту отредактированную версию глазом не моргнув.

Торн послушно включил быструю перемотку, прокрутил полчаса молчания и замедлил воспроизведение, дойдя до бессвязного диалога двух несчастных комаррских охранников, приходивших в себя после парализатора. Затем зазвонил комм, на экране возникло размытое изображение, послышался тихий, лишенный интонаций голос, появилось лицо Галена. Он потребовал отчета о выполнении задания, но вместо этого выслушал весьма занимательную историю. Гален резко повысил голос. «Идиоты!» Пауза. «И не вздумайте меня разыскивать». Запись оборвалась.

– Надеюсь, вы выяснили, откуда он звонил? – спросил Майлз.

– Общественный комм на станции подземки, – ответил Торн. – К тому времени как туда прибыли наши люди, радиус поиска увеличился до сотен километров. Удобный транспорт эта подземка.

– Так. И после этого он туда не возвращался?

– Нет. Насколько я понимаю, он не первый раз ускользает от службы безопасности.

– Да уж, опыт у него огромный. Он начал свою блистательную карьеру задолго до моего рождения, – вздохнул Майлз. – А как насчет охранников?

– Они все еще были там, когда в дом вломились ребята из Барраярской безопасности, взявшие наблюдение на себя. Мы тут же сняли оборудование и отправились восвояси. А кстати, Барраяр уже заплатил нам за эту работу?

– Да уж...

– Вот славно. А то я боялся, что нам не заплатят, пока мы не доставим им Ван дер Пула.

– Кстати о Ван дер Пуле – Галене, – сказал Майлз. – Мы уже не сотрудничаем здесь с барраярцами. Они поручили это ребятам из штаб-квартиры сектора на Тау Кита.

Торн недоумевающе нахмурился:

– А мы? По-прежнему ищем его?

– Пока да. Только предупредите тех, кто действует на Земле: следует избегать контактов с барраярцами.

Торн недоуменно поднял брови.

– Тогда на кого же работаем мы?

– На меня.

Торн помолчал.

– Не слишком ли близко к сердцу вы это принимаете, сэр?

– Слишком. Хочу, чтобы моей разведке ничто не мешало. – Майлз вздохнул. – Ну ладно. Тут возникло некое осложнение личного плана. Вас никогда не удивляло, что я ничего не рассказываю о семье, о своем прошлом?

– Ну... Мало кого из дендарийцев это удивляет.

– Вот именно. Я родился клоном, Бел.

На лице Торна отразилось легкое сочувствие.

– Ну, у меня много знакомых клонов. И ничего.

– Возможно, правильнее будет сказать – я создан клоном. В военной лаборатории галактической державы, о которой не следует упоминать. Меня создали, чтобы тайно подменить сына некоего высокопоставленного лица, занимающего ключевой пост в другой галактической державе, о которой, впрочем, тоже не следует упоминать... Вам не составит особого труда

догадаться, о ком идет речь... Но около семи лет назад я решил отказаться от такой сомнительной чести. Мне удалось бежать, и я стал действовать самостоятельно, создав дендарийских наемников из... э-э... подручного материала.

Торн усмехнулся:

– Помню-помню, как же.

– Но тут появился Гален. Галактическая держава, о которой упоминать не следует, отказалась от своего плана, и я считал, что могу забыть о своем печальном прошлом. Но в попытке создать точную копию сына того высокопоставленного лица, о котором я упоминал, в лаборатории произвели нескольких клонов. Я был последним, самым удачным. Я считал, что остальные клоны давно уничтожены. Но я заблуждался. Как выяснилось, один из предыдущих, менее удачных вариантов был криосохранен. Не знаю как, но он попал в лапы Серу Галену. Мой единственный выживший брат, Бел, – Майлз сжал кулаки, – в руках фанатика. Я хочу вызволить его. Вы способны понять меня, Бел?

Торн кивнул:

– Зная вас... да. Это для вас очень важно, сэр?

– Очень.

Торн решительно выпрямился:

– Значит, это будет сделано.

– Спасибо. – Майлз помедлил. – Снабдите командиров наших подразделений на Земле небольшими медсканерами, пусть постоянно носят их с собой. Как вам известно, примерно год назад мне заменили кости ног на синтепротезы. У клона – нормальные кости. Только так нас и можно отличить друг от друга.

– Вы что, правда так похожи? – спросил Торн.

– Как две капли воды.

– Один к одному, – подтвердила Куин. – Я его видела.

– ...Понимаю. Любопытные возможности для ошибок, сэр.

Торн взглянул на Элли, та смущенно покачала головой.

– Увы, – коротко подытожил Майлз. – Надеюсь, медсканеры помогут избежать любопытных ошибок. Продолжайте действовать – и сообщите, как только узнаете что-то новое.

– Слушаюсь, сэр.

В коридоре Элли заметила:

– Ловко выкрутились, сэр.

Майлз вздохнул:

– Надо было как-то предупредить дендарийцев насчет Марка. Нельзя допустить, чтобы он снова без помех играл в адмирала Нейсмита.

– Марка? – удивилась Элли. – Это еще кто такой, позволь тебя спросить? Майлз Марк второй?

– Лорд Марк Пьер Форкосиган, – спокойно ответил Майлз. По крайней мере ему казалось, что спокойно. – Мой брат.

Элли, осведомленная о значимости барраярских клановых связей, нахмурилась:

– Значит, Айвен прав? Этот молокосос тебя загипнотизировал?

– Не знаю... – медленно проговорил Майлз. – Если я единственный, кто видит в нем брата, тогда возможно, возможно...

Элли с надеждой кивнула.

Уголок рта Майлза приподнялся в легкой улыбке:

– ...возможно, все остальные ошибаются.

Элли хмыкнула.

Майлз посерьезнел.

– Я и сам не знаю. За эти семь лет я никогда не использовал маску адмирала Нейсмита в личных целях. И мне вовсе не хочется нарушать это правило. Но скорее всего нам не удастся отыскать этих двоих, и твой вопрос так и останется без ответа.

– Свежо предание, – неодобрительно сказала Элли. – Если ты не хочешь, чтобы их нашли, тебе следовало бы прекратить поиски.

– Логично.

– Так почему же ты поступаешь вопреки логике? Ну, допустим, поймал бы ты их. А дальше что с ними делать?

– Элементарно, – сказал Майлз. – Я хочу найти Галена и моего клона раньше, чем это сделает Дестанг, и разделить их. А потом позабочусь, чтобы Дестанг не нашел их раньше, чем я отправлю личный рапорт на Барраяра, Иллиану или отцу. Я уверен, что тогда они официально отменят приказ об устранении клона, и причем без моего непосредственного участия.

– А Гален? – скептически поинтересовалась Элли. – Не похоже, что они от него отстанут.

– Может быть, и нет. Гален – это проблема, которую я не решил до сих пор.

Майлз вернулся к себе в каюту, где его и поймала бухгалтер флота.

Лейтенант Боун хищно вцепилась в чек на восемнадцать миллионов.

– Спасены!

– Распорядитесь деньгами как полагается, – сказал Майлз. – Прежде всего выкупите «Триумф». Мы должны иметь возможность в любой момент улететь отсюда. Э-э... Как вы думаете, вы смогли бы как-нибудь сделать кредитный чек, чтобы он не указывал явно на нас?

У Боун сверкнули глаза:

– Интересная задача, сэр. Это как-то связано с нашим новым контрактом?

– Строго секретно, лейтенант, – хладнокровно объявил Майлз. – Я не могу это обсуждать даже с вами.

– Строго секретно! – хмыкнула Боун. – От финансового отдела скрыто гораздо меньше, чем вы все думаете.

– А может, мне следует объединить наши отделы? Нет? – Майлз усмехнулся, заметив, как вытянулось лицо Боун. – Ладно, может, и не объединю.

– На кого выписывать чек, сэр?

– На предъявителя.

Боун подняла брови.

– Очень хорошо, сэр. На какую сумму?

Майлз задумался.

– Полмиллиона марок. Только переведите в местные единицы.

– Полмиллиона марок, – уважительно повторила Боун. – Это не мелкие расходы.

– Только в том случае, когда они оплачены.

– Постараюсь, сэр.

Оставшись один, Майлз нахмурился. Ситуация безвыходная. Вряд ли Гален пойдет на контакт по собственной инициативе, если не найдет способа взять ситуацию под контроль или не выкинет очередной номер. Но если позволить Галену командовать парадом, то последствия будут катастрофическими. Майлза не вдохновляла идея слоняться кругами, пока Гален не выкинет очередной номер. Итак, пора проявить изобретательность – все лучше, чем полное бездействие, время не ждет. Дьявольщина: ситуация явно не в его пользу. Пора переходить от защиты к нападению... Высший пилотаж. Осталось только найти Галена, а то без партнера играть скучно. Майлз застонал от безнадёжности и рухнул на койку.

Майлз проспал часов двенадцать. Когда он открыл глаза, в каюте было темно. Он посмотрел на светящийся циферблат настенных часов и решил полежать еще немного, наслаждаясь

тем, что наконец-то никуда не надо спешить. Руки и ноги были налиты свинцом, но тут засигналил комм. Избавленный от греха лени Майлз вскочил с койки.

– Сэр. – На экране возникло лицо офицера связи «Триумфа». – Вас вызывают по экранированной линии из посольства Барраяра в Лондоне. Дело секретное и срочное.

Майлз надеялся, что это не следует понимать так уж буквально. Это не Айвен, Айвен воспользовался бы тем коммом, который оставил ему Майлз. Должно быть, очередное официальное сообщение.

– Дешифруйте и передайте на мой комм.

– Зарегистрировать?

– А... нет.

Может, новые указания Генштаба для дендарийского флота? Майлз мысленно ругнулся. Если им придется улететь прежде, чем дендарийская разведка найдет Галена и Марка...

На экране появилось мрачное лицо Дестанга.

– «Адмирал Нейсмит». – Майлз услышал кавычки вокруг своего имени. – Мы одни?

– Совершенно одни, сэр.

Дестанг слегка успокоился.

– Очень хорошо. Лейтенант Форкосиган, у меня есть для вас приказ: вы должны оставаться на борту до тех пор, пока я не свяжусь с вами лично.

– Почему, сэр? – спросил Майлз, хотя слишком хорошо понимал, что это значит.

– Чтoб у меня еще и из-за вас голова не болела. Когда достаточно простой предосторожности, чтобы предотвратить катастрофу, глупо ее не принять. Я достаточно ясно изъясняюсь?

– Более чем достаточно, сэр.

– Очень хорошо. Это все. Дестанг связь закончил.

И лицо коммодора растворилось в воздухе.

Майлз ругнулся громко – и с чувством. «Предосторожность» Дестанга может означать только одно: его ребята уже нашли Марка и готовятся к решающему удару. Как скоро они его нанесут? А может, еще есть шанс?..

Майлз натянул серые брюки и выхватил из кармана комм для связи с Айвеном.

– Айвен, – тихо сказал он. – Ты здесь?

– Майлз? – Это был голос не Айвена, это был голос Галени.

– Капитан Галени? Я тут случайно обнаружил свой второй комм... Э-э... вы один?

– В настоящий момент – да. – Галени говорил сухо, одной лишь интонацией выражая свое отношение как к истории о случайно найденном комме, так и к тому, кто ее изобрел. – А что?

– Как к вам попал этот комм?

– Ваш кузен вручил его мне перед тем, как отбыть с особым поручением.

– Какое поручение? Куда отбыть?

Неужели Дестанг подключил к розыску Айвена? Если так, Майлз с радостью придушит идиота: кузен лишил его возможности быть в курсе событий... Вот упрямый осел! Если только...

– Он сопровождает супругу посла на Всемирную ботаническую выставку, где экспонируются орнаментальные цветочные аранжировки. Выставка проходит в Лондонском сельскохозяйственном павильоне. Супруга посла посещает ее каждый год для контактов с общественностью. Хотя, надо признать, цветы ее тоже интересуют.

Майлз аж задохнулся от возмущения:

– В самый разгар скандала со службой безопасности вы отправляете Форпатрила на выставку цветов?!

– Не я, – ответил Галени. – Коммодор Дестанг. Мне кажется, он решил избавиться от Айвена. Должен сказать, он не в восторге от вашего кузена.

– А как насчет вас?

– От меня он тоже не в восторге.

– Да я не о том – вы что сейчас делаете? Вы связаны напрямую с... этой операцией?

– Наверяд ли.

– Приятно слышать. Я немного боялся, что кому-нибудь ударит в голову проверить вашу лояльность...

– Коммодор Дестанг не садист и не дурак. – Галени немного помолчал. – Он просто осмотрителен. Мне приказано оставаться в своей комнате.

– Значит, вы не имеете непосредственного отношения к этой операции. И не в курсе того, где они и когда планируют... предпринять шаги.

Галени ответил с нарочитой безучастностью – ни предлагая, ни отвергая помощи:

– Непосредственного – не имею.

– Хм. Он только что приказал мне оставаться на борту корабля. Наметился прорыв и дело идет к развязке.

Последовало недолгое молчание. Галени со вздохом сказал:

– Печально слышать, что... – Его голос сорвался. – Все так бессмысленно! Мертвая рука прошлого дергает за веревочки, мы, несчастные марионетки, пляшем, а пользы от этого никому: ни нам, ни ему, ни Комарре...

– Если бы я мог связаться с вашим отцом! – начал Майлз.

– Это бессмысленно. Он будет бороться до последнего.

– Но у него больше ничего не осталось. Он упустил свой последний шанс. Он уже старик, ему все надоело... Может, он готов измениться, успокоиться наконец, – возразил Майлз.

– Хотелось бы... Нет. Он не может успокоиться. Доказать свою правоту для него важнее жизни. Сознание своей правоты оправдывает все его преступления. Совершить все то, что он совершил, и узнать, что был не прав, – это невыносимо!

– Я... понимаю. Ладно, я свяжусь с вами, если я... у меня будет что сообщить. Ведь вам все равно... э-э... не имеет смысла возвращать комм до тех пор, пока у вас не будет второго?

– Как хотите. – В голосе Галени не ощущалось надежды.

Майлз отключил комм.

Он вызвал Торна, но тот доложил, что прогресса пока не заметно.

– Что ж, – протянул Майлз. – В таком случае вот вам еще подсказка. Не слишком приятная. Барраярский отряд, очевидно, нашел интересующую нас цель – где-то с час назад.

– Ага! Значит, мы сможем последовать за ними, и они сами приведут нас к Галену.

– Боюсь, что нет. Мы должны опередить их, а не следовать за ними. Это смертельная игра.

– Вооружены и очень опасны, а? Я передам приказ. – Торн задумчиво присвистнул. – Да, ваш близнец пользуется широкой известностью.

Майлз умылся, оделся, перекусил и начал собираться: нож в сапоге, сканеры, парализаторы (в кобуре и тайные), комм, широкий ассортимент приборов и игрушек, и миниатюрных приспособлений, которые дозволено проносить через таможенные устройства лондонского космопорта. Увы, все это совсем не тянуло на боевое снаряжение, хотя при ходьбе мундир чуть ли не звенел. Майлз вызвал дежурного офицера, распорядился, чтобы катер был заправлен, а пилот – готов к вылету. Он нетерпеливо ждал.

К чему клонит Гален? Если он не просто убегает – а, как известно, барраярский отряд уже практически вышел на него, и значит, он с упорством, достойным лучшего применения, продолжает болтаться поблизости по какой-то причине, – возникает вопрос: почему? Простая мстительность? Что-нибудь более изощренное? Был ли предыдущий анализ Майлза слишком грубым, слишком тонким – что он упустил? Как поступит человек, который во что бы то ни стало вынужден быть правым?

Комм в каюте зазвонил. Майлз вознес короткую беззвучную молитву – пусть это будет хоть какой-нибудь просвет, хоть какая-нибудь зацепка, хоть какая-нибудь опора...

На экране возникло лицо офицера связи:

– Сэр, получен вызов с коммерческого комм на планете. Человек, который отказался представиться, сказал, что вы желаете с ним побеседовать.

Майлза словно током ударило.

– Проследите, откуда вызов, запишите и передайте копию капитану Торну. Соедините нас.

– Это должен быть визуальный выход или только звук?

– И то, и другое.

Лицо офицера связи расплылось и на его месте возникло другое – создавая тревожную иллюзию перевоплощения.

– Форкосиган? – произнес Гален.

– Ну и? – ответил Майлз.

– Я не стану повторяться. – Гален говорил быстро и приглушенно. – Мне наплевать, что вы записываете наш разговор и сможете выследить меня. Вы встретитесь со мной ровно через семьдесят минут. Вы подойдете к приливному барьеру Темзы, остановитесь между шестой и седьмой башнями, строго посередине. Затем выйдете на морскую сторону и спуститесь вниз. Один. Тогда поговорим. Если какое-то условие не будет соблюдено, нас не окажется в условленном месте. И Айвен Форпатрил погибнет ровно в 2.07.

– Вас двое. И я должен быть не один, – начал Майлз. «Айвен!»

– А-а-а, ваша очаровательная телохранительница? Прекрасно. Приходите вдвоем.

Экран погас.

– Нет...

Молчание.

Майлз вызвал Торна.

– Вы слышали, Торн?

– Еще бы. Звучит угрожающе. Кто такой Айвен?

– Очень важная персона. Откуда был вызов?

– С пересадочного узла подземки, с общественного комм. Мой человек будет там ровно через шесть минут. К сожалению...

– Знаю. Через шесть минут нам придется искать его среди нескольких миллионов человек. Итак, будем играть по его правилам. До определенного момента. Пусть патруль держится неподалеку, над приливным барьером, приготовьте полетный план для моего катера и попросите, чтобы нас ждал аэрокар с дендарийским пилотом и охранником. Передайте Боун, что чек мне нужен немедленно, а Куин – чтобы встретила меня в коридоре у люка и захватила с собой пару медсканеров. И будьте наготове сами. Я хочу кое-что проверить.

Глубоко вздохнув, Майлз включил свой комм.

– Галени?

Пауза.

– Да?

– Вы все еще под домашним арестом?

– Да.

– Мне срочно нужна информация. Где Айвен?

– Насколько мне известно, он все еще...

– Проверьте. Проверьте быстро.

Какое-то время Майлз потратил на то, чтобы еще раз проверить свою экипировку, отыскать лейтенанта Боун и проследовать по коридору к катеру. Там его ждала заинтригованная Элли.

– Ну и что на этот раз?

– У нас появилась зацепка. Так сказать. Гален просит о встрече, но...

– Майлз? – наконец послышался голос Галени.

– Да!

– Рядовой, которого мы откомандировали в качестве водителя и охранника, вышел на связь примерно десять минут назад. Он подменял Айвена рядом с миледи, когда тот отправился в туалет. Через двадцать минут Айвен все еще не вернулся, и водитель пустился на поиски. Он искал Айвена еще полчаса – сельскохозяйственный павильон громадный, и сегодня там полно народу – и только потом доложил нам. Как вы узнали?

– Кажется, у меня в руках другой конец нити. Узнаете почерк?

Галени ругнулся.

– Вот именно. Значит, так. Меня не интересует, как вы это осуществите, только через пятьдесят минут вы должны ждать меня у приливного барьера Темзы, шестая секция. Возьмите с собой хотя бы парализатор и постарайтесь, чтобы Дестанг не заметил вашего исчезновения. У нас назначена встреча с вашим отцом и моим братом.

– Если Айвен у него...

– Ему нужен был козырь. Иначе он не вступил бы игру. У нас с вами последний и единственный шанс все исправить. Не слишком хороший, но последний. Вы со мной?

Недолгая пауза.

– Да.

Ответ прозвучал решительно.

– Увидимся на месте.

Сунув комм в карман, Майлз повернулся к Элли:

– А теперь – вперед.

Они вошли в катер. В кои-то веки Майлз не возражал, чтобы Птармиган неслась вниз на боевой скорости.

Глава 14

Приливный барьер Темзы, прозванный местными острословами Мемориалом королю Кануту, знаменитому своей попыткой остановить королевским словом прилив, с высоты сотни метров казался куда более внушительным, чем из катера. Аэрокар накренился на повороте. Бесконечная синтетическая стена протянулась в обе стороны, насколько хватало глаз. Туманной ночью, в свете прожекторов, барьер казался сделанным из белого мрамора.

В сторожевых башнях, возвышавшихся через каждую тысячу метров, дежурили не часовые (они ходили по стене), а инженеры и техники, следившие за шлюзами и насосными станциями. Если море когда-нибудь прорвется через барьер, оно разрушит город до основания – безжалостнее, чем волны захватчиков.

Но морская гладь была спокойна этой летней ночью, испещренная разноцветными огоньками – красными, зелеными, белыми – и блуждающими огнями далеких кораблей. На востоке, у самой линии горизонта, мерцала ложная заря – сияние ночных городов Европы за проливом. А в древнем Лондоне, по ту сторону барьера, вся грязь, копоть, все руины исчезли, словно и не существовали вовсе. Все поглотила тьма. Остался только сверкающий мираж – волшебный, безупречный, бессмертный.

Майлз прижался лбом к прозрачному фонарю аэрокара, последний раз оценивая стратегические возможности арены, на которую они вот-вот ступят. Аэрокар опустился на полупустую стоянку за барьером. Шестая секция находилась вдалеке от других, выходивших на пролив, где круглосуточно работали гигантские навигационные шлюзы; здесь же была только дамба и вспомогательные насосные станции, безлюдные в этот поздний час, что вполне устраивало Майлза. Если начнется перестрелка, чем меньше тут окажется народу, тем лучше. Пандусы и лестницы вели к входным люкам – черным точкам на белом фоне. Паутина пешеходных дорожек: широкие – для общего пользования, узенькие – для обслуживающего персонала. В этот час местность казалась пустынной – никаких признаков присутствия Галени и Марка. Никаких признаков присутствия Айвена.

– 02.07, что это значит? – вслух размышлял Майлз. – У меня такое ощущение, что разгадка очень проста. Почему задано такое время?

Элли, рожденная в космосе, покачала головой, но дендарийский пилот сказал: «Это время прилива, сэр».

– Ой, – сказал Майлз и в ужасе шмякнулся на сиденье. «Как интересно. Можно предположить два варианта. Они спрятали Айвена где-то здесь – и нам было бы лучше сосредоточить поиски ниже линии прилива. Ну не могли же они приковать бедолагу к скале?»

– Воздушный патруль сможет все проверить, – сказала Куин.

– Да, так пусть и сделают.

Куин с охранником выскочили из аэрокара и быстро сканировали местность.

– Кто-то идет, – отрапортовал охранник.

– Будем молить Бога, чтобы это оказался капитан Галени, – пробормотал Майлз, взглянув на часы. До срока оставалось ровно семь минут.

Из темноты вынырнул мужчина, совершающий вечерний променад с любимой собакой. Он оглядел четырех дендарийцев в боевой форме, опасливо обогнул их и исчез в кустах. Все сняли руки с парализаторов. «Цивилизованный город, – решил Майлз. – В такой час в Форбэрт-Султане не погуляешь, если при тебе нет пса раза в три крупнее этого».

Солдат проверил инфракрасный датчик.

– Еще один.

На этот раз слышалось не приглушенное шлепанье кроссовок, а решительный топот сапог. Галени вышел в круг света, и его мундир из темно-серого превратился в зеленый.

– Прекрасно, – сказал Майлз. – Элли, тут мы расстаемся. Во что бы то ни стало держитесь подальше, но постарайтесь не упускать нас из-под наблюдения. Наручный комм включен?

Элли настроила наручный комм. Майлз вытащил из сапога нож, чтобы срезать крошечный световой индикатор передачи со своего наручного комм, потом подул в него: шипение чуть слышно донеслось с руки Элли.

– Передатчик в порядке, – подтвердила она.

– Взяли медсканер?

Она продемонстрировала устройство.

– Введите исходные данные для сравнения.

Элли навела сканер на Майлза, провела вверх и вниз.

– Готово.

– Мы ничего не забыли?

Элли покачала головой, вид у нее по-прежнему был невеселый.

– Что мне делать, если клон вернется... без вас?

– Хватайте и допрашивайте с суперпентоталом... Допросная аптечка при себе?

Она расстегнула мундир: из внутреннего кармана выглядывала коричневая коробочка.

– Если получится, освободите Айвена. А потом, – Майлз сделал глубокий вдох, – можете снести клону голову – или как сочтете нужным.

– А как насчет «буду стоять за моего брата, прав он или не прав»? – спросила Элли.

Галени наклонил голову, ожидая ответа, но Майлз молчал. Ответа не было. Простого ответа не было.

– Осталось три минуты. – Майлз поглядел на часы. – Нам пора.

Они с Галени направились по дорожке, которая вела к лестнице, и перешагнули через ограждение. Для всех законопослушных граждан дальше начиналась запретная зона. Лестница поднималась по задней стене приливного барьера к прогулочной дорожке, откуда посетители днем любовались стихией. Галени, спешивший изо всех сил, тяжело дышал.

– Трудно было уйти из посольства? – спросил Майлз.

– Не особенно, – ответил Галени. – Как вам известно, главная трудность – попасть обратно. По-моему, вы продемонстрировали, что чем проще, тем лучше. Я в открытую прошел через боковую дверь и направился к ближайшей станции подземки. К счастью, у часовых не было приказа стрелять.

– Вы знали об этом заранее?

– Нет.

– Значит, Дестангу уже доложили, что вы ушли.

– Видимо, так.

– Как вы думаете, за вами был хвост?

Майлз невольно оглянулся через плечо. Внизу виднелись посадочная площадка и аэрокар. Элли с дендарийцами исчезли из виду – ищут место для наблюдения.

– По выходе из посольства – нет. Служба безопасности посольства, – зубы Галени сверкнули в темноте, – в настоящий момент недоукомплектована. Я оставил свой наручный комм и купил посадочные жетоны, вместо того чтобы воспользоваться проездным. Так что быстро им меня не выследить.

Но вот они и наверху. Влажный ветер ударил в лицо, принесся запах речного ила и морской соли – резкий, гнилой запах устья реки. Майлз пересек широкую дорожку и перегнулся через перила – взглянуть на внешнюю стену барьера. Узкий отгороженный карниз шел метрах в двадцати ниже и исчезал за изгибом. Не будучи частью общедоступной территории, он соединялся с прогулочной дорожкой подвесными лестницами, расположенными на равных расстояниях. Разумеется, на ночь лестницы убирали.

«Можно попытаться взломать одну из запертых панелей управления лестницами – но это потребует времени, а может, и зажжем сигнал тревоги на пульте начальника ночной смены в какой-нибудь из дальних наблюдательных башен. А можем спуститься и побыстрее».

Майлз чуть слышно вздохнул. Альпинизм как вид спорта никогда не привлекал его. Вытащив из кармана спусковую рулетку, он прикрепил гравизахват к перилам и придирчиво проверил контакт. При прикосновении из рулетки выскочили ручки, высвободившие широкие ленты страховки, которая всегда казалась ужасающе ненадежной, несмотря на феноменальную прочность. Майлз обвязался страховкой, перескочил через перила и стремительно пошел по отвесной стене, стараясь не смотреть вниз. Он изрядно переволновался, пока не достиг карниза.

Майлз опустил рулетку, и та, закручиваясь, вернулась к Галени, который повторил трюк Майлза. Вручая Майлзу спусковое устройство, Галени ничего не сказал о своем отношении к высоте. Вот и хорошо. Нажав на кнопку отключения гравизахвата, Майлз свернул рулетку и засунул ее в карман.

– Идем направо, – кивнул Майлз, вытаскивая парализатор. – А вы что захватили?

– Мне удалось добыть только один парализатор. – Галени вытащил его из кармана и проверил заряд и мощность. – А вы?

– Два. И еще кой-какие игрушки. В здешнем космопорте – строгие ограничения.

– Если принять во внимание перенаселенность города, в этом есть свой резон, – заметил Галени.

Держа в руках парализаторы, они шли друг за другом по карнизу. Впереди Майлз, за ним Галени. Внизу бурлила вода – зеленовато-бурая, прозрачная, в белых клочьях пены. Судя по следам на стене, во время прилива карниз оказывался под водой.

Майлз сделал Галени знак остановиться и скользнул вперед. Карниз заканчивался за изгибом стены четырехметровой площадкой. Дойдя до ограждения, они оказались перед овальным люком, рассчитанным на давление воды.

Перед люком стояли Гален и Марк с парализаторами в руках. На Марке была черная футболка и дендарийские серые брюки. «Он украл мою одежду или это дубликат?» – подумал Майлз. Но ему стало совсем не до шуток, когда он заметил у клона на поясе дедовский кинжал в ножнах из кожи ящерицы.

– Тупик, – невозмутимо заметил Гален и перевел взгляд со своего парализатора на парализатор Майлза. – Если мы с вами выстрелим одновременно, кто-нибудь из нас, я или мой Майлз, останется на ногах. И партия моя. А если каким-то чудом вы уложите нас обоих, то не узнаете, где ваш недотепа кузен. Прежде чем вам удастся его найти, он автоматически отправится на тот свет. И это произойдет без моего участия. Так что ваша хорошенькая телохранительница может к нам присоединиться.

Галени спокойно вышел из-за выступа.

– Некоторые тупики бывают весьма интересными, – негромко заметил он.

С лица Галена на миг сошла маска циника, он тяжело вздохнул и сдал рукоять парализатора.

– Вы должны были привести свою даму, – выдохнул он.

Майлз усмехнулся:

– Она тут, поблизости. Но вы сказали «двое» – вот мы и пришли. Итак, все заинтересованные стороны встретились. Что будем делать?

Гален попытался оценить ситуацию; бросил быстрый взгляд на оружие, прикинул расстояние до противника. Майлз и сам лихорадочно прокручивал в уме все варианты.

– Все равно тупик, – подытожил Гален. – Если вы оба парализованы – вы проиграли. Если парализованы мы – вы опять-таки проиграли. Полный абсурд.

– Ну и что вы можете предложить? – любезно поинтересовался Майлз.

– Предлагаю всем сложить оружие посреди площадки. Тогда мы сможем говорить не отвлекаясь.

«У него припрятан еще один парализатор, – догадался Майлз. – У меня, впрочем, тоже».

– Интересная мысль. И кто кладет оружие последним?

На лице Галена отразились сомнение и тревога. Он открыл рот, снова закрыл, покачал головой.

– Я бы тоже хотел говорить не отвлекаясь, – вкрадчиво начал Майлз. – Предлагаю следующее: я кладу оружие первым. Потом М... клон. Потом вы. А капитан Галени – последним.

– Какую гарантию... – Гален пристально посмотрел на сына. Напряжение между ними ощущалось почти физически: смесь ярости, отчаяния, боли.

– Он даст слово, – сказал Майлз и взглядом попросил подтверждения у Галени. Тот молча кивнул.

Повисло молчание, потом Гален решился:

– Согласен.

Майлз шагнул вперед, опустился на колени, положил свой парализатор в центр площадки и отступил. Марк повторил действия Майлза, не отводя от него взгляда. Гален колебался долгую мучительную секунду, продолжая взвешивать шансы, затем положил оружие рядом с остальным. Галени без колебаний проделал то же самое со странной улыбкой. Его взгляд не выражал ничего, кроме затаенной боли.

– Итак, ваши предложения, – обратился Гален к Майлзу. – Если таковые имеются.

– Жизнь, – сказал Майлз. – Я спрятал в месте, известном мне одному (если вы меня парализуете, ни за что его не найдете), чек на сто тысяч бетанских долларов, или на полмиллиона марок, выписанный на предъявителя. Я даю вам чек плюс фору по времени и некоторые сведения, как уйти от Барраярской службы безопасности, которая, кстати, уже на подходе...

Клона предложение Майлза явно заинтересовало. Когда была названа сумма, глаза его расширились – и стали совсем уж огромными при упоминании о Барраярской службе безопасности.

– ...в обмен на моего кузена, – тут Майлз сделал паузу, – моего брата и ваше обещание удалиться от дел. Вам самому еще не надоело строить козни? Они приведут только к бесполезным жертвам и причинят боль вашим немногочисленным родственникам. Война закончилась, Сер Гален. Пора сменить профессию. Хуже все равно не будет. Куда уж?

– Революция, – выдохнул Гален, – не должна погибнуть.

– Даже когда умрут все ее участники? «Ничего не получилось, попробуем продолжить»? У военных это называют тупостью. Не знаю, как это именуется на гражданке.

– Моя старшая сестра сдалась, положившись на слово барраярцев, – холодно заметил Гален. – Адмирал Форкосиган тоже не скупился на сладкие увещевания, обещая мир.

– Слово моего отца нарушил его подчиненный, – Майлз старался, чтобы губы у него не дрожали, – который не мог понять, что война закончена. Он заплатил за эту ошибку жизнью. Мой отец отомстил за вас. Большого он сделать не мог: он не мог воскресить убитых. И я не могу. Но я могу хотя бы попытаться предотвратить новые жертвы.

Гален горько усмехнулся:

– А ты, Дэвид? Чем ты попробуешь купить меня, чтобы я предал Комарру? Что ты добавишь к деньгам своего барраярского хозяина?

Галени рассматривал свои ногти: на лице его блуждала странная улыбка. Он скрестил руки на груди, немного помолчал, а затем и сказал:

– Внуков!

Гален на мгновение опешил:

– Ты же не женат!

– Когда-нибудь женюсь. Если, конечно, буду жив.

– И твои дети будут верноподданными Барраяра! – издевательски закончил Гален. Галени пожал плечами:

– Кажется, мое предложение хорошо сочетается со словом «жизнь», которое произнес лейтенант Форкосиган. Большого я предложить не могу.

– По-моему, вы схожи еще больше, чем я думал, – пробормотал Майлз. – А что предлагаете вы, Сер Гален? Для чего вы нас сюда вызвали?

Правая рука Галена потянулась к куртке, потом остановилась. Он улыбнулся и наклонил голову, словно испрашивая разрешения. «А вот и второй парализатор, – подумал Майлз. – Кокетничает, до последней секунды делает вид, что у него нет оружия».

Майлз не дрогнул, но мгновенно просчитал, насколько быстро он сможет перескочить через перила и сколько проплывет под водой, не всплывая для вдоха. В сапогах. Галени, как всегда сохраняя спокойствие, не шелохнулся. Даже когда оружие, которое достал Сер Гален, оказалось смертоносным нейробластером.

– Из некоторых тупиков, – самодовольно произнес Гален, – выход все-таки существует. – Его улыбка, злая и торжествующая, казалась пародией на улыбку. – Подними парализаторы, – приказал он клону. Тот быстро нагнулся, собрал парализаторы и сунул себе за пояс.

– И что вы собираетесь делать? – небрежно спросил Майлз, стараясь не смотреть в дуло нейробластера. «Очень весело».

– Убить вас, – объяснил Гален. Мгновение он в упор смотрел на сына. Потом отвел взгляд. И взглянул снова, как зачарованный. Затем уставился на Майлза, словно для того, чтобы укрепить решимость.

«Тогда почему вы болтаете, вместо того чтобы стрелять?»

Но Майлз не высказал эту мысль вслух, чтобы не утвердить Галена в ее разумности. Надо разговорить его. Он хочет сказать что-то еще. Им движет потребность высказаться...

– Зачем? Какая от этого польза Комарре? Может, только вам это принесет облегчение. Простая месть?

– Нет, не простая. Окончательная месть. Мой Майлз выйдет отсюда единственным.

– А, бросьте! – Майлзу даже не пришлось призывать на помощь актерские способности: возмущение пришло само собой. – Вы же не цепляетесь больше за свой идиотский план подмены? Барраярская служба безопасности предупреждена и сразу вычислит вас. Ничего не выйдет. – Он взглянул на клона. – Ты позволишь ему сунуть тебя в мусоросжигатель? Это глупо. И совсем не обязательно.

У клона был явно встревоженный вид, но он вскинул голову и сумел выдавить гордую улыбку:

– А я и не буду лордом Форкосиганом. Я буду адмиралом Нейсмитом. Я уже был им. И знаю, что сумею превратиться в Нейсмита в любую минуту. Ваши дендарийцы увезут нас отсюда – и станут нашей новой армией.

– А! – Майлз насмешливо прищурился. – Неужели ты думаешь, что я пришел бы сюда, если б у тебя был хоть малейший шанс обмануть моих солдат? Дендарийцы предупреждены. Каждый старший патруля – а ты не сомневайся: здесь повсюду мои патрули – имеет при себе медсканер. Стоит тебе отдать приказ, как тебя сразу же сканируют. А увидев кости на месте моих синтепротезов, прикончат. Без разговоров.

– Но у меня тоже синтепротезы, – возразил клон.

Майлз застыл:

– Что? Ты говорил, что у тебя не ломкие кости...

Гален повернулся к клону:

– Когда ты ему это говорил?

– Не ломкие, – ответил клон Майлзу. – Но я подвергся той же операции. Иначе элементарное медсканирование выдало бы меня с головой.

– Но ведь на твоих костях нет следов переломов?

– Это верно. Но чтобы разобраться в таких тонкостях, требуется более тщательное сканирование. А когда я уберу эту троицу, мне будет вообще некого бояться. Я проштудировал твои корабельные журналы...

– Какую троицу? О ком ты?

– Трех дендарийцев, которые знают, что ты – Форкосиган.

– Твою хорошенькую телохранительницу и ту пару, – мстительно пояснил Гален. – Жаль, что ты ее не привел. Придется нам ее разыскать.

Не мелькнуло ли на лице Марка отвращение? Гален тоже заметил это и нахмурился.

– Неужели ты не понимаешь? – возразил Майлз. – Дендарийцев пять тысяч. Я знаю их всех в лицо и по имени. Мы вместе сражались. Я знаю о них такое, чего не знает никто. И этого ты не найдешь ни в каких журналах. И они видели меня в ситуациях, о которых ты даже не догадываешься. Ты даже нужных шуток не знаешь... Но пусть даже – на какое-то время – ты сможешь сыграть роль адмирала Нейсмита, куда денется Марк? Сдается мне, Марка не прельщает судьба космического наемника. Может, он мечтает стать дизайнером. Или врачом...

– Ой, – выдохнул клон, бросив взгляд вниз на свое искореженное тело, – только не врачом...

– Или режиссером, или пилотом, или инженером. Или кем угодно, только подальше от него. – Майлз кивнул в сторону Галена. На мгновение в глазах клона загорелась надежда, которую он быстро спрятал. – Как ты сможешь узнать это, играя в Нейсмита?

– А ведь верно. – Гален прищурился. – Ты должен выдать себя за опытного воина. А ты никогда не убивал.

Клон искоса глянул на своего наставника.

Голос Галена зазвучал мягче:

– Ты должен научиться убивать, если хочешь выжить.

– Нет, не должен, – вмешался Майлз. – Большинство людей никогда никого не убивали.

Ложная посылка.

Дуло нейробластера обратилось на Майлза.

– Поговори мне еще. – Гален в последний раз взглянул на сына, презрительно вскинувшего голову, и быстро отвел взгляд, словно обжегшись. – Нам пора.

Он повернулся к клону.

– Держи. – Гален вручил ему нейробластер. – Пора завершить твоё образование. Пристрели их и пойдем.

– А как насчет Айвена? – тихо спросил капитан Галени.

– Мне так же наплевать на племянника Форкосигана, как и на его сына, – отрезал Гален. – Пусть идут в преисподнюю рука об руку. – Повернувшись к клону, он скомандовал: – Начинай!

Марк сглотнул и поднял оружие, приняв стойку для выстрела с обеих рук.

– А... а чек?

– Никакого чека нет. Разве ты не понимаешь, что все это обман?

Майлз поднял наручный комм и четко проговорил в него:

– Элли, вы все слышали?

– Записала и передала капитану Торну, – жизнерадостно ответила Элли. – Хотите, чтобы мы присоединились к вам немедленно?

– Пока нет. – Опустив руку, Майлз повернулся к Галену. – Как я и обещал, заговорам – конец. Обсудим варианты?

Марк опустил нейробластер; на лице его отразилось отчаяние.

– Варианты? Какие, к черту, варианты? – прошипел Гален. – Месть!

– Но... – растеряно пробормотал клон.

– С этого момента ты – свободный человек. – Майлз говорил тихо и быстро. – Он тебя купил, но ты не принадлежишь ему. А если ты убьешь по его приказу, ты станешь его рабом навсегда.

«Не факт», – подумал Галени, но вмешиваться не стал.

– А я тебе говорю, врагов надо убивать! – рявкнул Гален.

Рука с нейробластером пошла вниз.

– А ну стреляй! – заорал Гален и попытался вырвать у клона оружие.

Галени заслонил собой Майлза, и тот поспешно потянулся за вторым парализатором. Раздался треск нейробластера. Майлз нашел парализатор. Поздно! Слишком поздно... Капитан Галени ахнул. Майлз выскочил из-за его спины, поднимая парализатор...

И увидел падающего Галена.

– Врагов надо убивать, – выдохнул Марк, побледнев как полотно. – Так. А! – вскрикнул он, поднимая нейробластер, когда Майлз шагнул вперед. – Не двигайся!

У ног Майлза послышался плеск, и он увидел, как волна лизнула его сапоги. Прилив!

– Где Айвен? – спросил Майлз, сжимая парализатор.

– Если выстрелишь – не узнаешь, – сказал Марк. Его взгляд торопливо перебежал с Майлза на Галени, с тела Галена – на нейробластер. Он прерывисто дышал, крепко сжав рукоять бластера. А Галени стоял очень прямо, склонив голову и глядя на то, что лежало у его ног, – или внутрь себя. Казалось, он ничего не замечает.

– Отлично, – нетерпеливо сказал Майлз. – Помогите нам, а мы поможем тебе. Отведи нас к Айвену.

Марк попятился к стене, не опуская нейробластер:

– Не верю я тебе.

– И куда же ты намерен бежать? К комаррцам дороги больше нет. За спиной у тебя баррарский отряд спецназа. Ты не можешь обратиться и к местным властям: тебе придется объясняться по поводу трупа. Марк, я твой единственный шанс.

Марк посмотрел на тело, на нейробластер, на Майлза.

...Жужжание раскручивающейся спусковой рулетки было еле слышно. Майлз взглянул вверх. Элли стремительно пикировала, как коршун на добычу, в одной руке сжимая оружие, а другой направляя рулетку.

Марк распахнул ногой люк и попятился:

– Сам ищи своего Айвена. Он близко. И по поводу трупа мне не придется объясняться – это тебе придется. На нейробластере – твои отпечатки!

И он швырнул нейробластер, захлопывая за собой люк.

Майлз прыгнул к люку, но тот был уже загерметизирован. Донесся глухой скрежет запорного механизма. Майлз зашипел.

– Мне его взорвать? – выдохнула Куин, приземляясь.

– Вы... Господи, нет! – Полоса на стене, обозначающая высший уровень прилива, находилась по крайней мере на два метра выше верхнего края люка. – Мы затопим весь Лондон. Попытайся открыть его, не повредив. Капитан Галени! – Галени не шевелился. – Что с вами? Вам плохо?

– А? Нет... нет, не думаю. – Галени с трудом опомнился, спокойно добавив: – Может, потом.

Куин подбежала к люку, вытащила из кармана свои приспособления и быстро считала показания:

– Электроника с ручным управлением... Если применить магнитный...

Майлз снял с Элли альпинистскую страховку.

– Поднимайтесь вверх, – приказал он Галени, – и попробуйте найти вход с той стороны стены. Надо поймать этого олуха!

Галени кивнул, закрепляя страховку.

Майлз протянул ему парализатор и достал из сапога нож.

– Вам понадобится оружие?

(Марк сбежал со всеми парализаторами.)

– Парализатор бесполезен, – заметил Галени. – А нож лучше оставьте себе. Я возьму его голыми руками.

«С наслаждением», – мысленно закончил Майлз и кивнул. Оба они прошли барраярскую школу рукопашного боя. Майлз не мог применять три четверти приемов из-за хрупкости костей, но к Галени это не относилось. Капитан начал бесшумно подниматься к ночному небу, с ловкостью паука скользя по невидимой нити.

– Есть! – крикнула Куин. Крышка люка распахнулась, за ней была темнота.

Майлз выхватил из-за пояса фонарик и прыгнул в люк, оглянувшись на секунду. Гален, омываемый пеной, наконец был свободен от всех страстей. Нельзя перепутать смертный покой с покоем сна: смертный покой – абсолютный. Луч нейробластера попал в цель.

Элли закрыла за ними крышку люка и остановилась, чтобы рассовать инструменты по карманам.

Уже через пять метров они столкнулись с проблемой. Главный коридор, ярко освещенный, раздваивался.

– Ты пойдешь налево, я – направо, – приказал Майлз.

– Тебе не следует идти одному, – запротестовала Элли.

– Может, мне раздвоиться? Иди же!

Куин с досадой махнула рукой и побежала.

Майлз бросился в противоположную сторону. Его шаги отдавались гулким эхом. На мгновение остановившись, Майлз прислушался: ничего, только замирающие вдалеке шаги Элли. Он побежал дальше, по пустому коридору, мимо насосных станций. Он уже начал бояться, что прозевал выход – может, люк на потолке? – когда увидел на полу нечто. Парализатор, в спешке потерянный Марком. Майлз кинулся к нему, обнажив зубы в беззвучном торжествующем вопле, и на бегу спрятал в кобуру.

Он включил комм:

– Куин!

За очередным поворотом оказался пустой холл с лифтовой шахтой. Видимо, он добрался до сторожевой башни. Осторожно, как бы не наткнуться на обслуживающий персонал.

– Куин?

Он шагнул в лифтовую шахту и начал подниматься. О Боже, на каком уровне вышел Марк? Третий этаж, мимо которого он пролетел, открывался в комнату с прозрачными стенами. Тут были двери, за стеклом – ночь. Явно выход. Майлз выскочил из лифтовой шахты.

Незнакомец в гражданском резко повернулся на звук его шагов и упал на колени. В поднятых руках сверкнуло серебром дуло нейробластера.

– Вот он! – крикнул незнакомец и выстрелил.

Майлз так стремительно отступил в шахту, что отскочил рикошетом от дальней стенки. Ухватившись за страховочную лестницу, он начал карабкаться вверх, обгоняя антигравитационное поле. И тут Майлз понял, что сапоги, выглядывавшие из-под брюк незнакомца, были военного образца. И причем – барраярского.

– Куин! – снова завопил он в свой комм.

На следующем этаже шахта открылась в коридор. Первые три двери, которые попробовал Майлз, были заперты. Четвертая с шелестом раздвинулась. За ней оказался ярко освещенный кабинет, видимо, пустой. Пробегая по нему, Майлз заметил легкое шевеление под комм-пультом. Пригнувшись, он оказался лицом к лицу с двумя женщинами в синих комбинезонах

техников. Одна взвизгнула и закрыла лицо ладонями, вторая обняла ее, вызываясь глядя на Майлза.

Майлз попытался дружелюбно улыбнуться.

– А... Привет.

– Кто вы? – сурово спросила старшая.

– О, я не с ними. Они... э-э... наемные убийцы. – В конце концов это соответствует истине. – Не беспокойтесь, они не за вами охотятся. Вы уже вызвали полицию?

Она молча помотала головой.

– Советую вам немедленно это сделать. А... Вы меня уже видели?

Женщина кивнула.

– В какую сторону я побежал?

Она отпрянула, придя в ужас от близкого соседства с умалишенным. Майлз виновато развел руками и бросился к двери.

– Вызовите полицию! – бросил он через плечо.

Раздался писк нажимаемых на комме кнопок.

И на этом уровне Марка не оказалось. Гравиполе в лифтовой шахте уже отключили – вход прикрыли автоматическим барьером безопасности, в коридоре тревожно мигала красная лампочка. Майлз осторожно сунул голову в шахту и заметил другую голову, глядящую вверх с нижнего уровня. Он успел отшатнуться раньше, чем раздался треск нейробластера.

По внешней стороне стены шел балкон. Майлз проскользнул в дверь и осмотрелся. Наверху остался всего один этаж. Кинув гравизахват, можно добраться до верхнего балкона. Майлз поморщился, вытащил рулетку и сделал бросок. Ему удалось зацепиться за перила с первой попытки. Он помедлил секунду, с ужасом глядя на барьер и чернеющую воду далеко внизу, собрался с духом, бросок – и вот он уже на балконе.

Пройдя на цыпочках к стеклянной двери, Майлз выглянул в освещенный красным светом коридор. Марк затаился у входа в лифтовую шахту с парализатором на изготовку. Кто-то (Майлз надеялся, что не труп) в синем комбинезоне техника лежал на полу.

– Марк? – тихо позвал Майлз и отскочил назад. Марк обернулся и выстрелил. Майлз крикнул: – Если поможешь мне, я выведу тебя отсюда. Где Айвен?

Сообразив, что у него еще остался козырь, Марк немного успокоился.

– Сначала выведи, потом скажу, – крикнул он.

Майлз усмехнулся:

– Ладно. Я иду.

Проскользнув в дверь, он присоединился к своему подобию, задержавшись на секунду, чтобы проверить пульс у лежащего на полу человека. К счастью, пульс прослушивался.

– И как ты меня отсюда выведешь? – поинтересовался Марк.

– Ну, это непросто, – признался Майлз. Он остановился, прислушиваясь. Кто-то тайком карабкался по лестнице в лифтовой шахте. Пока еще далеко от них. – Полиция уже едет, и когда появится, надо полагать, барраярцы быстро смоются. Зачем им межпланетный инцидент? Вряд ли послу улыбается объясняться с местными властями. Сегодняшняя операция не удалась хотя бы потому, что спецназ застукали. Утром Дестанг устроит им головомойку.

– Полиция? – Марк сжал парализатор. На лице его мелькнул страх.

– Да. Мы можем играть в этой башне в прятки до прихода полиции. Или немедленно подняться на крышу, тогда нас заберет дендарийский аэрокар. Что мне больше нравится. А тебе?

– Но тогда я стану твоим пленником, – прошептал Марк невнятным от страха и злости голосом. – Умру я сейчас или чуть позже – какая разница? Наконец-то я понял, зачем тебе клон.

«Снова воспринимает себя как ходячий банк органов для пересадки», – вздохнув, догадался Майлз. Он взглянул на часы.

– По графику Галена, у меня еще одиннадцать минут на поиски Айвена.

– Айвен не наверху. Он внизу. Там, откуда мы пришли.

– А? – Майлз рискнул заглянуть в лифтовую шахту. Карабкавший вышел на предыдущем уровне. Охотники знают свое дело. Когда они доберутся до последнего уровня, круг замкнется.

На Майлзе все еще была альпинистская страховка. Очень тихо, стараясь не привлекать внимания, он протянул руку и прикрепил захват к перилам, проверив его надежность.

– Так ты намерен спуститься вниз, а? Я могу это устроить. Но советую не обманывать меня насчет Айвена. Потому что если он умрет, я разрежу тебя на кусочки: сердце, печень, бифштекс, вырезка. Слово Форкосигана.

Майлз нагнулся, проверил все крепления, установил скорость раскручивания рулетки и высоту падения и приготовился к прыжку.

– Влезай.

– А мне страховки не будет?

Майлз оглянулся через плечо:

– А ты и так хорошо прыгаешь.

С выражением крайнего сомнения Марк засунул парализатор за пояс, подошел к Майлзу и неуверенно обхватил его руками и ногами.

– Советую держаться крепче. Торможение у дна шахты будет очень резким. И не вопи, когда будем падать. Это может привлечь внимание.

Марк конвульсивно уцепился покрепче, а Майлз проверил еще раз, нет ли в шахте ненужного общества, и шагнул вниз.

Скорость нарастала с ужасающей быстротой. Они падали в полной тишине четыре этажа, потом спусковая рулетка тихонько взвыла, замедляя скорость, страховка впилась в тело. Руки Марка начали разжиматься. Майлз стремительно подхватил брата, и они затормозили всего в паре дюймов от дна шахты. От перегрузки заложило уши.

Майлз с Марком поспешно выскочили в коридор приливного барьера. Майлз нажал на кнопку и смотал рулетку: элемент захвата звякнул об пол, и Майлз испуганно вздрогнул.

– Туда. – Марк указал направо. Они помчались по коридору плечом к плечу. Низкий гул насосов заглушал все звуки. Насосные станции работали на полную мощность. Следующая по порядку станция, такая темная и молчаливая, когда Майлз проходил мимо час назад, была теперь ярко освещена.

Марк остановился:

– Здесь.

– Где?

Марк указал:

– В каждую насосную станцию ведет люк для обслуживания и ремонта. Мы оставили его там.

Майлз разразился проклятиями.

Насосная камера! Она была размером с чулан – темный, холодный, склизкий, вонючий, – пока поток воды, бьющий со страшной силой, не превратит ее в камеру смерти. Ворвется, заливая уши, ноздри, обезумевшие от ужаса глаза... Ворвется, заполняя все помещение, не оставив ни глотка воздуха. Ворвется, чтобы сломать хрупкое человеческое тело, швыряя его из стороны в сторону, пока лицо не расквасится до неузнаваемости и пока, с отливом, не отступят затхлые воды, оставив... непонятно что. Засор в трубах.

– Ты! – выдохнул Майлз, яростно глядя на Марка. – Участвовал в этом...

Марк нервно потер руки.

– Ты же здесь! Я же привел тебя, – заныл он. – Я же сказал, что приведу.

– Не слишком ли суровое наказание для человека, который не сделал тебе ничего дурного, только будил тебя храпом? А?..

Майлз отвернулся, передернувшись от отвращения, и начал колотить по кнопкам замка. Последнее усилие – повернуть засов, открывающий крышку люка. Когда он толкнул тяжелую, скошенную дверь внутрь, запищал сигнал тревоги.

– Айвен?

– О! – слабо донеслось из темноты.

Майлз протиснулся внутрь, включил фонарик. Люк находился в верхней части камеры. Вглядевшись, Майлз заметил внизу бледное пятно – лицо Айвена.

– Ты! – с гадливостью произнес Айвен, скользя в жиже.

– Нет, это не он, – поправил его Майлз. – Это я.

– О? – Лицо Айвена было каким-то старым, морщинистым и измученным. Майлз уже видел такие лица – лица людей, отупевших от долгого боя.

Швырнув вниз свою вездесущую страховку, Майлз содрогнулся, вспомнив, что чуть было не оставил ее на «Триумфе».

– Ну? Ты можешь подняться!

Губы Айвена что-то прошамкали в ответ, но он достаточно ловко обвязался страховкой. Майлз нажал кнопку, и когда Айвен очутился рядом, помог ему пролезть через люк. Айвен, расставив ноги, упираясь руками в колени и тяжело дыша, попытался подняться. Его зеленый мундир промок насквозь. Руки распухли и кровоточили. Наверное, он стучал и царапался, звал и плакал в темноте – и никто его не слышал...

Майлз задвинул крышку люка и повернул ручной запор. Сигнал тревоги затих, насос мгновенно загудел, из насосной камеры доносилось жуткое шипение. Айвен, так и не сумев встать на ноги, уткнулся носом в колени.

Майлз присел рядом. Айвен поднял голову и вымученно улыбнулся.

– Наверное, – просипел он, – в качестве хобби я выберу клаустрофобию...

Майлз молча хлопал его по плечу и тут же вскочил – а где Марк? Марка нигде не было.

Майлз поднес к губам комм.

– Куин? Куин! – Он шагнул в коридор, посмотрел сначала в одну, потом в другую сторону. Вдали замирало эхо шагов, удалявшихся от захваченной баррарярами башни.

– Гаденыш, – пробормотал Майлз. – Ну и ладно. – Он вызвал по комму воздушный патруль: – Сержант Ним? Говорит Нейсмит.

– Да, сэр.

– Я потерял связь с командером Куин. Попробуйте с ней связаться. Если не получится, приступайте к поискам. Последний раз я ее видел внутри приливного барьера между башнями шесть и семь, она шла в южном направлении.

– Слушаюсь, сэр.

Повернувшись к Айвену, Майлз крепко обхватил его и помог подняться.

– Можешь идти? – тревожно спросил он.

– Ага... – тихо ответил тот. – Я просто немного... – И они двинулись по освещенному коридору. Айвен сначала спотыкался, потом зашагал увереннее. – Никогда не думал, что смогу продержаться на одних нервах. И так долго. Сколько я там пробыл?

Майлз взглянул на часы:

– Часа два. Даже меньше.

– А! А мне казалось, гораздо дольше. – Айвен начал приходить в себя. – Куда мы? Почему ты в дендарийской форме? Что с миледи? Ее они тоже похитили?

– Нет, успокойся. Гален похитил только тебя. Сейчас здесь полно барраряров и моих дендарийцев, но мы действуем независимо друг от друга. Дестанг приказал мне оставаться на

борту «Триумфа», пока его ребята попытаются убрать моего двойника. Чтобы не было неразберихи.

– Так они пристрелят первого встречного коротышку! – Айвен моргнул. – Майлз...

– Вот именно, – жизнерадостно ответил Майлз. – Потому-то мы и идем в обратную сторону.

– Мне поторопиться?

– Если можешь.

Они пошли быстрее.

– Как ты здесь оказался? – спросил Айвен через пару минут. – Только не говори, что все еще надеешься спасти этого мерзавца-клона.

– Гален прислал мне приглашение, написанное на твоей шкуре. У меня слишком мало родственников, Айвен. Поэтому они представляют для меня некоторую ценность. Хотя бы в качестве раритетов, а?

Они переглянулись. Айвен закашлялся. Потом с трудом выдавил:

– Понятно. Но, по-моему, ты влип, пытаясь обойти Дестанга. Кстати, если его спецназ близко, где Гален?

– Гален мертв, – коротко бросил Майлз. Только что они миновали темный коридор, ведущий к тому самому наружному карнизу.

– О! Рад это слышать. Кому досталась честь покончить с этой гадиной? Я хотел бы пожать его честную руку. Или поцеловать... ее руку.

– Думаю, твое желание осуществится. И очень скоро. – Впереди, за поворотом коридора, послышался странный перестук, словно бежал кто-то коротконогий. Майлз вытащил парализатор. – Может, Куин выгнала его на нас? – с надеждой прошептал он. Тревога за нее становилась все сильнее.

И тут случилось неизбежное – перед ними предстал Марк. Он дернулся, повернулся, чтобы бежать, потом остановился, озираясь, как затравленный зверь, угодивший в западню. Правая сторона его лица была обожжена, в воздухе пахло палеными волосами.

– Ну и? – спросил Майлз.

Голос Марка сорвался на визг:

– За мной гонится какой-то размалеванный псих с плазмотроном! Они захватили следующую сторожевую башню...

– Ты Куин, случайно, не видел? – прервал его Майлз.

– Нет.

– Послушай. – Айвен был несколько озадачен. – Наши ребята не стали бы применять плазмотроны в такой ситуации. И в таком месте. Здесь же можно запросто повредить систему жизнеобеспечения.

– Размалеванный? – переспросил Майлз. – Как? Как в китайской опере?

– Откуда я знаю, как в китайской опере, – захныкал Марк, – но один из них размалеван аж от уха до уха.

– Гем-командующий! – догадался Майлз. – На официальной охоте. Похоже, они повысили цену.

– Цетагандийцы? – перебил Айвен.

– Значит, дождались подкрепления. Наверное, они взяли мой след в космопорте. О Боже – а Куин в той стороне! – Майлз с трудом подавил страх. Сейчас не время для паники. – Можешь успокоиться, Марк. Они охотятся не на тебя.

– Как же, как же! Этот размалеванный псих как завопит: «Вот он, вот он!» – и как набросился со своим плазмотроном!

Майлз растянул губы в светской улыбке.

– Нет-нет, – ласково промурлыкал он. – Они просто обознались. Этим людям нужен я, то есть адмирал Нейсмит. А тебя хотят прикончить те, на другом конце коридора. Конечно, – благодушно добавил он, – ни те, ни другие не знают, кто из нас кто.

Айвен невольно усмехнулся.

– Назад, – решительно скомандовал Майлз и первым бросился бежать. Он свернул в боковой коридор и остановился у люка, ведущего наружу. Айвен и Марк помчались следом.

Встав на цыпочки, Майлз заскрипел зубами. Судя по показанию датчиков, прилив почти затопил люк.

Глава 15

Майлз включил комм:

– Ним!

– Сэр?

– В башню номер семь проник отряд цетагандийцев. Количество неизвестно. Вооружены плазмотронами.

– Так точно, сэр, – ответил Ним, – мы только что обнаружили их.

– Где вы сейчас?

– У меня по паре солдат у всех трех выходов из башни и подкрепление в кустах у стоянки. Эти – как вы сказали, «цетагандийцы», сэр? – только что сделали несколько плазменных залпов по коридору. Как раз тогда, когда мы пытались войти.

– Кто-нибудь ранен?

– Пока нет. Мы залегли.

– О командере Куин что-нибудь известно?

– Нет, сэр.

– Можете определить местонахождение ее персонального комм?

– Где-то на нижних этажах башни. Коммандер Куин на вызовы не отвечает. Сигнал не перемещается.

«Парализована? Убита? Комм до сих пор у нее на руке?»

– Ладно. – Майлз с трудом перевел дыхание. – Сделайте анонимный вызов местной полиции. Скажите, что в седьмой башне вооруженные люди – возможно, террористы, пытающиеся взорвать барьер. Говорите как можно испуганнее. Изобразите истерику.

– Нет проблем, сэр, – мгновенно откликнулся Ним.

Майлз подумал, что плазмотрон поубавил ему самоуверенности.

– Пока не прибудет полиция, не выпускайте цетагандийцев из башни. Парализуйте любого, кто попытается выйти. Потом разберемся. Да, кстати, поставьте пару охранников у восьмой башни, чтобы перекрыть барраярцев: пусть продвигаются к северу и оттесняют цетагандийцев, если те вздумают уйти на юг. Но, думаю, они отправятся к северу. – Прикрыв комм ладонью, он прошептал Марку: – За тобой, голубчик, – и продолжил, обращаясь к Ниму: – Когда прибудет полиция, уходите. Избегайте конфликтов. Но если попадетесь – будьте паиньками. Изображайте полнейшую невинность. Недоумевайте как можно искреннее. Это у тех гадких незнакомцев в башне нелегальные плазмотроны, а мы обычные туристы. Заметили что-то странное во время вечерней прогулки и остановились. Ясно?

По голосу Нима можно было догадаться, что он вымученно улыбнулся:

– Конечно, сэр.

– Продолжайте наблюдение за башней шесть. Доложите, когда прибудет полиция.

– Да, сэр.

И вдруг Марк издал сдавленный стон и, кинувшись к Майлзу, схватил его за руку:

– Идиот, что ты делаешь? Свяжись со своими ребятами – пусть вышвырнут цетагандийцев из седьмой башни! Или я...

– Ах-ах! Как нам страшно. Успокойся. Я был бы счастлив схватиться с цетагандийцами на парализаторах, тем более что у нас численное превосходство, – но у них-то плазмотроны! У плазмотрона радиус поражения в три раз больше. Нельзя, чтобы мои люди рисковали собой без крайней необходимости.

– Но если эти подонки схватят тебя, ты и пикнуть не успеешь, как окажешься на том свете. Какая еще нужна необходимость?

– Послушай, Майлз, – Айвен переводил взгляд с одного конца коридора на другой, – ты же поставил нас точно посередине этих клещей.

– Нет, – ухмыльнулся Майлз. – Никоим образом. Ведь у нас есть плащ-невидимка! Побежали!

– Никуда я не пойду! – уперся Марк. – Барраярцы со мной церемониться не станут.

– А те, что сзади, – подхватил Майлз, – пристукнут нас обоих, хотя бы для того, чтобы исключить возможность ошибки. Ты, видно, еще не понял, как нежно любят цетагандийцы адмирала Нейсмита после Дагулы. Пошли!

И он легко побежал обратно к перекрестку, затем повернул направо, в сторону занятой барраярцами шестой башни.

Марк неохотно поплелся за ним, Айвен замыкал процессию.

У Майлза колотилось сердце. Хотел бы он на самом деле чувствовать себя так уверенно, как пытался показать. Но нельзя, чтобы Марк почувствовал его тревогу. Последнюю сотню метров Майлз шел на цыпочках, жалея, что и впрямь не невидимка. Если барраярцы уже здесь...

Они подошли к последней насосной станции. По-прежнему никаких признаков опасности – ни впереди, ни сзади.

Насосная станция молчала. Следующий рабочий цикл начнется только через двенадцать часов, во время прилива. Если, конечно, не случится неожиданных выбросов в нижней части течения. Но Майлз не смел рисковать. Судя по тому, как тревожно наблюдает за ним переступающий с ноги на ногу Айвен, он должен исключить любые случайности.

Майлз осмотрел пульта управления, потом снял с одного крышку и заглянул внутрь. К счастью, устройство оказалось примитивным. Не то что в импульсной камере скачкового корабля. Перерезать пару проводов – и насос заглохнет намертво, а сигнал тревоги на сторожевой башне нипочем не зажжется. Майлз взглянул на Марка:

– Пожалуйста, дай мне нож.

Марк неохотно вручил ему старинный кинжал, а после выразительного взгляда Майлза – и ножны. Майлз тут же перерезал нити проводов. К счастью, он угадал правильно, и никто не заподозрил, что он действует вслепую. Все с тем же уверенным видом Майлз повесил нож на старое место.

Затем, подойдя к крышке люка, он распахнул ее. На этот раз, как и следовало ожидать, сигнал тревоги не включился. Гравизахват мгновенно превратился в ручку на гладкой внутренней поверхности люка. Последней проблемой был чертов ручной запор. Если кто-нибудь, проходя мимо, нечаянно – или намеренно – повернет его... Фу-у, нет. Такой же рычаг, каким Элли открыла люк на карнизе, есть и здесь. Ура! Майлз с облегчением вздохнул. Вернувшись к пульта управления, он выбрал подходящее место на панели эффекторов и прилепил к ней панорамный сканер. Датчик прекрасно слился с окружением.

Остается самое неприятное. Майлз махнул рукой в сторону насосной камеры, словно приглашая в гробницу:

– Прекрасно. Все заходят.

Айвен побледнел:

– Этого я и боялся.

Похоже, Марку предложение понравилось не больше, чем Айвену.

Майлз на мгновение задумался, потом, обращаясь к Айвену, прошептал:

– Слушай, Айвен, я не могу тебя заставить. Если хочешь, возвращайся по коридору. Благодаря твоему мундиру тебя не прикончат сразу. Если ты переживешь встречу со спецназом Дестанга, тебя арестуют местные власти, что, вероятно, не худшее из зол. Но я предпочел бы, чтобы ты остался со мной. – Голос Майлза стал еще тише: – И не оставлял меня наедине с этим...

– О-о!

Айвен выпрямился.

Как и следовало ожидать, призыв к благородству немедленно возымел действие. Это было сильнее логики, требований или увещаний. Айвен есть Айвен... И Майлз мягко добавил:

– Это все равно что сидеть в тактическом центре.

– Это все равно что сидеть в ловушке! – Неудивительно, что Айвен стоял на своем.

– А ты когда-нибудь сидел в тактическом центре, когда отключается питание? Это и есть ловушка. А чувство, что ты всеми командуешь и контролируешь события, – всего лишь мыльный пузырь, иллюзия. Я предпочитаю драться. – Тут Майлз коварно улыбнулся и повел головой в сторону клона. – Тебе не кажется, что Марку просто необходимо изведать твои недавние ощущения?

– Ну разве что поэтому, – проворчал Айвен. – Это, конечно, добавляет привлекательности твоей афере.

Майлз спустился в насосную станцию первым. Ему показалось, что в коридоре уже слышится отдаленный шум шагов. Марк вел себя как перепуганный мальчишка, но в спину ему дышал Айвен, так что выбора у него не оставалось. Но вот и Айвен, шумно сглотнув, опустился рядом с ними. Майлз включил фонарик. Айвен, самый высокий из них, прикрыл тяжелую крышку люка, и они оказались в крошечной тьме.

Распухшие руки Айвена конвульсивно сжимались и разжимались.

– По крайней мере нас тут не слышно.

– А по-моему, тут очень уютно, – повысил голос Майлз. – Будем надеяться, что наши преследователи – тупицы вроде меня. Я-то два раза пробежал мимо дверцы.

Он открыл футляр и настроил приемник на сканирование коридора. Про себя Майлз отметил, что по камере гуляет легкий сквозняк. Если он усилится, значит, по трубам несется вода и надо выметаться отсюда, наплевав на цетагандийцев.

– Что теперь делать? – спросил Марк. Похоже, он уже не сомневался, что попал в ловушку – еще бы, сидит между двумя барраярцами.

Майлз небрежно привалился к скользкой стенке.

– Ждать, конечно. Что же еще. Точь-в-точь как в тактическом центре. В тактическом центре мы только и делали, что ждали. Если воображение богатое, то можно с ума сойти. – Он включил наручный комм. – Ним?

– Да, сэр. Я как раз собирался вас вызывать. – Голос Нима то и дело прерывался, словно он бежал или полз. – Возле седьмой башни только что приземлился полицейский аэрокар. Мы отходим через парковую полосу за барьером. Наблюдатель докладывает, что местные вошли и в шестую башню.

– Что-нибудь получили с комм Куин?

– Она по-прежнему не отвечает на вызовы, сэр.

– А с капитаном Галени удалось связаться?

– Нет, сэр. А что, разве он не с вами?

– Он ушел почти сразу после того, как я потерял Куин. Последний раз я видел Галени на наружной стене барьера, где-то на полпути от башни шесть к башне семь – он искал другой вход. То есть я послал его поискать другой вход. Э-э... как только заметите Галени, доложите мне.

– Да, сэр.

Еще одна беда. Похоже, у Галени неприятности, только вот какие: барраярские, цетагандийские или местные? Их тут целый букет. А может, он все-таки уже был не в себе, когда отправился на поиски? Теперь Майлз жалел, что не оставил Галени вместе с собой. А также о том, что отправил Элли на поиски. Но тогда они еще не нашли Айвена. Нельзя было посту-

пить иначе. Майлзу казалось, что он складывает детскую головоломку из живых крошечных человечков, которые все время убегают и меняют форму... Так, спокойнее. Он здесь не один. Майлз постарался разжать зубы – Марк в страхе смотрел на него. Айвен, съезжившись, не обращал внимания ни на что: судя по всему, боролся с недавно приобретенной клаустрофобией.

Но вот сканер засек движущийся объект – кто-то появился в южном конце коридора. Майлз решил, что это цетагандийский стрелок, но только в гражданской одежде. Он сжимал парализатор, а не плазмотрон: видимо, цетагандийцы поняли, что в представлении участвует слишком много посторонних, которым не заткнешь рот старым испытанным способом – отправив на тот свет. Теперь они старались превратиться в невидимок, максимально сокращая масштаб операции. Цетагандиец прошел по коридору еще несколько метров, потом повернул назад и исчез за поворотом.

Не прошло и минуты, как началось шевеление на северном участке – в коридоре показались двое громил. Судя по всему, они крались на цыпочках, причем одним из них был тот самый дурень, который умудрился отправиться на секретную операцию в военных сапогах. Он уже сменил прежнее оружие на более скромный парализатор, но его спутник не успел спрятать нейробластер. Похоже, дело шло к поединку на парализаторах. Ах, парализатор! Великолепное, незаменимое оружие в тех ситуациях, когда нужно сначала выстрелить, а уж потом задавать вопросы.

– Вложи нейробластер в кобуру – вот так, умница, – пробормотал Майлз, когда второй спецназовец поменял оружие. – Выше голову, Айвен! Когда еще ты увидишь такое шоу!

Айвен поднял глаза, и его вымученная улыбка превратилась в нечто мефистофельское. Теперь это был прежний Айвен.

– О, Майлз! Дестанг тебе башку открутит за такое.

– Дестанг и не подозревает, что я имею к этому отношение. Ш-ш. Началось.

Цетагандийский разведчик между тем вернулся. Он сделал приглашающий жест – и второй цетагандиец вышел вперед. В другом конце коридора, пока что вне их поля зрения, прятались трое барраярцев, отрезанных от товарищей кордоном местной полиции. Видимо, они уже перестали охотиться за таинственно исчезнувшей добычей и теперь отступали, надеясь незаметно выбраться из седьмой башни, чтобы избежать объяснения с земными властями. Цетагандийцы, которые видели, как лже-Нейсмит пробежал здесь, все еще сохраняли боевой порядок, хотя их арьергард почти наверняка столкнулся с полицией и отступил.

А где Куин? Если цетагандийцы схватили ее, то сейчас наверняка волокли бы ее за собой. Майлз не знал, стоит на это надеяться или уже нет. Лишь бы она была жива. Правда, это будет дьявольски трудно – вырвать ее из лап цетагандийцев до появления полиции. Сценарий попроще предполагал, что ее парализуют (и арестуют) вместе со всеми, а потом уж можно думать, как вытребовать Элли у полиции. Но что, если какой-нибудь цетагандийский громила припомнит поговорку «Мертвые молчат»? При одной только мысли об этом Майлз похолодел.

Может, бросить в атаку Айвена с Марком? Двое калек и раненый против неизвестно кого – замечательная компания! Нет. Но если бы командовал не он, а кто-то другой, хотя бы Дестанг, что бы придумал этот «кто-то»? На какой безрассудный ход отважится этот «кто-то», если не боится в отличие от Майлза рисковать жизнью своих людей? А вдруг его осмотрительность равносильна предательству? И Элли, и дендарийцев...

Цетагандиец заметил барраярца – и оба рухнули, выстрелив одновременно.

– Рефлекс на парализатор, – пробормотал Майлз. – Потрясающе!

– Боже! – Айвен настолько увлекся, что забыл обо всем на свете, в том числе и о клаустрофобии. – Аннигилировали как частица и античастица! Блеск!

Оставшиеся барраярцы растянулись по коридору, прижавшись к стене. Цетагандиец пополз было к упавшему товарищу, но один из барраярцев выскочил в коридор и уложил его, после чего двое подошли к поверженным противникам. Один барраярец караулил, а второй

начал обыскивать бесчувственных цетагандийцев – выворачивать карманы, разглядывать оружие... Естественно, удостоверений личности обнаружить не удалось. Озадаченный барраярец начал было стягивать ботинок цетагандийца, и ему пришлось вытащить нож, так как ботинок не поддавался (у Майлза было такое чувство, что еще мгновение – и он взрежет самого цетагандийца), но тут позади людей Дестанга раздался усиленный мегафоном окрик. Майлзу не удалось разобрать слова, но смысл был ясен: «Эй! Стоять! Что происходит?»

Барраярцы лихорадочно взвалили парализованного товарища на плечи. Подстрелили как раз самого здорового. Все они стояли так близко от сканера, что Майлз увидел, как задрожали у носильщика ноги, когда он выпрямился и заковылял к югу, шатаясь под тяжестью ноши. Двое шли перед ним, еще один замыкал шествие.

Обреченный отряд не успел сделать и нескольких шагов, как из-за южного поворота выскочили двое цетагандийцев. Один отстреливался на бегу и не заметил, что напарник рухнул под огнем барраярских парализаторов, пока не споткнулся, с разбегу налетев на распростертое тело. Но он сумел превратить падение в перекат и открыл ответный огонь. Барраярец, шедший впереди, свалился, но тот, что замыкал шествие, обогнал обремененного ношей товарища и помог напарнику парализовать цетагандийца. К несчастью, они проскочили безопасный выступ в тот момент, когда массированный залп парализаторов расчищал коридор для полиции. Столкновение людей с волной энергии привело к предсказуемому результату.

Барраярец стоял, сгибаясь под тяжестью ноши, и сыпал проклятиями. Глаза он прикрыл, словно ему было невыносимо стыдно. Когда показались полисмены, он неохотно повернулся и поднял руки.

Голос Айвена звенел от смеха:

– Представляю, какой вызов получит сейчас коммодор Дестанг: «Э-э, сэр? У нас тут небольшая проблема. Не могли бы вы приехать вызволить меня?..»

– А может, он предпочтет дезертировать, – заметил Майлз.

Два сходящихся с разных сторон отряда полиции чуть было не ринулись в атаку, но в последний момент все же успели разобраться, кто есть кто. Майлз был даже несколько разочарован. Но ничто не может длиться до бесконечности: в какой-то момент коридор завалит грудой тел и хаос прекратится – типичная схема умирания биосистемы, задохнувшейся в собственных отходах. Вероятно, нельзя рассчитывать, что полиция самоустранится, убрав с их пути девятерых убийц. Опять ожидание, будь оно проклято.

Майлз с трудом поднялся, потянулся и прислонился к стене, скрестив руки на груди. Лишь бы вся эта кутерьма не затянулась надолго. Как только отряд полиции даст отбой, здесь появятся саперы и техники, которые начнут прочесывать каждый сантиметр. Тогда маленький отряд неизбежно будет обнаружен. Но это не смертельно, если... Майлз взглянул на Марка... если никто не потеряет голову.

Оба посмотрели на экран сканера. Полицейские осматривали тела парализованных и недоуменно переглядывались. Захваченный барраярец был молчалив и мрачен – как и полагается в подобных случаях. Спецназовцы проходят особую подготовку и могут противостоять пыткам и суперпентоталу; лондонская полиция ничего с ним не сделает, и он явно это понимал.

Марк покачал головой, глядя на заваленный телами коридор:

– А ты-то сам на чьей стороне?

– Ты что? – удивился Майлз. – На твоей, конечно.

Марк пристально посмотрел на него и нахмурился:

– Почему?

Действительно, почему? Майлз привычным жестом вздернул подбородок – и, видимо, неосознанно Марк сделал то же самое. Взаимоотношения людей с собственными клонами – загадочная штука. Но, с другой стороны, тот, кто специально идет и заказывает себе клон, с самого начала должен быть со сдвигом. Насколько интереснее завести ребенка с женщиной,

которая сообразительнее, энергичнее и милее тебя: тогда по крайней мере есть надежда на эволюцию рода. Майлз почесал запястье. Спустя секунду Марк почесал руку. Майлз удержался и не стал зевать. Лучше не начинать такого, что потом уже не удастся остановить.

Так. Он знает, что представляет собой Марк. А теперь нужно понять, что тот собой не представляет. Марк не дубликат Майлза, несмотря на все усилия Галена. Он даже не брат ему. Айвен, с которым Майлза объединяет и прошлое, и настоящее, – вот его настоящий брат, и не важно, что они совершенно не похожи. Возможно, он недооценивал Айвена. Загубленное начало не переиграешь, хотя можно (Майлз взглянул на свою ногу, мысленно увидев искусственные кости) исправить. Иногда.

– В самом деле, почему? – вставил Айвен в затянувшуюся паузу.

– Милый Айвен, – отозвался Майлз, – неужели тебе не нравится твой новый кузен? Где же твои родственные чувства?

– Мне одного тебя более чем достаточно, спасибо. А твоего злобного близнеца, – Айвен пробормотал что-то вроде «чур, чур меня», – мне уже не выдержать. К тому же вы оба суете меня в чулан и запираете там.

– Но я по крайней мере предложил тебе выбор.

– Ага, знаю я этот выбор. «Мне нужны три добровольца: ты, ты и ты». Вспоминаешь? Как ты командовал мной и Элен Ботари, когда мы только-только научились ходить.

– Рожден повелевать, – усмехнулся Майлз, а Марк сдвинул брови, пытаясь представить себе Майлза, отдающего приказы своему рослому добродушному кузену, которому он до плеча не доставал. – Все дело в хитрости, – сообщил Майлз, словно прочитав его мысли.

Он смотрел на Марка, опустившегося на корточки и втянувшего голову в плечи, как черепаха. «Что это – злоба? Нет, скорее неуверенность. Уродство не только тела, но и духа, хотя Гален в качестве воспитателя вряд ли мог быть ужаснее моего собственного деда. Но для полной социопатии надо слишком сильно сосредоточиться на собственной особе, что вроде бы Марку не свойственно. Ему вообще не дали возможности стать личностью. Может, он, наоборот, недостаточно сосредоточен на себе?»

– Ты злобный? – весело спросил Майлз.

– Я ведь убийца, так? – огрызнулся Марк. – Чего тебе еще?

– Да ну? А мне показалось, это случилось в суматохе, непреднамеренно.

– Он схватил нейробластер. Я не захотел его выпустить. Тогда он выстрелил. – Воспоминания заставили Марка побледнеть, и отчетливее проступили темные тени под глазами. – Я и хотел, чтобы он выстрелил, – отчаянно добавил он.

Брови Айвена поползли вверх, но Майлз не стал просвещать его.

– И все-таки – непреднамеренно, – резюмировал Майлз.

Марк пожал плечами.

– А если бы ты был свободен... – медленно начал Майлз.

У Марка совсем по-детски сморщились губы.

– Свободен? Я? Каким образом? Полиция уже наверняка нашла тело.

– Нет. Прилив затопил перила, и море унесло труп. Пройдет дня три-четыре, прежде чем он всплывет. Если вообще всплывет. (И какое это будет страшное зрелище! Захочет ли капитан Галени опознать отца и предать земле? И где вообще Галени?) Предположим, ты свободен. Свободен от Барраяра и Комарры, и от меня тоже. Свободен от Галена и полиции. Свободен от всего и от всех. Что ты выберешь? Кто ты? Или ты можешь только реагировать на обстоятельства, а не создавать их?

Марк передернулся:

– Иди ты знаешь куда...

Уголок рта Майлза приподнялся. Он завозил сапогом по грязи на полу, едва удержался, чтобы не начать рисовать завитушки.

– Наверное, никогда и не узнаешь, если я буду стоять у тебя над душой.

Тут Марк выплюнул осадок своей ненависти:

– Это ты свободен!

– Я? – искренне изумился Майлз. – Я никогда не буду свободен так, как ты сейчас. К Галену тебя приковывал страх. Его власть равнялась длине рук – и тому, и другому пришел конец. А я скован... еще многим другим. Сплю я или бодрствую, далеко я или близко – не имеет значения, я всегда служу. Я никогда не принадлежу себе. И все же... Барраяр очень любопытное место, если, конечно, не смотреть на него глазами Галена. Сын Галена понял это.

Марк криво усмехался, все так же уставившись в стену:

– Опять пытаешься заполнить мое тело?

– Да зачем мне оно? Непохоже, чтобы ты мог набрать рост, заложенный в моих – наших – генах. И потом, я собираюсь заменить все мои кости пластиковыми. На всякий случай.

– Значит, я буду про запас. Деталь на случай катастрофы.

– Ты и сам в это не веришь! Так вот, мое первое предложение остается в силе. Возвращайся со мной к дендарийцам, и я тебя спрячу. Потом отвезу домой, где ты не спеша сообразишь, кто ты и что ты, где перестанешь чувствовать себя подделкой.

– Я не хочу встречаться с этими людьми, – угрюмо заявил Марк.

Он имел в виду отца и мать – Майлз сразу же понял это, хотя Айвен, похоже, снова потерял нить разговора.

– Не думаю, чтобы они вели себя неподобающим образом. И кроме того, они и без того в тебе – в самой основе. Ты... э-э... не можешь убежать от себя. – Помолчав, Майлз сделал еще одну попытку: – Если бы это было в твоей власти, что бы ты сделал в первую очередь?

Марк нахмурился:

– Положил конец производству клонов на Архипелаге Джексона.

– Гм-м. – Майлз задумался. – Оно там укоренилось. Но чего еще ждать от потомков колонии, которая и возникла как база угонщиков? Естественно, там образовалась «аристократия». Надо будет как-нибудь рассказать тебе парочку историй о твоих предках, не вошедших в официальные издания... – Значит, из общения с Галеном Марк вынес хотя бы это: жажду справедливости, выходящую за пределы его собственного «я». – Если говорить о целях, этой тебе хватит с лихвой. И как бы ты это сделал?

– Не знаю. – Похоже, Марка ошарашил столь практический подход к делу. – Взорвал бы лаборатории. Спас ребят.

– Хорошая тактика, но плохая стратегия. Их тут же восстановят. Нужно атаковать сразу на нескольких уровнях. Вот если бы ты нашел способ сделать этот бизнес невыгодным, вопрос решился бы сам собой.

– А как? – заинтересовался Марк.

– Давай подумаем... Во-первых, аспект покупателя. Аморальные богачи. Мало надежды, что они предпочтут смерть жизни, пусть даже в чужой шкуре. Но открытие, предлагающее альтернативные способы продления жизни, пожалуй, могло бы их отвлечь.

– Да прикончить их всех, вот и отвлекутся, – проворчал Марк.

– Хорошо, но неосуществимо. Люди этого ранга держат телохранителей. Скорее они тебя прикончат. Послушай, тут можно атаковать чуть ли не по сорока позициям. Не заикливайся на первой попавшейся. Предположим, ты вернулся со мной на Барраяр. Как лорд Марк Форкосиган ты можешь рассчитывать на почетное положение, в том числе и финансовое. Заверши свое образование и готовься подойти к данной проблеме стратегически, а не просто... биться головой о стенку.

– Никогда, – процедил сквозь зубы Марк, – никогда не полечу на Барраяр.

«Ага. Похоже, лучшие женщины галактики с тобой согласны... Возможно, ты умнее, чем тебе кажется. – Майлз чуть слышно вздохнул. – Куин, Куин, Куин, где ты?!»

В коридоре полицейские уже грузили парализованных на парящие платформы. Появился шанс вырваться, но действовать надо немедленно. Или будет поздно.

Майлз заметил, что Айвен как-то странно на него смотрит.

– Ты полный псих, – убежденно сказал он.

– А ты разве не считаешь, что пора взяться за подонков с Архипелага Джексона?

– Да, но...

– Я не могу успеть везде. Но я мог бы поддержать это начинание, – Майлз пристально посмотрел на брата, – если ты больше не будешь пытаться стать мною.

Марк молча наблюдал, как уплывает последняя платформа, потом грубо бросил:

– Подавись ты своей жизнью. Странно, что ты не пытаешься стать мною.

И отвернулся от Майлза. Даже спина его источала злобу и подозрительность.

Майлз с болью рассмеялся. Какой соблазн! Сбросить мундир, войти на станцию подземки и исчезнуть с чеком на полмиллиона марок. Стать свободным... Его взгляд упал на грязный парадный мундир Айвена, символ их службы. «Ты – это то, что ты делаешь. Выбирай снова...» Нет. Самый уродливый ребенок Барраяра по-прежнему останется рыцарем своей планеты. Он не станет уползать в нору и растворяться в неизвестности.

Кстати, о норах: пора выползти из этой. Последний полисмен исчез за поворотом вместе с парящей платформой. Скоро здесь будут техники. Пора уходить.

– Пора! – Майлз отключил сканер и снял со стены фонарик.

Облегченно фыркнув, Айвен потянулся вверх – открыть крышку люка и посадить Майлза. А тот, как и в первый раз, бросил вниз рулетку. Лицо Марка, ждущего своей очереди, перекопилось от страха: глядя снизу вверх на Майлза, он замер. Когда Майлз бросил ему рулетку, Марк угрюмо пожал плечами. Сняв панорамный датчик сканера с пульта, Майлз убрал его в футляр и включил наручный комм.

– Ним, доложи обстановку, – прошептал он.

– Мы подняли оба аэрокара в воздух, сэр, и отлетели примерно на километр в глубь острова. Район оцеплен полицией.

– Хорошо. От Куин по-прежнему ничего?

– Ничего.

– Дай мне точные координаты ее комм.

Ним выполнил приказ.

– А теперь слушай внимательно. Я нахожусь внутри барьера, неподалеку от шестой башни, с лейтенантом Форпатрилом из барраярского посольства и моим клоном. Мы попытаемся выйти через седьмую башню и по дороге захватить Куин. Или по крайней мере, – Майлз проглотил комок в горле, – узнать, что с ней. Пока оставайтесь на местах.

Они стянули сапоги и зашлепали по коридору к югу, прижимаясь к стенке. Сзади доносились голоса, но полиция была где-то далеко. Подойдя к перекрестку, Майлз предупреждающе поднял руку, потом на цыпочках подкрался к углу и выглянул. Техник в синем комбинезоне и полицейский осматривали выходной люк. Майлз махнул рукой, и Марк с Айвеном шагнули вперед.

В холле, у лифта, дежурил еще один полицейский. Майлз поморщился. Ну вот и все – похоже, из этой переделки незаметно не выбраться.

Да уж. Но может, удастся компенсировать тактические ошибки скоростью? Кроме того, этот человек стоит между ним и Куин. Майлз прицелился и выстрелил. Полицейский рухнул.

Они бросились в лифтовую шахту и поплыли вверх. «Сюда», – молча указал Майлз. Коридор был ярко освещен. Вроде никого не слышно. Пройдя указанное Нимом расстояние, Майлз остановился перед закрытой дверью с надписью «Подсобка». Его вдруг замутило, закружилась голова. Что, если цетагандийцы придумали ей медленную казнь? Что, если минуты, проведенные в укрытии, оказались роковыми...

Дверь была заперта. И вдобавок кодовый замок. Майлз сорвал крышку, закоротил цепь и вручную сдвинул дверь, чуть не сломав пальцы.

Элли лежала в неловкой позе, лицо ее покрывала мертвенная бледность. Майлз упал на колени рядом. Пульс... Есть! Так, пульс прощупывается. Кожа теплая. Парализована, всего лишь парализована! Ура! Майлз поднял глаза на Айвена и постарался успокоиться. Да, так он и думал.

Глава 16

Они остановились у бокового выхода седьмой башни, чтобы натянуть сапоги. Перед ними простирался парк – темный и таинственный. Только вдоль дорожек ярко горели фонари. Майлз прикинул, как добежать незамеченными до ближайших кустов – полицейские машины заполнили всю стоянку.

– У тебя, случайно, нет с собой фляжки? – шепнул он Айвену.

– Если бы даже и была, в ней все равно бы уже не осталось ни капли. А что?

– Я просто думал, как это выглядит, когда три подозрительные личности ночью тащат через парк женщину. Если обрызгать Куин бренди, можно сделать вид, что мы отвозим ее домой после вечеринки. Последствия парализации напоминают похмелье, и никто бы не удивился, если она вдруг начнет приходить в себя.

– Надеюсь. У нее все-таки есть чувство юмора. На друзей не обижаются, даже если они губят твою репутацию, так?

– Лучше гибель репутации, чем просто гибель.

– Ну ладно. Все равно фляжки нет, так что и говорить не о чем. Ну что, побежали?

– Сейчас. Нет, погоди-ка. – На стоянку опускался аэрокар. Гражданский. Полисмен-охранник, стоявший у главного входа в башню, направился ему навстречу. Оттуда вылез пожилой мужчина, и оба поспешили в башню. – Давайте!

Айвен подхватил Куин под мышки, Марк взял ее за ноги. Майлз осторожно перешагнул через парализованного полисмена, охранявшего выход, и они бросились к укрытию. Добравшись до зарослей, они притаились, готовясь к следующей перебежке.

– Господи, Майлз, – Айвен никак не мог отдышаться, – ну почему тебе не нравятся миниатюрные женщины? Было бы естественнее...

– Ну-ну. Она всего вдвое тяжелее полной полевой выкладки. Справишься...

За спиной – ни окриков, ни топота преследователей. Наверное, район вокруг башни наиболее безопасный: его уже наверняка сканировали и решили, что все чисто. Внимание полиции теперь сосредоточено на окраинах парка, которые им еще предстоит преодолеть, если они хотят добраться до города.

Майлз напряженно оглядывался по сторонам. Из-за мерцающего искусственного освещения его глаза никак не могли привыкнуть к темноте.

Айвен тоже начал всматриваться.

– В кустах фараонов не видно, – пробормотал он.

– Я высматриваю не полицию, – прошептал в ответ Майлз.

– А кого же?

– Марк сказал, что в него стрелял размалеванный псих. Тебе такой не попадался?

– Да вроде нет... Может, полиция уже схватила его... – Тут Айвен опасливо оглянулся.

– Все может быть. Марк! А боевая раскраска у него какого цвета? И какие на нем узоры?

– В основном синие. С белыми, желтыми и черными загогулинами. Гем-командующий среднего ранга, да?

– Центурий-капитан. Если ты собрался быть мною, то должен уметь распознавать любой гем-грим.

– Мне и без того пришлось столько выучить...

– Айвен, ты что, и впрямь веришь, будто центурий-капитан, прекрасно обученный, присланный из штаб-квартиры, давший клятву исполнить это задание, позволит какому-то лондонскому полисмену незаметно подкрасться и парализовать себя? Да он скорее умрет, чем позволит сотворить нечто подобное.

Айвен закрыл глаза.

Они миновали еще сотню-другую метров ветвей и теней. С прибрежного шоссе уже доносился гул транспортеров. Переходы, несомненно, охраняются, а скоростная трасса ограждена. Пешеходам там не место.

Неподалеку от главной дорожки Майлз заметил увитый плющом павильон из синтебетона, прятанный в кустах. Майлз решил было, что это общественный туалет, но, приглядевшись, заметил только одну дверь без опознавательных знаков. Проектора, которым надлежало освещать этот участок, оказались разбитыми. И вдруг на глазах у Майлза дверь медленно поехала в сторону. В темноте блеснуло оружие. Майлз навел парализатор и затаил дыхание. Через секунду наружу выскользнула темная фигура.

– Капитан Галени!

Галени вздрогнул, словно от выстрела, пригнулся и бросился к ним. Обнаружив, что декоративный кустарник снабжен шипами, он чертыхнулся и окинул взглядом более чем скромный отряд Майлза – Марка, Айвена и Элли.

– Черт побери, так вы живы! Все!

– Я тоже, признаюсь, начал сомневаться относительно вас, – улыбнулся Майлз.

Галени выглядел очень, очень странно. Пропали сосредоточенность и обреченность, с какими он встретил смерть Сера Галена. Казалось, капитан принял чрезмерную дозу наркотиков – в глаза бросались неестественное возбуждение и взвинченность. Таким Майлз не видел его еще ни разу. Вдобавок лицо капитана украшали синяки, губы были разбиты в кровь, а в распухшей руке он сжимал цетагандийский плазмотрон. Из сапога торчала рукоять ножа.

– Вы, случайно, не натыкались на типа в синем гриме? – осведомился Майлз.

– О да, – самодовольно протянул Галени.

– Что с вами, к черту, случилось? Простите, я хотел сказать – сэр.

Галени зашептал:

– Я не смог найти вход в барьер там, где мы с вами разошлись. Зато я увидел вот этот подсобный вход, – он указал на павильон, – и подумал, что отсюда в сторону барьера могут идти какие-нибудь силовые или оптические кабели. И я не ошибся. Под всем парком проходят туннели. Но, бродя под землей, я заблудился и, вместо того чтобы оказаться, как раньше, внутри барьера, очутился в пешеходном переходе под прибрежным шоссе. Там я нашел – угадайте кого?

Майлз покачал головой:

– Полицию? Цетагандийцев? Барраярцев?

– Почти в точку. Моего старого друга из цетагандийского посольства, гем-лейтенанта Табора. Сначала я даже не понял, чем он занимается. А он страховал экспертов из штаб-квартиры. Я и сам занимался бы этим, – Галени усмехнулся, – если бы не попал под домашний арест. Он совсем не обрадовался, увидев меня, – продолжал Галени. – И тоже никак не мог взять в толк, что я тут делаю. Ну, мы оба и притворились, будто выехали на природу полюбоваться луной, а тем временем я хорошенько рассмотрел, каким оборудованием набит его автомобиль. Сейчас я думаю, что он мне поверил: по-моему, он решил, что я пьян.

Майлз из вежливости промолчал, хотя ему очень хотелось сказать: «Понятно почему».

– Но тут его вызвали, и ему пришлось спешно от меня избавиться. Он вытащил парализатор, мне удалось увернуться, но я упал и притворился, что парализован, хотя он меня почти не задел. Я слушал, как он переговаривается с отрядом в башне, а сам думал, как бы извлечь из этого пользу. И вот, как раз когда левая сторона тела начала хоть что-то чувствовать, появился ваш синелицкий друг. Его приход отвлек Табора, и я уложил обоих.

Брови Майлза поползли вверх:

– Как вам это удалось?

Галени все время непроизвольно сжимал и разжимал кулаки.

– Да я и сам толком не знаю, – признался он. – Помню, как бил их... – Галени взглянул на Марка. – Приятно иметь дело с явным врагом.

На которого, как понял Майлз, Галени только что выплеснул все напряжение, скопившееся в нем за последние жуткие недели и эту сумасшедшую ночь.

– Они живы?

– О да.

Майлз решил, что поверит этому, только когда увидит цетагандийцев собственными глазами. Надо сказать, улыбка Галени была несколько пугающей.

– А их машина? – быстро спросил Айвен.

– Да, конечно, их машина, – поддержал его Майлз. – Она все еще там? Мы можем до нее добраться?

– Скорее всего – да, – ответил Галени. – По туннелям сейчас бродит всего один отряд полицейских. Я их слышал.

– Придется рискнуть.

– Тебе легко говорить, – угрюмо пробормотал Марк. – У тебя дипломатический статус.

А Майлз, словно впервые увидев клона, рассматривал его с нескрываемым интересом. Потом потянулся к внутреннему карману мундира.

– Марк, – выдохнул он. – Хочешь заработать сто тысяч бетанских долларов?

– Нет у тебя никакого чека.

– Это Сер Гален так говорил. Припомни, что еще он говорил и какие ошибки допустил сегодня. – Тут Майлз перевел взгляд на Галени. Упоминание отца действовало на него отрезвляюще: во взгляде снова появилась усталость. – Капитан Галени! Те два цетагандийца в сознании? Или по крайней мере можно привести их в сознание?

– Да, один точно в сознании. А сейчас, может, и оба. Что вы задумали?

– Свидетели! Два свидетеля – как раз то, что нужно.

– Я-то думал, мы тихо смываемся, – жалобно проговорил Айвен.

– Думаю, – Майлз, словно не слыша Айвена, обратился к Марку, – мне лучше сыграть адмирала Нейсмита. Не обижайся Марк, но с бетанским выговором у тебя плоховато. То ли ты слабо раскатываешь конечные «р», то ли еще что. Да и вообще на лорда Форкосигана тебя лучше натаскали.

Тут до Галени дошло. Брови его поползли вверх. Потом он медленно кивнул, но лицо его, когда он повернулся к Марку, было столь непроницаемым, что клон вздрогнул.

– По-моему, вы просто обязаны нам содействовать, – сказал он и, помолчав, тихо добавил: – Вы мне обязаны.

Сейчас не время напоминать, скольким сам Галени обязан Марку, хотя, встретившись с капитаном взглядом, Майлз убедился, что тот все помнит. Уж он-то знает – теперь оба повязаны случившимся.

Почувствовав поддержку, адмирал Нейсмит быстро произнес:

– Итак, в туннель. Ведите, капитан.

Цетагандийская машина стояла в тени, под деревом, чуть слева от выхода из лифтовой шахты, соединявшей подземный переход с парком. Здесь по-прежнему не было ни души. Галени сообщил им, что на другом конце туннеля стоят двое, но они не сочли нужным проверять его сведения. Им уже хватило пробежки по туннелям – еле удалось увернуться от полицейских.

Машину не было видно из окон жилых домов на другой стороне узкой улочки, даже если кто-то и страдал бессонницей. А трасса позади них была отгорожена глухой стеной. И все равно Майлза не покидало ощущение опасности.

На машине отсутствовали опознавательные знаки, да и вся она была какая-то бесцветная: не старая и не новая, не чистая и не грязная, – словом, никакая. Словом, типичная шпионская машина. Майлз тихонько присвистнул, заметив сбоку свежие вмятины в форме человеческой головы и пятна крови на асфальте. К счастью, в полутьме красный цвет казался черным.

– А это было не слишком шумно? – поинтересовался Майлз, указывая на вмятины.

– А? Да нет. Так, глухие удары. Никто и пикнуть не успел.

Быстро оглядевшись и подождав, пока проедет одинокая машина, Галени поднял прозрачный колпак.

На заднем сиденье съезжились двое. Лейтенант Табор в гражданской одежде растерянно моргал. Рот его был запечатан внушительным кляпом. Рядом обмяк еще один размалеванный сине-зеленый цетагандиец. Майлз приподнял ему веко и, обнаружив, что зрачок закатывается, начал копать в аптечке. Айвен опустил Элли на сиденье и уселся за пульт. Марк оказался рядом с Табором, а Галени сел по другую сторону от пленных. В ответ на легкое прикосновение Айвена колпак со вздохом опустился, и сразу стало очень тесно. Семеро – многовато для такой типичной шпионской машины.

Майлз перегнулся через спинку сиденья и прижал иньектор с синергином к шее центурий-капитана. Может, лекарство приведет его в чувство, а может, и нет. Но хуже не будет – это точно. Как ни странно, жизнь и здоровье несостоявшегося убийцы представляли для Майлза чрезвычайную ценность. Сообразив задним числом, Майлз сделал инъекцию и Элли. Она застонала.

Машина приподнялась над землей и с шипением тронулась.

Облегченно вздохнув, когда побережье осталось позади и они свернули в лабиринт улочек, Майлз включил наручный комм и позвал самым монотонным бетанским говорком:

– Ним?

– Да, сэр?

– Следите за координатами моего комм и следуйте за нами. Операция закончена.

– Будет сделано, сэр.

– Конец связи.

Он положил голову Элли к себе на колени и повернулся, чтобы взглянуть на Табора. Глаза Табора так и бегали: с Майлза на Марка и обратно.

– Добрый вечер, Табор, – сказал Марк тоном барраярского фора (неужели Майлз говорит так же ехидно?). – Как ваши бонсайи?

Табор шархнулся, а центурий-капитан пошевелился и приоткрыл глаза, внимательно оглядывая присутствующих. Он сделал попытку выпрямиться, но почувствовал путы и снова обмяк, не желая попусту тратить силы.

Галени протянул руку и ослабил кляп Табора.

– Извините, Табор, но адмирала Нейсмита вы не получите. По крайней мере здесь, на Земле. Так и передайте своему начальству. Пока его флот на орбите, он находится под нашим особым покровительством. Он оказал неоценимые услуги барраярскому посольству, раскрыв очередной комаррский заговор. Так что осадите назад.

Все так же нервно зыря по сторонам, Табор выплюнул кляп, пошевелил нижней челюстью и откашлялся.

– Вы что, вместе работаете? – с трудом прохрипел он.

– К сожалению, да, – проворчал Марк.

– Наемник, – радостно пропел Майлз, – берется за любую работу. За что платят, то и делает.

– Вы совершили ошибку, – прошипел центурий-капитан, пытаясь сфокусировать взгляд на адмирале, – взявшись за ту работу на Дагуле. Цетаганда – мощная держава.

– Ох и не говорите! – жизнерадостно согласился Майлз. – После того как мы освободили их проклятую армию, подполье нас надуло. Половину недоплатили. А цетагандийцы, слушаем, не хотят нас нанять? Мы готовы исправить свою ошибку. А? Нет? К сожалению, я не могу позволить себе быть мстительным – слишком большая роскошь. По крайней мере пока. Иначе я не стал бы работать с, – тут он недружелюбно воззрился на Марка, – этими старыми знакомыми.

– Так вы и правда клон, – выдохнул Табор, разглядывая легендарного адмирала наемников. – А мы думали... – Он резко оборвал фразу.

– Мы много лет считали, что он ваш, – сказал Марк, успешно входя в роль лорда Форкосигана.

«Наш?!» – всем своим видом сказал Табор, но предпочел промолчать.

– Но последние события подтвердили его комаррское происхождение, – закончил Марк.

– Мы же договорились, – возмущенно вмешался Майлз. – Вы прикрываете меня, пока я не улечу с Земли.

– Да, договорились, – подтвердил Марк. – Только не вздумайте приближаться к Барраяру.

– Да подавитесь вы вашим Барраяром. У меня остается вся галактика.

Центурий-капитан, почувствовав, что снова отключается, нервно заморгал и попытался восстановить дыхание. Майлз решил, что у бедняги не иначе как легкое сотрясение мозга. И тут Элли открыла глаза. Майлз положил ей руку на лоб, пригладил волосы. Она деликатно срыгнула (синергин избавил ее от обычной постпарализационной рвоты), села, огляделась, увидела Марка, цетагандийцев, Айвена – и прикусила губу. Майлз сжал ей руку. «Потом объясню», – пообещала его улыбка. Она досадливо нахмурилась: «Да уж, изволь», – и гордо подняла голову: неприятель не должен видеть ее растерянной и непричесанной.

Айвен повернул голову и спросил у Галени:

– Что будем делать с цетагандийцами, сэр? Где их выкинуть? С какой высоты?

– Я полагаю, нет никакой необходимости устраивать межпланетный скандал. – Галени говорил с хищной жизнерадостностью, позаимствовав тон у Майлза. – Вы со мной согласны, лейтенант Табор? Или хотите, чтобы местным властям стало известно, что именно задумал совершить сегодня ночью в барьере ваш гем-товарищ? Нет? Так я и думал. Хорошо. Им обоим нужна медицинская помощь. Айвен, лейтенант Табор, к несчастью, сломал себе руку, а у его... э-э... друга – сотрясение мозга. Не считая всего прочего. Выбирайте, Табор. Завезти вас в больницу или предпочитаете лечиться у себя в посольстве?

– В посольстве, – незамедлительно прохрипел Табор. – Если только вам самому не хочется объясняться перед судом в связи с покушением на убийство.

– Да какое убийство? Всего-навсего легкие телесные повреждения. – Галени сверкнул глазами.

Табор встревоженно улынулся: у него был такой вид, словно он рад немедленно избавиться от неприятного соседства.

– Да какая разница. Все равно оба посла будут недовольны иным развитием событий.

– Ну вот, давно бы так.

Приближался рассвет. Уличное движение становилось все оживленнее, и Айвен далеко не сразу нашел стоянку такси, где не было очереди. Эта приморская окраина находилась далеко от посольств. Галени чрезвычайно заботливо помог пассажирам сойти, но бросил Табору ключи от ручных и ножных пут центурий-капитана только тогда, когда Айвен нажал на газ.

– Мои ребята вернут машину сегодня же, – крикнул на прощание Галени. Тяжело вздохнув, он рухнул на сиденье. Айвен снова опустил колпак. Галени чуть слышно прибавил: – Но сперва мы ее как следует осмотрим.

– Думаешь, это шоу возымеет последствия? – спросил Айвен.

– На данном этапе? Чтобы убедить цетагандийцев, что Барраяр не имел никакого отношения к Дагуле? Не знаю, может быть – да, а может, и нет, – вздохнул Майлз. – Но основную проблему мы решили: два проверенных офицера готовы поклясться, что адмирал Нейсмит и лорд Форкосиган – два разных человека, а это сейчас – самое главное.

– А Дестанг? Он это одобрит? – не унимался Айвен.

– Не думаю, – равнодушно сказал Галени, любуясь городским пейзажем, – чтобы из-за этого стоило беспокоиться. Одобрит не одобрит, какая разница?

Майлз полностью разделял мнение Галени. Они страшно устали, но все живы – это главное. Майлз задерживался взглядом на каждом: Элли, Айвен, Галени, Марк. Все здесь, все пережили эту ночь.

Почти все...

– Где тебя высадить, Марк? – спросил Майлз, бросив вопросительный взгляд на Галени. Майлз ожидал возражений, но Галени промолчал. Распрощавшись с цетагандийцами, он наконец позволил себе расслабиться и теперь казался враз постаревшим и опустошенным. Майлз и не стал напрашиваться на возражения.

«Будь осторожен в просьбах, а то можешь получить то, о чем просил».

– На станции подземки, – ответил Марк. – На любой станции подземки.

– Хорошо.

Майлз вызвал на дисплей карту и показал Айвену, куда ехать.

Когда машина остановилась, он вышел вместе с Марком.

– Я сейчас.

Они пошли вместе к лифтовой шахте. В этом районе еще царила тишина, народу было немного, но уже чувствовалось приближение утреннего часа пик.

Расстегнув мундир, Майлз достал кредитную карточку. Судя по напряженному лицу Марка, тот до последнего момента ожидал выходки в стиле Сера Галена. Взяв карточку, он с подозрением повертел ее в руках.

– Ну вот, – сказал Майлз. – Если тебе с твоей подготовкой и с этими деньгами не удастся скрыться на Земле... Такого не бывает. Удачи!

– Но... что ты от меня хочешь?

– Ничего. Абсолютно ничего. Ты свободный человек (если, конечно, сможешь сохранить свободу). Мы не станем докладывать местным властям о... э-э... несчастном случае с Галеном.

– Ты хотел большего.

– Когда не можешь получить то, что хочешь, соглашаешься на то, что можешь получить. Ты ведь уже начал понимать это. – Майлз кивком указал на карман Марка, и тот прикрыл его рукой.

– И чего ты от меня хочешь? – спросил Марк. – На что толкаешь? Ты что, всерьез принял эту чушь насчет Архипелага Джексона?

– Можешь взять деньги и просадить их в марсианских притонах. Или заплатить за образование. А может, и не одно. Или сунь карточку в ближайший мусоросборник. Я тебе не отец, не учитель и не хозяин. Ничего мне от тебя не нужно. Ничего я не хочу.

«Попробуй только возразить – если придумаешь как, братец...» Майлз развел руками и отступил на шаг.

Не поворачиваясь к Майлзу спиной, Марк попятился к шахте.

– Почему? – вдруг закричал он растерянно и гневно.

Майлз вскинул голову и расхохотался.

– А ты догадайся! – бросил он в ответ.

Поле шахты подхватило Марка, и он исчез.

Майлз вернулся к друзьям.

– Разумно ли это? – обеспокоенно спросила Элли, прервав рассказ Айвена. – Так вот взять и отпустить этого?

– Не знаю, – вздохнул Майлз. – Если не можешь помочь, не мешай. Я не могу помочь ему: Гален сделал его сумасшедшим. Он одержим мною. Боюсь, ему от этого не избавиться. Уж я-то знаю, что такое одержимость. Самое лучшее, что я могу сделать, – это уйти с его дороги. Может, со временем он успокоится. Может, со временем он... излечится.

Он вдруг почувствовал страшную усталость. Рядом с ним сидела Элли, и он был очень-очень счастлив. Опомнившись, Майлз включил наручный комм и отпустил Нима и его патруль.

– Ну, – Айвен нарушил неловкое молчание, – куда теперь? Вы тоже хотите вернуться в космопорт?

– Ага, – выдохнул Майлз. – И хотя бы временно скрыться... Боюсь, что побег невозможен. Все равно Дестанг рано или поздно меня поймает. С таким же успехом можно сейчас же вернуться в посольство и доложить. Доложить всю правду. Больше у нас нет причин лгать, верно?

– Не возражаю, – ответил Галени. – Я вообще не люблю лживых рапортов. Со временем они становятся историей.

– Вы... знаете, я этого не хотел, – после паузы сказал Майлз. – Ну, того, что произошло вчера.

Ужасно беспомощное извинение – после того как его стараниями убили отца Галени...

– Вы что, правда думаете, что контролировали ситуацию? Как ни крути, лорд Форкосиган, но на Господа Бога вы не похожи. – Галени улыбнулся одними губами. – Я уверен, это было непреднамеренно.

Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Майлз откашлялся.

– Тогда – в посольство, Айвен. Э-э... не спеши. Поезжай медленно. Я не откажусь посмотреть на Лондон.

Он прижался к Элли, и они стали смотреть, как летний рассвет озаряет город, и все эпохи, сосуществуя одновременно, перемешиваются в игре света на старинных улочках.

* * *

Когда они выстроились в ряд в кабинете, Майлзу вспомнились китайские обезьянки, стоявшие на полке в каюте Танга. Айвен был явно той, которая звалась «Не вижу зла». Судя по плотно сжатым губам Галени, он был первым кандидатом на «Не говорю зла». Значит, Майлзу, стоявшему между ними, досталось «Не слышу зла», но, даже если он заткнет уши, ему это мало поможет.

Майлз ожидал, что Дестанг придет в ярость, но тот скорее испытывал только отвращение. Ответив на их приветствие, коммодор откинулся на спинку кресла. А бросив взгляд на Майлза, Дестанг скис окончательно.

– Форкосиган. – Имя Майлза осязаемо повисло в воздухе. Дестанг одарил его недобрым взглядом и продолжил: – Сегодня, в семь часов утра, когда я закончил разговор с неким следователем Ридом в муниципальном суде, я был убежден, что спасет вас только вмешательство свыше. Вмешательство свыше пришло в 9.00 в виде специального курьера из имперской штаб-квартиры. – Дестанг двумя пальцами поднял диск с печатью императора. – Вот новое срочное предписание для вашего нерегулярного дендарийского отряда.

Поскольку Майлз уже видел курьера в столовой, эта новость не слишком удивила его.

– Да, сэр? – поощрительно спросил он.

– Оказывается, некий флот свободных наемников, работающих в отдаленном районе четвертого сектора якобы по контракту с субпланетным правительством, перешел от партизан-

ской войны к открытому пиратству. Блокада п-в-туннеля попросту превратилась в грабеж. Три недели назад они угнали пассажирский корабль, приписанный к Тау Кита, чтобы переоборудовать его в транспортно-десантный. Это бы еще ничего, но какой-то гений решил, что они могут увеличить доходы, запросив выкуп за пассажиров. Несколько правительств тех планет, граждане которых попали в заложники, создали спецгруппу для ведения переговоров. Эту группу возглавили тау-китяне.

– А какое отношение имеем к этому мы, сэр?

Сектор четыре, конечно, далеко от Барраяра, но Майлз уже догадывался, что воспоследует. А вот Айвен явно сгорал от любопытства.

– Среди пассажиров оказалось одиннадцать барраярских подданных, в том числе супруга министра тяжелой промышленности лорда Форвейна с тремя детьми. Поскольку барраярцы составляют незначительное меньшинство среди двухсот шестнадцати заложников, Барраяру, естественно, не позволили руководить созданной спецгруппой. А нашему флоту три враждебных правительства запретили транзитный перелет по п-в-туннелям (по кратчайшему маршруту от Барраяра до четвертого сектора). Любой другой маршрут – это восемнадцать недель. А с Земли дендарийцы смогут добраться туда меньше чем за две недели.

Дестанг нахмурился. Айвен слушал как завороженный.

– Вам приказано выволить живыми подданных императора, а также жителей других планет (если получится). Кроме того, вы сами изберете меру пресечения для злоумышленников. Поскольку мы находимся в процессе сложнейших переговоров с Тау Кита, нам не хотелось бы, чтобы им стал известен... э-э... инициатор этой попытки освобождения в случае... э-э... какой-либо неудачи. А уж как вы будете это делать – решайте сами. Здесь вы найдете все разведданные. – Наконец-то он передал Майлзу диск. Майлз нетерпеливо вцепился в данные. Айвен завистливо посмотрел на кузена. Дестанг достал еще некий предмет и вручил его Майлзу с видом человека, вырывающего у себя кусок печенки: – Курьер также доставил еще один чек на восемнадцать миллионов марок: на текущие расходы в следующие полгода.

– Благодарю вас, сэр!

– Хм. По окончании операции вы должны связаться с коммодором Райвиком в штаб-квартире четвертого сектора на станции Ориент, – закончил Дестанг. – Если мне повезет, к тому времени, как ваш нерегулярный отряд снова окажется во втором секторе, я уже выйду в отставку.

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

Дестанг повернулся к Айвену:

– лейтенант Форпатрил!

– Сэр?

Айвен стал по стойке «смирно», изобразив пай-мальчика. Майлз приготовился было уверять, что Айвен ни в чем не виноват, ничего не знал и вообще стал невинной жертвой... но это не потребовалось. Дестанг посмотрел на Айвена и вздохнул:

– Ничего.

Затем он повернулся к Галени, стоявшему навтыжку – «несгибаемо», подумал Майлз. Утром, вернувшись в посольство раньше Дестанга, они привели себя в порядок, переоделись и составили короткие рапорты, которые Дестанг только что прочел. Но поспать никому не удалось. Сколько еще выдержит Галени?

– Капитан Галени, – объявил Дестанг. – С точки зрения устава вы обвиняетесь в нарушении приказа о домашнем аресте. Поскольку это обвинение аналогично тому, которого так удачно избежал присутствующий здесь Форкосиган, передо мной встает вопрос о соблюдении справедливости. Имеется также смягчающее вину обстоятельство – похищение Форпатрила. Его спасение и смерть врага Барраяра – единственные осязаемые результаты... минувшей ночи. Все остальное – домыслы и неподтвержденные заявления относительно ваших благих

намерений, если только вы не согласитесь на допрос с суперпентоталом, чтобы рассеять все подозрения.

На лице Галени отразилось нескрываемое отвращение.

– Это приказ, сэр?

Майлз понял, что еще секунда – и Галени подаст в отставку. И это сейчас, когда принесено столько жертв... Так и лягнул бы его: «Нет, нет!» В голове Майлза роились отчаянные протесты:

«Суперпентотал унизителен для чувства собственного достоинства, сэр!» – «Если накачаете суперпентоталом его, накачивайте и меня... Ничего, Галени, я уже растерял чувство собственного достоинства...»

Вот только индивидуальная реакция Майлза на суперпентотал делает такое предложение более чем бессмысленным. Он прикусил язык и промолчал.

Вид у Дестанга был неуверенный. Немного помолчав, он просто сказал:

– Нет. – Затем добавил: – Но это означает, что все рапорты – мой, ваш, Форкосигана и Форпатрила – будут отправлены Саймону Иллиану для оценки. Я не считаю дело закрытым. Я получил звание не за то, что отлынивал от принятия решений, но и не за то, что лез в политику. Ваша... лояльность, как и судьба клона Форкосигана, – это уже из области политики. Я не убежден в осуществимости плана интеграции Комарры, но и не хотел бы войти в историю как человек, который его сорвал. Пока ваше дело будет рассматриваться, можете приступить к исполнению своих обязанностей здесь, в посольстве. И не благодарите, – мрачно добавил он, когда Майлз заулыбался, Айвен сдавленно хихикнул, а Галени посветлел. – Я поступаю так по просьбе посла... Все свободны. Приступайте к исполнению обязанностей.

Майлз подавил желание поскорее убежать, пока Дестанг не передумал. Он отдал честь и пошел к двери вместе со всеми. Когда они дошли до порога, Дестанг добавил:

– Капитан Галени!

Галени остановился:

– Сэр?

– Мои соболезнования.

Эти слова он словно щипцами из себя вытянул, но именно поэтому они прозвучали так искренне.

– Благодарю вас, сэр.

Голос Галени звучал безжизненно, но он все же заставил себя кивнуть, принимая соболезнование.

В шлюзах и коридорах «Триумфа» было шумно: наемники возвращались из увольнения, техники завершали последние приготовления к вылету, на корабль доставляли запасы, но суета была только кажущейся: на самом деле все действовали по-военному четко и слаженно. Вымуштрованные ребята Танга не допускали сбоев.

Стоило Майлзу с Элли ступить на борт, как они тут же оказались в центре внимания. «А какой у нас теперь контракт, сэр?»

Скорость распространения слухов, как всегда, поражала. Догадки сыпались одна за одной. Майлз отвечал всем одно и то же: «Да, контракт есть. Да, уходим с орбиты. Как только вы будете готовы. Вы готовы, мистер? А остальные в вашей команде готовы? Так, может, вам стоит пойти помочь...»

– Танг! – приветствовал Майлз своего начальника штаба. Коренастый азиат был в гражданском и нес чемоданы. – Только вернулись?

– Нет, уже уезжаю. Осон вас не поймал, адмирал? Я уже неделю пытаюсь с вами связаться.

– Что? – Майлз оттащил его в сторонку.

– Я подал в отставку. Согласно пункту устава о выходе на пенсию.

– Что?! Почему?

Танг ухмыльнулся:

– Поздравьте меня. Я женюсь.

Пораженный Майлз с трудом выдавил:

– Поздравляю. Э-э... когда это случилось?

– В увольнении, разумеется. На самом деле она – моя троюродная сестра. Вдова. После смерти мужа сама водила туристический корабль по Амазонке. Она капитан и кок. Какую она жарит свинину му-шу – пальчики оближешь! Но она уже не так молода, ей нужна поддержка. – «Уж что-что, а поддержку Танг ей обеспечит». – Мы станем партнерами. Да что там, – прибавил он, – когда ты наконец выкупишь у меня «Триумф», мы вообще сможем обойтись без туристов. Если когда-нибудь захочешь прокатиться на водных лыжах по Амазонке позади пятидесяти-метровой шхуны на воздушной подушке, приезжай в гости, сынок.

«...И мутировавшие пираньи доедят то, что от него останется».

Очарование картинки: Танг, любующийся закатами на Амазонке с пышнотелой азиатской на коленях, с бокалом в одной руке и куском свинины – в другой, немедленно рассеялось. Интересно, во сколько обойдется дендарийцам выкуп «Триумфа» и где он найдет второго такого Танга?

Рвать на себе волосы было поздно, а главное – бесполезно. Поэтому Майлз тактично поинтересовался:

– Э-э... ты уверен, что не будешь скучать?

Танг, будь прокляты его зоркие глаза, понизил голос и ответил именно на тот вопрос, который Майлз задал на самом деле:

– Я никогда не ушел бы, не будь у меня уверенности, что ты справишься, сынок. Просто держись как сейчас. – Он ухмыльнулся и затрещал суставами пальцев. – Кроме того, у тебя есть преимущество перед всеми адмиралами наемников всей галактики.

– Какое? – заинтригованно спросил Майлз.

Танг заговорщически прошептал:

– Тебе не обязательно получать прибыль. – Танг саркастически улыбнулся.

И это стало единственным признанием осторожного Танга, что он давно уже понял, кто их настоящий наниматель. На прощание он отдал Майлзу честь.

Майлз проглотил ком в горле и повернулся к Элли.

– Ну... назначьте совещание отдела разведки через полчаса. Надо как можно скорее заслать туда наших следопытов. В идеале желательно еще до нашего прибытия внедрить в их ряды наших людей.

Майлз замолчал, сообразив, что смотрит на самого находчивого дендарийского разведчика. Послать ее вперед, а самому оставаться здесь, зная, что Элли в опасности... «Нет, нет!»... Все правильно. Разве можно использовать талантливого разведчика в качестве телохранителя? Так оно сложилось... Майлз заставил себя продолжить как ни в чем не бывало:

– Они наемники. Кто-нибудь из наших людей мог бы к ним присоединиться. Если мы найдем того, кто без труда сможет скосить под идиота и убедительно симитировать низкий психокриминальный уровень этих пиратов...

Проходивший мимо рядовой Данио остановился отдать честь.

– Спасибо, что вы нас вызволили, сэр. Я... на самом деле на это не надеялся. Клянусь, вы об этом не пожалеете.

Майлз с Элли переглянулись, проводив взглядом неуклюжую фигуру.

– Он в твоём полном распоряжении, – улыбнулся Майлз.

– Вот и славно, – ответила Куин. – Дальше.

– Пусть Торн вытащит из местной комм-сети всю информацию об этом угоне. Надо искать неожиданные повороты, которые упустила штаб-квартира, – словом, все. – Майлз

постучал по спрятанному в кармане диску и вздохнул при мысли о новом задании. – Ладно... Все лучше, чем наши каникулы на Земле, – обнадеживающе сказал он. – Чисто военная операция: ни родственников, ни политики, ни финансовых проблем... Все однозначно: хорошие парни и плохие парни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.